

КАРА-ТЕПЕ-

БУДДИЙСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

МАТЕРИАЛЫ СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРА-ТЕПЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Б. Я. Ставиского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Т. В. ГРЕК, Е. Г. ПЧЕЛИНА, Б. Я. СТАВИСКИЙ

КАРА-ТЕПЕ— БУДДИЙСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ 1937, 1961—1962 гг. И ИНДИЙСКИЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ

МОСКВА 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Татьяна Владимировна Грек, Евгения Георгиевна Пчелина,
Борис Якозлевич Стависский

КАРА-ТЕПЕ — БУДДИЙСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ
В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Утверждено к печати *секцией восточной литературы*
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *Л. М. Камзицкий*
и *Т. Н. Пронина*

Сдано в набор 8/V 1954 г. Подписано к печати 4/X 1954 г. А-10804
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 3000 экз. Изд. № 1159.
Зак. 1147. БЗ 1954 № 72. Цена 48 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография № 3 издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКТОРА

Неподалеку от берега Аму-Дарьи, в северо-западном углу городища Старого Термеза высится большой песчаниковый холм. Ныне его называют Пещерной сопкой или Безымянной высотой. В литературе же по истории и археологии Средней Азии он известен как Кара-тепе (Черный холм); так называли его местные жители в 20-х и 30-х годах, когда в Термезе только лишь начинали вести свои полевые работы советские исследователи.

Первым, кто обследовал тогда Кара-тепе, был известный историк культуры и искусства Востока А. С. Стрелков, который в 1928 г. осмотрел здесь три полузасыпанные песком пещеры и высказал мысль, что это остатки буддийского пещерного монастыря. Небольшие зачистки этих трех пещер производили: в 1934—1936 гг. Г. В. Парфенов, сотрудник Термезского Музея и уполномоченный Комитета по охране памятников старины Узбекской ССР, а в 1936 г. — сотрудники Отдела Востока Эрмитажа В. Н. Кесаев и Б. Б. Пиотровский, участники крупной Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ), возглавлявшейся проф. М. Е. Массоном. Более углубленное изучение Кара-тепе было начато в 1937 г. отдельной группой ТАКЭ во главе с Е. Г. Пчелиной. К сожалению, позднее раскопочные работы здесь не велись, причем материалы раскопок 1937 г. в основной своей массе остались неопубликованными.

Продолжить изучение Кара-тепе удалось лишь через два с половиной десятилетия, в 1961—1962 гг., совместной экспедиции Отдела Востока Эрмитажа (Ленинград) и Музея искусства народов Востока (Москва), организованной при поддержке Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.

Уже первые раскопочные сезоны, проведенные нашей экспедицией на Кара-тепе, привели к ценным открытиям, в частности к обнаружению памятников древних среднеазиатской и индийских письменностей. И едва лишь сведения о раскопках Кара-тепе 1961—1962 гг. стали известны, они вызвали ряд запросов как от советских исследователей, так и от ученых Индии, Афганистана, Франции, Великобритании, Соединенных Штатов Америки.

Такой интерес к Кара-тепе, конечно, не случаен. Объясняется он тем, что Кара-тепе — уникальный памятник культуры и искусства.

Во-первых, это один из немногочисленных среднеазиатских памятников кушанского периода, т. е. той блистательной эпохи в истории народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана и Индии, когда здесь располагалось могущественное, но все еще мало изученное, а потому загадочное Кушанское царство.

Во-вторых, это самый ранний или во всяком случае один из наиболее ранних буддийских памятников Средней Азии и Восточного Туркестана, т. е. тех областей, которые в течение многих столетий играли важную роль в распространении буддизма из его родины Индии на широкие просторы Центральной Азии и Дальнего Востока.

В-третьих, это единственный известный пока буддийский пещерный монастырь на территории советских среднеазиатских республик.

В сборник наряду с отчетом начальника совместной экспедиции Отдела Востока Эрмитажа и Музея искусства народов Востока Б. Я. Ставиского о работах 1961—1962 гг. и статьей старшего научного сотрудника Отдела Востока Эрмитажа Т. В. Грек об индийских надписях на керамике из раскопок Кара-тепе включена также статья руководителя работ на Кара-тепе в 1937 г. Е. Г. Пчелиной, посвященная первому этапу изучения этого замечательного археологического объекта (ранее о работах 1937 г. на Кара-тепе было известно лишь по кратким информационным заметкам).

Представляя материалы из раскопок Кара-тепе на суд читателей, считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность всем участникам экспедиции 1961—1962 гг., товарищам из Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР и Сурхан-дарьинского (Термезского) областного Историко-краеведческого музея, а также партийным, советским и военным организациям г. Термеза за ту огромную помощь, без которой были бы немыслимы успешные работы на Кара-тепе. Авторы сборника благодарны также коллегам из Отдела Востока Эрмитажа, Института народов Азии и Института археологии АН СССР и всем тем, кто помог своими замечаниями и советами в ходе научной обработки раскопочных материалов.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

Б. Я. Ставиский

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ в 1961—1962 гг.

Среди проблем, которые особенно занимают в последнее время многих исследователей исторического прошлого народов советских среднеазиатских республик, все большее значение приобретает «кушанская проблема». Археологические работы, развернувшиеся в Средней Азии с середины 30-х годов и приобретшие особенно широкий размах в послевоенные годы, выявили огромное значение кушанского периода в истории культуры и искусства среднеазиатских народов, что вполне согласуется с выводами наших зарубежных коллег, изучающих археологические памятники Афганистана, Пакистана и Северной Индии, о крупной роли кушанского периода в истории культуры и искусства народов этих стран. С каждым годом становилось все яснее, что слабая изученность памятников кушанского периода в Средней Азии тормозит прогресс наших знаний об истории многих стран и народов Востока.

Именно поэтому Среднеазиатская археологическая экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа в качестве объекта своих раскопочных работ выбрала Кара-тепе в Старом Термезе. Этот памятник, изучение которого было начато еще в 20-х годах, исследовался в 1937 г. отдельной группой Термезской комплексной археологической экспедиции. Руководитель этой группы Е. Г. Пчелина любезно предоставила в распоряжение нашей экспедиции все свои материалы и всячески способствовала возобновлению раскопок этого замечательного памятника. Сведения о работах на Кара-тепе 1937 г.[1] давали основание надеяться, что его раскопки будут перспективны, и весной 1961 г. по согласованию с

[1] См. ниже статью Е. Г. Пчелиной, где приводятся также все ранее опубликованные краткие сообщения о раскопках 1937 г. и изложена история изучения Кара-тепе до начала этих раскопок.

дирекцией Института истории и археологии АН Узбекской ССР наша экспедиция выехала в Термез. После работ Е. Г. Пчелиной раскопки Кара-тепе не возобновлялись; лишь в 1938 г. Г. А. Пугаченкова произвела здесь архитектурные обмеры раскрытых ранее пещер[2]. Таким образом, раскопки 1961—1962 гг. явились прямым продолжением работ Е. Г. Пчелиной.

Работы в 1961 и 1962 гг. велись весной. В 1961 г. эти работы вела археологическая экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа, в 1962 г.— совместная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Государственного Музея искусства народов Востока (бывший Музей восточных культур). Как в 1961, так и в 1962 г. экспедиции были организованы при поддержке Института истории и археологии АН Узбекской ССР[3].

Огромное городище Старого Термеза (рис. 1), на территории которого расположено Кара-тепе, лежит примерно в 10 *км* от современного города. В древности и в эпоху средневековья здесь проходил важный караванный путь из районов современного Афганистана и Индии в среднеазиатское междуречье и далее в Восточный Туркестан и Китай. Старый Термез располагался на одном из оживленных участков этого пути, близ переправы через Аму-Дарью, по дороге из Балха, столицы древней Бактрии (позднее Тохаристана), в Самарканд, политический и культурный центр Согдианы (Согда).

Время возникновения Термеза еще не установлено. Но, судя по находкам монет греко-бактрийских царей, в III—II вв. до н. э. город уже существовал. Погиб Старый Термез в результате разгрома, учиненного в 1220 г. ордами Чингизхана. История Старого Термеза насчитывает, таким образом, не менее полутора тысячелетий. В разные периоды длительного существования этого города судьба отдельных его ча-

---

[2] Чертежи Г. А. Пугаченковой были переданы Совинформбюро Г. Фильду и Е. Простову для их информационной статьи о раскопках в Узбекистане. См. H. Field and E. Prostov, *Excavations in Uzbekistan. 1937—1939*, — «Ars Islamica», 1942, vol. IX, pt. 1—2, p. 144, fig. 6—8. Г. А. Пугаченкова любезно передала нам фотокопии этих чертежей.

[3] В работах экспедиции в 1961 г. принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа Б. Я. Ставиский (начальник экспедиции), Е. В. Зеймаль, Л. Л. Баркова, И. А. Лапис, М. Б. Северова и студент-практикант С. Т. Кондратенко. В работах 1962 г. — сотрудники Государственного Эрмитажа Б. Я. Ставиский, В. Г. Луконин, М. Б. Северова, С. И. Фингарет, сотрудник Музея искусства народов Востока А. П. Кусургашева и лаборант Л. К. Сергеева. Краткую информацию о работах 1961—1962 гг. см. в СГЭ, XXIV и XXVI.

стей была различной: одни участки были заброшены еще в древности, другие были заселены лишь в средние века. Историческая топография Старого Термеза во многом еще спорна, но уже сейчас ясно, что северо-западная часть городища, где расположено Кара-тепе, никогда не была местом сплошной застройки, и вскрытые здесь раскопками сооружения находились хотя и под защитой внешних городских стен, но все же в некотором отдалении от оживленных жилых и деловых кварталов восточной части города (характер построек на Чингиз-тепе, большом холме, лежащем между Кара-тепе и основной восточной частью города, еще не совсем ясен) [4].

I. Раскопанные сооружения

В результате раскопок 1937 и 1961—1962 гг. на Кара-тепе открыто несколько сооружений: двор с небольшой сырцовой постройкой и выбитые в песчаниковом холме пещерные комплексы.

Наиболее четко выявляются пока планировка и устройство двора с надземной постройкой и двух пещерных комплексов, условно обозначенных как П-I и П-II (рис. 7).

а) Центральный двор и надземная постройка

Двор в плане близок к квадрату, стороны которого равны примерно 18 *м* (центр и северо-восточная часть его еще не раскопаны). Западная часть двора высечена в песчаниковой породе холма, восточная сооружена на выровненной площадке склона. Соответственно западная стена двора целиком песчаниковая, восточная сложена из кирпича-сырца, а северная — песчаниковая внизу и сырцовая сверху, причем в северо-западном углу песчаниковая часть стены достигает высоты более 2,5 *м*, в 5 *м* от угла доходит до 0,9 *м*, а по мере дальнейшего продвижения на восток становится все ниже и ниже. Вдоль стен двора, опоясывая его открытую центральную часть, тянулись, вероятно, крытые колоннады-айваны. Как это обычно бывает в условиях Средней Азии, никаких деревянных архитектурных деталей от этих колоннад не сохранилось, и о том, что они некогда существовали, мы можем судить лишь по находке в северо-западной части двора ка-

[4] Об исторической топографии Термеза и его истории см. М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941 (особенно стр. 86—102) и В. А. Шишкин, *К исторической топографии Старого Термеза*, — там же, стр. 123—153.

менной базы, обломков таких баз и характерных следов от них на полу. Следы, о которых идет речь,— это углубления, расположенные в ряд на примерно равном (около 1,5 *м*) расстоянии друг от друга. Всего в северо-западной части двора пока открыто четыре таких углубления, причем в трех из них найдены куски каменных баз, а в четвертом — полная база, сохранившаяся на месте (in situ) (рис. 10—11). Эта база высечена из единого куска камня и состоит из квадратного основания (размером 29×29 *см* при высоте 17 *см*) и круглой подставки под ствол колонны (диаметром в 20 *см*).

Каменные профилированные базы такого типа из района Термеза известны уже давно[5], причем одна из них была найдена при раскопках 1936 г. на Чингиз-тепе и, по мнению руководителя раскопок, могла попасть туда из Кара-тепе[6]. Ныне подобные базы открыты во многих древних памятниках Средней Азии: в северной Бактрии (Тохаристане)[7], Хорезме[8] Согде[9], Парфиене[10]. Найдены они и в раннесредневековых храмах Пенджикента, куда скорее всего были перене-

---

[5] См. Г. А. Пугаченкова, *Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана*, — «Труды АН УзССР», сер. I, т. II, Ташкент, 1945, стр. 65—81 (особенно стр. 65—73 и 78, 79).

[6] См. Б. Б. Пиотровский, *Раскопки на Чингиз-тепе*, — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 165. Ныне эта база хранится в отделении Средней Азии Государственного Эрмитажа. Она имеет основание размером 36×36 *см* при высоте в 7 *см* и круглую подставку под ствол колонны диаметром в 28 *см*.

[7] Помимо указанной выше статьи Г. А. Пугаченковой см.: М. М. Дьяконов, *Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан)*, М.—Л., 1953 (МИА СССР, № 37), стр. 261, 262; Л. И. Альбаум, *Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.)*, — «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 129 и рис. 15 на стр. 133; Б. А. Литвинский и Т. И. Зейналь, *Каменные базы колонн из Вахшской долины*, — «Изв. АН ТаджССР», ООН, 1960, № 1 (22), стр. 73—79; Т. И. Зейналь, *Античное поселение в урочище Халкаджар*, — «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», 1961, т. XXVII, стр. 165. Такие же базы колонн найдены и при раскопках древнего дворца или храма Халчаян-тепе возле Денау (раскопки Г. А. Пугаченковой); ср. прим. 80.

[8] См. Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, *Городище Гяур-кала*, — «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 359, 360 и рис. 68.

[9] Упоминание о находке каменных баз в районе Шахрисябза см. в статье Г. А. Пугаченковой «Архитектурные памятники Нисы», — Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 214, 255. Ср. С. К. Кабанов, *Археологические разведки в верхней части долины Кашка дарьи*, — «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 110, рис. 24 на стр. 109.

[10] См. Г. А. Пугаченкова, *Архитектурные памятники Нисы*, стр. 213, 214; ее же, *Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, — «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 62 и сл.

сены из каких-то более ранних построек [11]. Достаточно широко известны такие базы и в памятниках кушанского периода в Афганистане, Пакистане и Индии, где, как правило, они также служили основаниями под деревянные стволы колонн [12].

О том, что колоннады существовали не только в северо-западной части двора, свидетельствуют косвенные данные: относительно хорошая сохранность поверхности стен и, что важнее, следы раскраски их по тонкому слою гипсовой (ганчевой) побелки. Подобная раскраска стен в условиях Средней Азии вообще имеет смысл лишь в том случае, если эти стены находятся под защитой кровли или хотя бы навеса. Таким образом, остатки раскраски стен двора (а такие остатки обнаружены на всех его стенах) позволяют предполагать, что в древности колоннады-айваны тянулись по всему внутреннему периметру раскапываемого нами двора.

Судя по следам краски, все стены айванов, о которых идет речь, были окрашены в интенсивный ровный красный цвет. Лишь по сторонам от входа в центральное помещение надземной постройки на стене южного айвана располагались многоцветные изображения стоящих человеческих фигур, выполненных примерно в натуральную величину. Эти изображения были открыты в 1937 г.; тогда здесь были видны части ног и подолов одежды.

При раскопках двора в 1961—1962 гг. четко выделены остатки двух последовательных периодов жизни. В ранний из них глиняные обмазки пола и в южном айване, и в северо-западном углу двора шли горизонтально, смыкаясь с штукатуркой стен айванов; в поздний обжитая поверхность покоилась на плотном слое, состоящем из кусков кирпича-сырца, лесса и песка. Толщина этого слоя доходила до 60 *см*, а поверхность его покато поднималась к стенам двора. Вполне вероятно, что этот слой в значительной части носит характер завала, т. е. образовался в результате разрушения построек первого периода, но в окончательном виде он, очевидно, был утрамбован и выровнен искусственно при вторичном оживании Кара-тепе. При этом в слой завала (или

---

[11] См. В. Л. Воронина, *Архитектурные памятники древнего Пянджикента*, М.—Л., 1953 (МИА СССР, № 37), стр. 101, 103, 123, 124.

[12] Последними находками такого рода к югу от Аму-Дарьи являются каменные базы, открытые в Сурх-Котале. См. D. Schlumberger, *Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (III)*, — JA, 1955, t. CCXLIII. p. 275 sq., Ср. также более ранние работы Д. Шлюмберже в JA, «Archaeology» и «Antiquity».

забутовки) попали многочисленные куски ганчевых (гипсовых) статуй, относящихся к первому периоду жизни. Поскольку на айванах двора не встречено ни ниш, ни постаментов для статуй, можно предполагать, что разбитые статуи украшали небольшую буддийскую ступу, стоявшую в ранний период жизни скорее всего в центре двора. Насколько правильно это предположение, покажут дальнейшие раскопки.

Во второй период жизни раскапываемый нами двор претерпел существенные изменения. Неровная покатая поверхность вторичного обживания доходит до стен айвана, причем выше ее уровня на стенах нет никаких следов росписей. Все это свидетельствует о том, что во второй период жизни двор не имел уже столь организованного плана и вида, как ранее, и что айваны в этот период, по-видимому, уже не существовали, а слились воедино с остальной частью двора.

С южной стороны во двор выходило надземное здание, сооруженное в западной части на выровненной поверхности песчаниковой породы холма, а в восточной — на искусственной платформе, которая была сложена из сырцовых кладок, утопленных в песок на склоне холма. Стены здания в основном были сложены из крупного квадратного кирпича-сырца размером 30—33×30—33×10—12 *см* (наиболее часто встречаются сырцовые кирпичи размером 32—33×32—33×11—12 *см*), но в западной части постройки основания стен были высечены в песчанике и лишь надстроены сырцовыми кладками. В углах помещений кладки стен сооружены «в перевязку»; таким образом, кладки одной стены здесь составляли единую конструкцию с кладками другой стены, а не были пристроены друг к другу, как это имело место в большинстве известных сейчас древних и раннесредневековых сырцовых постройках Средней Азии.

Надземная постройка была невелика по размерам: она состояла из центрального помещения (*а*), огибавшего его с трех сторон обходного коридора (*б*), и небольшой боковой комнаты (*в*) в северо-восточной части здания (рис. 7, 10) [13]. Уровни полов в различных помещениях были различными: в центральном помещении уровень пола на 40 *см* выше пола айвана, в коридоре и боковой комнате — на 15 *см* выше пола айвана и, следовательно, на 25 *см* ниже пола центрального помещения.

Со двора к входу в центральное помещение надземной

[13] Исследование этой постройки было начато в 1937 г. Е. Г. Пчелиной, раскопавшей бо́льшую часть обходного коридора и боковую комнату.

постройки вела вымостка из плоских белых плит мергелистого известняка (рис. 12—13), а у самого входа был сооружен порог, сложенный из пяти блоков мергелистого известняка. На этих блоках первоначально были нанесены черным контуром изображения цветков лотоса (рис. 14). Позднее весь порог был окрашен в красный цвет, аналогичный цвету стен айванов двора. В этот же цвет были выкрашены стены и пол центрального помещения.

Это помещение в первоначальном своем виде было в плане близко к квадрату со сторонами в 4,5 *м*. Вход в него располагался посередине северной стены и был снабжен двумя деревянными дверьми, от переплетов которых сохранились пазы в стенках входного проема. Деревянные рамы дверных переплетов, судя по сохранившимся пазам, были вмазаны в стену, а основания их опирались на каменные блоки порога (у наружной двери) и ряд жженых плоских кирпичных плиток (у внутренней двери). Посередине помещения при раскопках была раскрыта яма неправильных очертаний (назначение ее пока остается непонятным).

Обходной коридор шириной 1,3 *м* окружал центральное помещение с запада, юга и востока и имел два выхода на север, в тот же южный айван двора (длина его колен с севера на юг около 8 *м*, с запада на восток — более 9,5 *м*). У входов в коридор, в айване, были устроены невысокие пороги (рис. 15) из плит мергелистого известняка и жженых кирпичных плиток (размером 32—33×32—33×4—6 *см*).

В тот же южный айван двора входила и небольшая боковая комната. Вдоль северной и западной стен этой квадратной в плане (размером около 3,5×3,5 *м*) комнаты тянулись сложенные из кирпича-сырца лежанки-суфы шириной 70—90 *см*; в юго-западном ее углу находился очаг. Вход в эту комнату имел закругленные углы и был снабжен невысоким порогом, аналогичным порогам у входов в обходной коридор. При раскопках в этой комнате были найдены каменная зерноперка, глиняные сосуды и т. п.

В надземном здании четко прослежены остатки двух периодов жизни. В первый из них вся постройка использовалась полностью. Этот период был довольно продолжительным: при раскопках открыто несколько слоев штукатурки стен и обмазок полов, свидетельствующих о неоднократных ремонтных работах; в этот период был также перекрашен порог у входа в центральное помещение. Во второй период в центральном помещении была воздвигнута подпорная южная стена, и это помещение стало короче на 1,2 *м*. Тогда же был

заброшен обходной коридор: восточный вход в него был заложен, а перегородка в северо-западной его части образовала здесь новую небольшую каморку длиной всего лишь 1,5 *м* (при ширине 1,3 *м*). Все эти вторичные стены сложены из кирпича-сырца (размером 30—32×30—32×12—14 *см*), причем перегородка в северо-западной части коридора возведена на слое зольника толщиной до 10 *см*. После этой перестройки обитатели Кара-тепе пользовались фактически лишь укороченным центральным помещением, боковой комнатой и каморкой в северо-западной части здания.

В течение обоих периодов жизни использовался и участок к западу от надземной постройки, где за его западной фасадной стеной на склоне холма располагался, вероятно, задний двор. Здесь возле юго-западного угла надземной постройки раскопана прямоугольная клеть (кормушка?) размером 1,7×1,2 *м*. Стенки клети сохранились на высоту не более 40 *см*, ширина же их 35—40 *см*. Сложены они из отдельных сырцовых кирпичей, в основном из их обломков. Еще западнее найдена свалка с включением большого числа костей и фрагментов керамики, характерных для обоих периодов жизни. К сожалению, выявить стратиграфическое деление свалки на два слоя, соответствующих этим периодам, здесь не удалось (рис. 9).

б) Пещерные сооружения

Как уже отмечалось, западная часть центрального двора высечена в песчаниковой породе холма. В ней же (в северо-западном углу двора) была сооружена небольшая прямоугольная пещера (размером 3,4×1,9 *м*) [14]. Пол пещеры находился на 1,7 *м* ниже уровня двора, и вход в нее (шириной 0,9 *м*) представлял собой лестницу из шести ступеней (шириной 30 *см* каждая). У выхода из пещеры наружу находился порог (шириной 70 *см* и высотой 20 *см*), предохранявший, очевидно, пещеру от попадания дождевых и талых вод. Стены, ступени и порог в проходе в пещеру были целиком высечены в песчанике. Перекрытие прохода, также высеченное в песчаниковой породе холма, судя по остаткам его, было сводчатым. Вход в пещеру находился в ее южной стене. Вдоль всех остальных ее стен тянулась лежанка-суфа (шириной

[14] Пещера полностью раскопана в 1937 г. Е. Г. Пчелиной. В 1961—1962 гг. здесь производились лишь расчистки для некоторых дополнительных замеров.

55—60 *см*), высеченная, как и вся пещера, в песчанике. Над суфой в западной и восточной стенах размещалось по небольшой нише (шириной около 60 *см* при глубине примерно 40 *см*). Пещера имела сводчатый потолок (высотой от пола до вершины более 2 *м*), на котором сохранились следы ганчевой обмазки. Остатки такой же обмазки видны и на стенах пещеры. По низу же стен в 1937 г. были отмечены участки с розной красной раскраской.

Пещера погибла, вероятно, неожиданно: при раскопках Е. Г. Пчелиной здесь был найден костяк человека, а поблизости от него глиняный светильник в виде плошки и три целых сосуда с красным ангобом и вертикальным полосчатым лощением. После катастрофы доступ в пещеру, видимо, был закрыт и жизнь в ней не возобновлялась.

Иная картина открылась при раскопках большого пещерного комплекса П-I, у одного из входов в который некогда располагалась описанная выше пещера (рис. 7).

Пещерный комплекс П-I был вырыт в песчанике холма к западу от центрального двора. Входы в него (шириной около 1 *м*) располагались в северо-западном и юго-западном углах двора и были оформлены нишевидными вырезами (шириной более 2 *м*) в песчаниковой западной его стене, причем у южного входа ниша в плане имела трапециевидные, а у северного входа — прямоугольные очертания. Верхние части ниш не сохранились, но, судя по оставшимся частям стен (рис. 16а), можно предполагать, что ниши имели сводчатое завершение.

Пещерный комплекс П-I состоял из ориентированных по странам света четырех длинных сводчатых коридоров, окаймлявших, по всей видимости, центральное помещение. Кроме этого, в северо-западном углу комплекса находилось еще одно боковое помещение.

Доступ в комплекс П-I, провал в месте стыка его северного и восточного коридоров, был расчищен Е. Г. Пчелиной в 1937 г. Тогда же было произведено исследование верхнего уровня жизни в северном коридоре комплекса. В 1961 и 1962 гг. здесь были полностью раскопаны оба выхода из комплекса и боковое помещение (в северо-западном углу), а также исследованы до первоначального пола северный и южный коридоры (на участках у выходов во двор). Центральное помещение и юго-западный угол комплекса еще не раскопаны, так как подступы к ним наглухо закрыты рухнувшими сверху глыбами песчаникового перекрытия южного коридора и надувным песком.

Входы из центрального двора вели в места стыков северного и южного коридоров комплекса П-I с восточным его коридором. В древности входы эти были снабжены деревянными дверьми, о чем свидетельствуют пазы от оснований дверных переплетов шириной в 20—25 *см*, сохранившиеся на невысоких песчаниковых порогах, которые были открыты в обоих входных проемах.

Коридоры, в которые можно было попасть через входы из двора, представляли собой длинные сводчатые помещения длиной более 17 *м*. В ширину они колебались от 2,6 до 2,9 *м* при высоте примерно 2,5 *м*. Коридоры имели сводчатые потолки. На потолках и на верхних частях стен северного коридора сохранились следы ганчевой обмазки. На нижней же части северной стены этого коридора удалось зачистить остатки орнаментального бордюра, выполненного красной краской по белому (ганчевому) фону. Общий характер росписи, по-видимому, таков: кайма из ряда треугольников, обращенных вверх вершинами, и, ниже ее, сетка с отдельными закрашенными квадратами; последние, вероятно, составляли какой-то узор (рис. 21).

Боковое прямоугольное помещение в северо-западном углу комплекса П-I было довольно велико: его площадь 3,7×2,6 *м*, высота до сводчатого потолка около 2,5 *м*, восточная стена помещения образует острые углы с его северной и южной стенами. В последних высечены три ниши (две в северной и одна в южной стене) глубиной до 45 *см* при ширине от 65 до 75 *см*.

При раскопках пещерного комплекса П-I выявлены два периода жизни, во второй из которых вся южная часть комплекса вместе с центральным помещением была отгорожена от двора и северной части комплекса: в 1961—1962 гг. были найдены сырцовая закладка южного входа со двора в комплекс (рис. 16а) и сырцовая стена-перегородка в южной части восточного коридора. По-видимому, и закладка входа и отгораживание южной части комплекса от северного стали необходимыми после того, как рухнуло перекрытие южного коридора. В северном коридоре в 60—80 *см* выше первоначального пола были открыты остатки вторичного пола, на котором неподалеку от входа раскопаны клеть из кирпича-сырца (кормушка для животных ?) и остатки очага. Во второй период северный вход в комплекс был сужен возведенной у северного среза входного проема глинобитной стенкой. Поверх вторичного пола в слое надувного песка в 1937 г. были найдены (у входа в боковое помещение, в северо-запад-

ном углу комплекса) несколько человеческих скелетов, головами на север, и кости животного (осла). В этом же надувном слое в 1961—1962 гг. найдены обломки поливных блюд XI—XII вв. На стенах северного коридора открыты надписи-граффити этого же времени.

В боковом помещении следы вторичного обживания его были менее заметны. Вторичный пол в этой пещере выделялся довольно четко, на 35—40 *см* выше первоначального пола. Однако на нем не было сделано никаких существенных находок. Вся найденная в этом помещении довольно многочисленная керамика (в том числе множество фрагментов различных сосудов и глиняные светильники-плошки), равно как и куски каменных барельефов и декоративных зонтиков-чатра, высеченных из монолитов мергелистого известняка, и, наконец, три медные кушанские монеты — все эти находки происходят с первоначального пола и из надпольного слоя. Последний образовался, по-видимому, не только путем естественного заполнения пещеры надувным песком и обвалившимися кусками песчаника, но и в результате выброса сюда мусора при расчистке северного коридора комплекса для вторичного его использования.

Второй из исследуемых нами пещерных комплексов — П-II располагался к северу от пещер П-I. К этому комплексу, возможно из двора вверх, вела лестница, высеченная в песчаниковой породе в северной части двора, к востоку от небольшой пещеры, лежащей у северного входа в комплекс П-I. Ступени этой лестницы шириной от 25 до 39 *см* были обложены жженными кирпичными плитками (рис. 10 и 11). Комплекс П-II имел, по-видимому, так же как и первый, два выхода наружу (окончательная зачистка их еще не произведена), центральное помещение и окружавшие его четыре сводчатых коридора.

Доступ в комплекс П-II стал возможен, после того как в 1937 г. был пробит лаз в глубь комплекса в провале свода, в месте стыка южного и восточного коридоров. В 1961—1962 гг. этот лаз был расширен и через него стали ходить рабочие с носилками, что позволило полностью зачистить центральное помещение комплекса и значительную часть его коридоров. В 1962 г. начаты также работы по зачистке северного выхода из комплекса.

Коридоры комплекса П-II, так же как и в первом пещерном комплексе, ориентированы по странам света. Это длинные сводчатые помещения длиной до 14 *м* при ширине 2,5—3 *м* и высоте 2,5—2,7 *м*. В северо-восточном углу комплекса,

в северном и восточном его коридорах, из стен выступают пилоны с арками, служившие, вероятно, своеобразным украшением хода в глубь комплекса и придающие коридорам парадный вид. В 1961—1962 гг. наиболее тщательному изучению был подвергнут восточный коридор комплекса П-II. Восточная часть дуги сводчатого перекрытия этого коридора обвалилась, но западная сохранилась достаточно хорошо. На ней, как и на стенах коридора, хорошо видна коричневатая (глинистая) обмазка с затиркой, покрывавшая песчаниковую породу. Поверх этой обмазки была нанесена белая ганчевая штукатурка. Как это видно на южной поверхности западного пилона, ганчевая штукатурка подновлялась: здесь четко прослежено два слоя ганчевой обмазки. Следов росписей или раскраски в восточном коридоре, однако, пока не обнаружено. Остатки расписных бордюров, сходных с бордюром северного коридора комплекса П-I, открыты в северо-восточном углу комплекса П-II. Здесь, на западном пилоне восточного коридора, южном пилоне северного коридора и на северной стене северного коридора, зачищены остатки нескольких слоев росписей. Наиболее ранний из них открыт на западном пилоне восточного коридора; здесь, на восточной поверхности пилона, у южного его края поверх ганчевой побелки красным контуром были нанесены какие-то растительные узоры, от которых сохранились изображения трех плодов граната и, возможно, веток и листьев (рис. 21). В северной части этого же пилона, на его восточной и северной поверхностях, а также на восточной поверхности южного пилона в северном коридоре и на участке между двумя указанными пилонами расчищены части второго и третьего слоев орнаментальных росписей. Рисунок второго слоя состоит из каймы, образованной рядом красных треугольников (вершинами вверх), и сетчатого поля, заполненного четырехлепестковыми красными розетками. Рисунок третьего (рис. 21) сходен со вторым, но сохранился несколько лучше: здесь на одном из участков видна нижняя кайма бордюра, образованная рядом красных треугольников (вершинами вниз). На другом участке (на южном пилоне северного коридора) между розетками третьего слоя обозначена сетка квадратов. Но основное различие между вторым и третьим слоями росписей состояло в том, что в последнем рисунок не был монохромным: здесь чередовались красные и черные розетки и наряду с красными треугольниками изредка (в верхней кайме) встречались также треугольники черного цвета.

Все отмеченные выше слои росписей были перекрыты простой белой ганчевой штукатуркой. Поверх нее на северной стене северного коридора и на восточном пилоне восточного коридора сохранились наклонные коричневые (глинистые) линии натеков, стекавших сюда по верху завала; эти линии обычно парные (расстояние между линиями внутри пары 6—10 *см*, расстояние между соседними парами линий — 21 *см*).

Центральное помещение комплекса П-II (размером 4,4× ×2,7 *м*) вытянуто с севера на юг. Вход в него (шириной 0,9 *м*) был оформлен арочным верхом. По сторонам от входа в северной стене помещения высечены две арочные ниши. Еще две такие же ниши размещены в северной части помещения — в восточной и западной его стенах. Ширина всех этих ниш от 50 до 70 *см*, высота от 50 до 65 *см*, глубина 45—50 *см*. Против входа на южной стене, на высоте немногим более 1 *м* от пола, вытянулись в ряд 10 небольших (диаметром не более 10—12 *см*) углублений. Еще два таких углубления размещены у южного края восточной и западной стен. Эти углубления скорее всего служили гнездами для деревянной конструкции, так или иначе связанной со статуями или рельефами. Подобные углубления встречались и в пещерных монастырях Восточного Туркестана, и А. Грюнведель полагал, что они служили для штырей, на которых развешивались каменные рельефы [15]. Однако более вероятно, что это остатки деревянного навеса или постамента для размещения статуй или рельефов [16].

Коридоры и центральное помещение комплекса П-II сохранились довольно хорошо: потолки их почти повсеместно крепкие, а заполнение состояло из мелкого надувного песка, попавшего сюда из входов в восточной части комплекса, где песчаный массив доходил до самого потолка, в то время как в западной части надувной слой не превышал толщины 20—30 *см*. Что же касается собственно выходов, то они дошли до нас в сильно разрушенном виде: сводчатые их перекрытия на больших участках рухнули, и остатки сводов держатся лишь благодаря забившему весь проход песчаному массиву. Заполнение проходов, ведущих внутрь комплекса П-II, как и в первом пещерном комплексе, происходило постепенно,

---

[15] См. A. Grünwedel, *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan*, Berlin, 1912, S. 316—317, Abb. 635, 635a.

[16] Предположение о подобном назначении углублений высказано участником экспедиции 1961 г. Е. В. Зеймалем.

и доступ сюда был открыт в течение многих веков, о чем красноречиво свидетельствуют находки фрагментов поливных блюд (в надувном слое песка), и многочисленные надписи-граффити, и рисунки (на стенах проходов восточного коридора и центрального помещения); все эти надписи и рисунки были нанесены поверх последнего (позднейшего) слоя штукатурки, скорее всего уже после запустения построек Кара-тепе. Среди открытых здесь надписей — курсивная в три строки надпись кушанским письмом и небольшие индийские (?) и арабские надписи. Интересна куфическая надпись с именем Ахмеда ибн Ахмеда, а также мелкие цифровые надписи: ٧ (?) и ٧١ (на западной стене восточного коридора). Интересно отметить, что рядом с надписями в центральном помещении нанесены 18 вертикальных насечек (рис. 18), как бы отмечавших счет дней. Вполне вероятно, что насечки — это память о днях уединения или поста, проведенных в центральном помещении комплекса П-II каким-то правоверным мусульманином в X—XII вв., через много столетий после запустения Кара-тепе.

В отличие от первого пещерного комплекса в центральном помещении комплекса П-II и в его коридорах пока не выявлены какие-либо остатки периода его вторичного стационарного обживания. По-видимому, он был лишь местом случайных посещений и временным убежищем. Таким образом, здесь не было такого умышленного переустройства более ранних построек, как в комплексе П-I. Однако неоднократные позднейшие посетители и здесь уничтожили, вероятно, многие остатки раннего периода жизни на Кара-тепе, и те немногие находки, относящиеся к этому периоду, которые были сделаны в комплексе П-II, происходят лишь из надувного песчаного слоя в северо-восточном и северо-западном углах центрального помещения, а отчасти и в коридорах. Именно в надпольном слое песка в комплексе П-II и были найдены отдельные предметы и фрагменты (керамика и куски каменных изделий), аналогичные найденным в первом пещерном комплексе.

Помимо раскопок двора, надземного здания и пещерных комплексов П-I и П-II в 1962 г. было также начато исследование еще одного нового пещерного комплекса — П-III, расположенного на северо-северо-запад от всех предыдущих. До раскопок здесь, на северном склоне холма Кара-тепе, четко прослеживалась небольшая западина. (По данным, полученным от Е. Г. Пчелиной, такой же вид западины имели до начала ее раскопок в 1937 г. провалы сводов в местах

пересечения коридоров пещерных комплексов П-I и П-II.) Вскоре после снятия тонкого поверхностного слоя стало ясно, что и в данном случае перед нами точно такой же провал, заполненный надувным песком и кусками песчаниковой породы. Когда же раскоп был углублен до 2,5 *м* ниже поверхности холма, в северной его стенке появилась щель, ведущая вниз, в какое-то полузасыпанное помещение. По мере удаления завала и дальнейшего углубления раскопа щель расширялась и на глубине около 3 *м* от поверхности в нее уже можно было пролезть и попасть по круто спускающейся вниз поверхности надувного песка в длинный сводчатый коридор.

Как и в комплексах П-I и П-II, провал, расчищенный нами, приходился на стык двух коридоров, идущих под прямым углом один к другому (рис. 8б). Один из них, вытянутый с востока на запад, оказался полностью забитым надувным песком и обрушившимися частями песчаникового свода. Второй, идущий с юга на север, был засыпан лишь частично: его сводчатое перекрытие сохранилось полностью, а надувной песок поднимался до потолка лишь в проходе, ведущем на север (здесь, вероятно, находился выход наружу), и у южной стены (где был пролом перекрытия). Коридор, в который мы таким образом проникли, имел длину около 9 *м* при ширине и высоте до 2,5 *м* (расчистка коридора еще не производилась, и замерить его с достаточной точностью пока не удалось). В северной стене помещался арочный проем шириной 1,1 *м* (рис. 16б), а по сторонам от него, на западном и восточном простенках северной стены, так же как и на длинных стенах коридора (западной и особенно восточной), сохранились остатки росписей.

Северо-восточный угол, восточный простенок северной стены и восточную стену коридора занимают остатки орнаментального бордюра, состоящего из каймы и основного сетчатого поля (рис. 21). Кайма представляет собой ряд обращенных вверх вершинами равнобедренных треугольников; большинство этих треугольников — красные, но изредка попадаются также и светло-зеленые. Основное поле заполнено красными «бантиками» — геометрическими фигурами в виде обращенных друг к другу вершинами равнобедренных треугольников; эти «бантики», чередуясь в шахматном порядке, образуют большие шестиугольные звезды. Время от времени при закрашивании «бантиков» художник ошибался, и некоторые из этих фигур получились в росписи как бы лежащими на боку и нарушающими звездчатый узор.

Особо следует отметить изображение на восточном простенке северной стены человеческой руки (рис. 19). Это изображение представляет собой отпечаток ладони с растопыренными пальцами — пятерни, выкрашенной предварительно в красный цвет, на белой ганчевой штукатурке, выше росписного бордюра.

Росписи на западной стене коридора сохранились гораздо хуже: здесь от них остались лишь небольшие кусочки, среди которых выделяется и по размеру и по сохранности часть какого-то сложного узора с черной розеткой и красными полосками (рис. 20) [17].

Поверх росписей и ганчевой штукатурки, покрывавшей верхние части стен и сводчатый потолок коридора, обнаружены остатки нескольких процарапанных изображений и плохо сохранившаяся арабская надпись-граффити. Последняя свидетельствует, что комплекс П-III (во всяком случае обнаруженный в 1962 г. его коридор) был, как и описанные ранее пещерные комплексы П-I и П-II, доступен для посещений, вероятно, вплоть до XI—XII вв.

II. Отдельные находки

Раскопки Кара-тепе 1961—1962 гг. помимо выявления архитектуры и планировки ряда надземных и подземных сооружений привели также к находкам отдельных интересных в научном отношении памятников искусства и древней письменности, а также некоторых культовых предметов, монет и многочисленных фрагментов глиняной посуды.

Выше, описывая вскрытые в 1961—1962 гг. сооружения, мы уже упоминали находки памятников монументально-декоративного искусства, относящихся ко времени регулярной жизни на Кара-тепе. Таковы фрагменты гипсовых (ганчевых) статуй, каменные архитектурные украшения и, наконец, стенные росписи.

а) Фрагменты ганчевых статуй

Различные по размеру и по сохранности куски ганчевых (гипсовых) статуй были найдены при раскопках центрального двора. Большая часть фрагментов собрана на поверхности первоначального пола в южном айване двора. Таковы

[17] Образец росписи от бордюра восточной стены и кусок с розеткой с западной стены коридора П III закреплены и доставлены для изучения в лабораторию стенных росписей и лессовой скульптуры Отдела реставра-

разнообразные куски со следами позолоты, фрагменты с остатками волнистых черных волос (?) и, возможно, нимба, декоративные шарики (рис. 25а) и, наконец, небольшой по величине палец со следами позолоты и красной краски. Более выразительны найденные в слое между первоначальным и вторичным полами в северо-западном углу двора часть левой руки (рис. 24), палец ноги (рис. 25б) и часть меча или кинжала (рис. 25б). Наибольший интерес среди всех этих обломков представляет безусловно часть руки с четырьмя пальцами (указательный палец еще не найден), сложенными в характерный жест. Судя по размеру этого фрагмента, статуя, к которой он относился, была больше натуральной величины. Пальцы и вся кисть руки в целом переданы с большим мастерством, на пальцах рельефно выделены продолговатые красивые ногти. На тыльной и лицевой сторонах ладони и на пальцах местами сохранились следы красной краски.

Большинство найденных пока крупных кусков статуй — полые внутри. В пальцах рук хорошо видны полости от деревянных палочек. Внутри отдельных кусков статуй сохранились отпечатки тканей (рис. 25в). Все это свидетельствует о технике, аналогичной той, которая применялась в буддийской глиняной (лессовой) и штуковой (ганчевой) скульптуре Восточного Туркестана позднекушанского времени (III—IV вв.) и периода раннего средневековья (V—IX вв.). Статуи изготовлялись там на деревянном каркасе, обмотанном пучком травы и иногда опеленутом еще сверху куском ткани, причем руки, ноги, а изредка и голова насаживались на деревянные палки[18]. Ту же технику мы видим в скульптуре буддийских храмов Ак-Бешима в северной Киргизии[19] и Те-

---

ции Государственного Эрмитажа, где группа сотрудников во главе с П. И. Костровым уже много лет систематически исследует материалы из Средней Азии (Варахша, Пенджикент, Балалык-тепе и т. п.) и из Восточного Туркестана.

[18] Сведения о технике изготовления восточнотуркестанских статуй и рельефов любезно сообщены старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа, хранителем восточнотуркестанских материалов Н. В. Дьяконовой. См. также A. Stein, *Serindia,* vol. IV, Oxford, 1921, pl. XLIX, CXXIX—CXXXIX; idem, *Innermost Asia,* vol. III, Oxford, 1928, pl. IV, VIII, IX, XII, XIX, XX, LIII, LIV, LXXII. См. также С. М. Дудин, *Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах западного Китая,* — «Сб. МАЭ», т. V, вып. 1, Пг., 1918. Ср. М. Г. Воробьева. *К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала,* — «Труды ХАЭЭ», т. I, М., 1952, стр. 83.

[19] Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.,* — «Труды КАЭЭ», т. II, М., 1959, стр. 198; Л. П. Зяблин, *Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища,* Фрунзе, 1961, стр. 57, 58.

пе-Мараджан близ Кабула [20]. Так же, с применением деревянного каркаса, обмотанного камышом, была вылеплена и одна из глиняных статуй во дворце хорезмских царей конца III — начала IV в. в Топрак-кале [21]. Сходная техника изготовления скульптур отмечена для первых веков нашей эры и в Парфии — в Нисе, где большие глиняные статуи имели деревянный каркас, но без обмотки травой или тканью [22].

Судя по отдельным кускам статуй из Кара-тепе, здесь была известна и другая техника — скульптурная лепка без деревянного каркаса, на глиняной болванке. Такая техника изготовления скульптур также была широко распространена: она засвидетельствована для III—IV вв. в Хадде [23] и Топрак-кале [24], а для раннего средневековья — в Восточном Туркестане.

Эти различия в технике следует, видимо, объяснять характером и назначением скульптуры и отдельных ее частей. Так, судя по наиболее массовому — восточнотуркестанскому материалу, торс и конечности объемных статуй обычно изготовлены на деревянном каркасе, головы же их чаще леплены на глиняной болванке. Без применения деревянного каркаса лепили, как правило, и рельефные изображения [25].

По материалу, из которого были сделаны кара-тепинские статуи [26], они могут быть сопоставлены как с широко извест-

---

[20] J. Hackin et O. Bruhl, *Derniers Travaux de la Délegation Archeologique Française en Afganistan,* — RAA, t. VIII, № 2, Paris, 1934, pp. 112—119, tab. XXXVIII.

[21] М. Г. Воробьева, *К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак кала,* стр. 79, 80.

[22] Л. И. Ремпель, *Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы,* — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 357.

[23] A. Foucher, *La vielle route de l'Inde de Bactres à Taxila,* Paris, 1947, pp. 344, 379, 380; J. Hackin, *L'oeuvre de la Délegation Archeologique Française en Afganistan (1922—1932),* I, Tokyo, 1933, tab. I. Ср. материалы из Хадды, хранящиеся в Отделе Востока Эрмитажа.

[24] М. Г. Воробьева, *К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала,* стр. 76—82.

[25] См. выставку «Культура и искусство Синьцзяна» и материалы из Восточного Туркестана в Государственном Эрмитаже.

[26] Этот материал в литературе по археологии Средней Азии, как правило, называют алебастром. Такое обозначение его несколько неудачно, так как алебастр — камень, из которого часто вырезали сосуды, украшения и другие предметы; именно эти поделки и следует, видимо, как это делают специалисты по истории Древнего Востока, называть алебастровыми. Другое его названье — штук — в нашей отечественной литературе обычно используют для обозначения лишь рельефных стенных панно. Исходя из этого мы в настоящей работе называем рассматриваемый материал ганчем (следуя местной, среднеазиатской терминологии) или просто гипсом.

ными гандхарскими и восточнотуркестанскими скульптурами, так и с открытыми недавно «алебастровыми» скульптурами Хорезма [27].

О сюжете изображений из-за недостаточности найденного материала судить пока трудно. Однако перечисленные выше фрагменты дают все же основание предполагать, что где-то на Кара-тепе, скорее всего в центре двора, в древности располагались статуи, изображавшие, по-видимому, Будду, бодисатв или другие буддийские персонажи. Во всяком случае, жест найденной во дворе левой руки статуи говорит скорее всего именно о буддийской иконографической традиции. Дальнейшие находки несомненно позволят рассмотреть этот вопрос более обстоятельно.

б) Каменные архитектурные украшения

Фрагменты каменных архитектурных украшений, найденные на Кара-тепе в 1961—1962 гг., немногочисленны. Это ступенчатый зубец, венчающий угол какого-то рельефного карниза (размером 8×8×6 см) из надпольного слоя центрального помещения пещерного комплекса П-II; прямоугольные обрамления-тяги (размером: (*а*) 7×7×5 *см* и (*б*) 9×6×5,5 *см*), найденные в надпольном слое центрального помещения комплекса П-II (*а*) и в свалке на заднем дворе (*б*); куски скульптурных изображений листьев аканфа (размером: (*а*) 6×6×3 *см* и (*б*) 5×5×6 *см*), происходящие из свалки на заднем дворе (рис. 26), и, наконец, часть барельефа с изображением человеческой фигуры под аркой (размером 9×6×4,5 *см*), найденная в центральном помещении комплекса П-II (рис. 27).

Все они изготовлялись из белого мраморовидного мергелистого известняка, т. е. того самого материала, разработки которого известны неподалеку от современного Термеза на Орлиной горе (иначе Ходжа Гульсуар): здесь в расщелине одного из карьеров старых выработок при добыче камня в 1904 г. была найдена золотая монета царя Канишки [28]. Из

---

[27] С. П. Толстов, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.*, — «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 158, 159 (городище Калалы-гыр I) и стр. 212, 213 (дворец в Топрак-кале).

[28] См. М. Е. Массон, *Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.*, — «Известия Средазкомстариса», вып. II, Ташкент, 1928, стр. 286. Ср. его же, *Находка фрагментов скульптурного карниза первых веков н. э.*, — «Материалы Узкомстариса», вып. I, Ташкент, 1933, стр. 16.

этого же материала, как мы уже видели, были высечены также каменные плиты и блоки, оформлявшие вход в центральное помещение надземного здания Кара-тепе. Этот же материал широко применялся и в Термезе, и в южных районах современных Узбекской и Таджикской ССР для украшения построек кушанского периода. Так, именно из мергелистого известняка были вырезаны восемь составных частей знаменитого айртамского фриза со скульптурными изображениями музыкантов, гирляндоносцев и иных персонажей, размещенных между пышными листьями аканфа[29]. Из мергелистого известняка были изготовлены каменные капители колонн, найденные на городище Старого Термеза[30] и на городище Мунчак-тепе, в низовьях р. Кафирниган, в южном Таджикистане[31], эти капители также были украшены скульптурными изображениями листьев аканфа. Передача листьев аканфа во всех этих случаях сходна с той, которую мы видим на фрагментах из Кара-тепе; мотив листьев аканфа, излюбленный в изобразительном искусстве и особенно в архитектуре античного средиземноморского мира, привнесенный на Восток в эпоху эллинизма и в римское время, трактован здесь, как и в гандхарских памятниках Индии, Пакистана и Афганистана, живо и реалистично, в отличие от схематизированных изображений более позднего времени[32].

Часть рельефа с изображением человеческой фигуры, стоящей под аркой и держащей в правой руке перед лицом какой-то предмет (рис. 27), также находит себе многочисленные аналогии в искусстве и Индии, и Пакистана, и Афганистана, и Средней Азии кушанского и послекушанского времени[33].

---

[29] Первые публикации айртамского фриза см.: М. Е. Массон, *Находка фрагментов скульптурного карниза первых веков н. э.;* его же, *Скульптура Айртама,* — «Искусство», 1935, № 2; К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства,* М.—Л., 1940.

[30] М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение,* рис. 40; Г. А. Пугаченкова, *Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана,* стр. 74, рис. 6, 7.

[31] М. М. Дьяконов, *Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан),* стр. 266 и рис. 11.

[32] Ср. Г. А. Пугаченкова, *Акант в архитектуре Средней Азии,* — «Труды АН ТаджССР», 1960, т. CXX, стр 169—180.

[33] См., например, A. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhâra,* t. I, Paris, 1905, pp. 41, 224 sq. и Б. Я. Ставиский, *Оссуарии из Бия-Наймана,* — «Труды Государственного Эрмитажа», т. V, Л., 1961, стр. 162 и сл.

в) Стенные росписи

Следы стенных росписей были открыты на Кара-тепе еще в 1937 г., когда Е. Г. Пчелина обнаружила на стене южного айвана двора, к востоку от входа в центральное помещение надземного здания, остатки многокрасочных изображений человеческих фигур; от них тогда были видны подолы одежд и ноги, выполненные примерно в натуральную величину[34]. Сведения об этих изображениях были опубликованы и учитывались при обзорах памятников изобразительного искусства Средней Азии[35]. Во время раскопок 1961—1962 гг., как уже отмечалось выше, остатки росписей были открыты в различных местах: на всех стенах центрального двора, в центральном помещении надземного здания, в северных коридорах пещерных комплексов П-I и П-II и наконец в коридоре пещерного комплекса П-III. Повсеместно росписи были нанесены на тонкий слой ганча, покрывавший сырцовые стены надземных построек или же песчаниковые стены пещерных комплексов и западной части центрального двора.

Роспись всех четырех айванов центрального двора, если не считать упомянувшихся выше небольших участков стены по сторонам от входа в центральное помещение надземного здания, представляла собой сплошную ярко-красную закраску плоскостей стен. Так же были закрашены стены и пол центрального помещения надземной постройки.

Росписи коридоров пещерных комплексов носили иной характер. В основном это были расписные панели, украшавшие нижние части стен коридоров; верхние части стен и сводчатые потолки оставлялись белыми — их покрывала ганчевая обмазка. Исключение составляет лишь первый (самый ранний) слой росписи в южной части западного пилона (в восточном коридоре комплекса П-II): открытые здесь контурные изображения плодов гранатов и побегов (?) (рис. 21) если не занимали всю высоту стены, то во всяком случае выходили гораздо выше позднейших панелей. Этот слой росписи отличается и по своему характеру: он представлял собой какой-то растительной узор. Остатки сложного орнамента с растительными элементами сохранились, как уже отмечалось выше, и на западной стене коридора пещерного комплекса П-III (рис. 20).

---

[34] В 1937 г., как отмечалось выше, следы красной раскраски были отмечены и по низу небольшой пещеры, лежащей у входа в комплекс П-I.

[35] См., например, М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии,* — в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 101.

Основные же дошедшие до нас росписи пещерных комплексов характеризуются геометрическими узорами. Все они (рис. 21) состоят из бордюра или каймы, образованной рядом равнобедренных треугольников, и сетчатого поля, заполненного закрашенными квадратами (комплекс П-I), четырехлепестковыми розетками (комплекс П-II, второй и третий слои росписей) или же «бантиками», которые создают шестиконечные звезды (комплекс П-III). Росписи либо монохромны (красные контуры в первом слое росписи комплекса П-II и красные линии и закраска фигур в росписях комплекса П-I и второго слоя комплекса П-II), либо полихромны (красные и черные розетки в третьем слое росписи комплекса П-II; красные и черные узоры в росписи западной стены комплекса П-III, красные и зеленые фигуры в основной росписи этого комплекса).

Росписи Кара-тепе, открытые в 1937 и 1961—1962 гг., распадаются, таким образом, на четыре типа:

1) сплошная закраска стен, а иногда и пола в один — ярко-красный цвет (айваны двора и центральное помещение надземной постройки);

2) расписные панели по низу стен, сочетающиеся с белой ганчевой штукатуркой верхних частей стен и сводчатых потолков (большая часть росписей коридоров пещерных комплексов);

3) роспись стены во всю ее высоту (или во всяком случае на значительную ее часть) какими-то растительными узорами (первый слой росписи в коридоре пещерного комплекса П-II);

4) живописные изображения человеческих фигур (участки стен южного айвана двора у входа в центральное помещение надземной постройки). Пока особняком стоит упоминавшееся выше изображение человеческой руки с растопыренными пальцами, нанесенное красной краской на стену выше расписного бордюра у входа в коридор пещерного комплекса П-III.

Немногочисленность известных сейчас росписей Средней Азии и сопредельных стран древнего периода не позволяет с достаточной полнотой проследить генезис стенных росписей Кара-тепе. Однако мы можем отметить, что, во-первых, они не стоят особняком, и что, во-вторых, они связываются с определенными древними художественными традициями. Так, напомним, что прием украшения культовых или парадных общественных помещений росписью засвидетельствован в Средней Азии уже в постройках древнейших землевладельцев

южной Туркмении (IV—III тысячелетия до н. э.), причем росписи в них либо имеют характер сплошной окраски стен и пола (или одного пола) в красный или черный цвет[36], либо образуют панно с сетчатым орнаментом с ромбами, квадратами или треугольниками (в этих орнаментах применяются красный, черный и белый цвета)[37].

От последующих полутора тысячелетий стенных росписей в Средней Азии мы пока не знаем, и поэтому, как ни заманчиво, связывать среднеазиатские росписи предкушанского, кушанского и позднекушанского времени (а именно в их число входят росписи Кара-тепе) с открытыми в древнейших поселениях южной Туркмении на настоящем этапе наших знаний было бы преждевременным.

По времени более близки к кара-тепинским росписи городищ Новая и Старая Ниса в южной Туркмении, хорезмских городищ Калалы-гыр I, Кой-Крылган-кала, Гяур-кала, Топрак-кала и Куня-Уаз, храма Сурх-Котал в долине р. Кундуз-дарья в Афганистане и дворца Кухи-Ходжа на острове озера Хамун в Сеистане.

Из них к докушанскому времени относятся росписи, открытые в Новой Нисе и, вероятно, на Калалы-гыре. В Новой Нисе стены храма III—II вв. до н. э. были, по определению Г. А. Пугаченковой, окрашены на всю их высоту в малиново-красный цвет по особому розовому раствору ганча с примесью песка и битой керамики[38]. Так же были окрашены стены, полы и своды в раскопанных там же погребальных склепах I в. до н. э.[39]. Характер росписей по ганчу, найденных на Калалы-гыре, пока неясен[40].

---

[36] См. С. А. Ершов, *Северный холм Анау (отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.)* — «Труды ИИАЭ АН ТССР», т. II, Ашхабад, 1956, стр. 32; В. М. Массон, *Джейтун и Кара-тепе*, — СА, 1957, № 1, стр. 161.

[37] С. А. Ершов, *Северный холм Анау*, стр. 32, рис. 5, 6; Б. А. Куфтин, *Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.*, — «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274 и рис. 20—22 на стр. 276, 277.

[38] Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, стр. 64.

[39] Там же, стр. 68.

[40] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, *Городище Гяур-кала*, стр. 362. Остатки стенных росписей недавно открыты и в здании дворцового характера у сел. Халчаян (возле Денау). Упоминание о них см. Г. А. Пугаченкова, *Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 году.*—«Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3, стр. 66. Ср. ниже, прим. 80.

Более многочисленны известные сейчас росписи первых веков нашей эры. Высокая малиново-красная панель с бордюром из черных и белых полос украшала так называемый Красный коридор конца I — начала II в. н. э. в южном комплексе городища Старая Ниса; верхние части стен этого коридора были побелены ганчем[41]. В относящемся к тому же комплексу Квадратном зале низ стен был белым, а поверху они были окрашены в ярко-красный цвет с красными, черными и белыми узорами и позолотой по ганчевой штукатурке[42]. Расписная (по ганчу) панель темно-голубого цвета с черной каймой по верхнему краю украшала и парадное помещение II в. н. э. в Гяур-кале, где в нишах найдены также остатки многоцветных росписей, композиция которых неясна[43]. Ко II — началу III в. относится окраска в черный цвет стен центрального помещения (целлы) сурхкоталского храма[44]. Иной характер носили росписи I в. н. э. Кой-Крылган-кале: здесь обнаружены изображения миниатюрных человеческих голов[45]. Многочисленные живописные изображения людей (и божеств) покрывали стены дворца I в. н. э. в Кухи-Ходжа[46].

К позднекушанскому времени (III—IV вв.) в Средней Азии относятся разнообразные и многочисленные росписи дворца хорезмийских царей второй половины III — начала IV в. в Топрак-кале и открытые в 1952 г. остатки росписей Куня-Уаза. В Топрак-кале росписи в основном состоят из всевозможных изображений людей, животных, растений. Орнаментальные узоры (и растительного и геометрического характера) встречаются здесь реже. Известен также прием размещения изображений людей в сетчатом поле. Росписи Топрак-калы, как правило, наносились на тонкий слой ганча;

---

[41] Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма,* стр. 98.

[42] Там же, стр. 89—90.

[43] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, *Городище Гяур-кала,* стр. 359.

[44] D. Schlumberger, *Le temple de Surkh Kotal en Bactriane,* — JA, 1952, t. CCXL, p. 434 sq.

[45] С. П. Толстов, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.,* — «Материалы ХАЭЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 20.

[46] См. R. Chirshman, *Iran. Parthes et Sassanides.* Paris, 1962, pp. 41—75; A. Stein, *Innermost Asia,* vol. II, Oxford, 1928, pp. 908—925; E. Herzfeld, *Archaeological history of Iran,* London, 1935, pp. 58—75; Ср. idem, *Iran in the Ancient East,* London—New York, 1941. Не могу не отметить, что мне лично датировка росписей Кухи-Ходжа I в. н. э. представляется сомнительной. В частности, вызывает недоумение наличие в этих росписях так называемой крылатой короны, которая, судя по известным сейчас данным, характерна лишь для поздне- и послекушанского времени.

гораздо реже расписывалась глиняная штукатурка[47]. В Куня-Уазе засвидетельствована роспись по ганчу с остатками многоцветного сложного рисунка и узора между двумя черными полосами с красными ромбами и кружками[48].

Как видно из приведенного выше беглого обзора росписей древнего периода в Средней Азии и Афганистане, первый тип росписей Кара-тепе находит себе аналогии в храме и погребальных склепах Новой Нисы (III—I вв. до н. э.) и в целле сурхкоталского храма II — начала III в. н. э.; второй тип (по композиции — расписная панель, в сочетании с белым верхом стен и потолков) — в южном комплексе Старой Нисы (конец I — начало II в. н. э.) и в Гяур-кале (II в. н. э.) и четвертый тип (по характеру изображений — фигуры людей) — в Кухи-Ходжа (I в. н. э.?), возможно, в Кой-Крылган-кале (I в. н. э.) и Топрак-кале (вторая половина III — начало IV в.)[49].

По технике исполнения — поверх тонкой белой ганчевой обмазки — росписи Кара-тепе сходны с живописью хорезмийских памятников древнего периода (равно как и с несколько более поздними — раннесредневековыми росписями Средней Азии вообще)[50].

Если же говорить о характере орнамента основного, второго типа росписей Кара-тепе, то ближайшими известными пока аналогиями им будут не росписи, а резные гипсовые (ганчевые) панно дворца в Кухи-Ходжа[51]. Следует также отметить, что сходные узоры (сочетание бордюра из треугольников и сетчатого поля с четырехлепестковыми розет-

---

[47] С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948, стр. 164—190; его же, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.)*, — «Труды ХАЭЭ», т. I, М., 1952, стр. 40—42 и 44, прим. 3; его же, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.*, — «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 195—216; М. Г. Воробьева, *К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала*, стр. 68—69.

[48] Е. Е. Неразик, *Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г.*, — «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 377, 378, 380.

[49] Судить о 3-м типе росписей Кара-тепе и возможных аналогиях к нему из-за скудости открытого материала пока что трудно.

[50] См. П. И. Костров, *Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента*, — в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 161 и сл.; В. А. Шишкин, *Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)*, — СА, 1955, XXIII, стр. 112. В той же технике выполнены также росписи замка V — начала VI в. Балалык-тепе, неподалеку от Термеза. Об этом памятнике см. Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе*, Ташкент, 1960.

[51] См. R. Ghirshman, *Iran. Parthes et Sassanides*, p. 40, fig. 54; E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, pl. XCIX.

ками) мы видим и на отдельных астоданах-оссуариях раннесредневековой Средней Азии, в частности на известной крышке оссуария из Самарканда, увенчанной скульптурным изображением человеческой головы[52].

Все это позволяет, по-видимому, предполагать, что как обычай сплошной окраски стен (и пола) отдельных помещений или же украшения их стен расписными панелями, так и основные орнаментальные узоры Кара-тепе не являются специфически буддийскими, а связаны с древними художественными традициями среднеазиатских и вообще восточноиранских народов. (Насколько увязываются с буддийским искусством росписи Кара-тепе третьего и четвертого типов, из-за фрагментарности их судить пока не представляется возможным.)

К стенным росписям Кара-тепе примыкают контурные рисунки, украшавшие первоначально каменные блоки порога у входа в центральное помещение надземной постройки; позднее (как это отмечалось выше) поверхность блоков была сплошь закрашена в красный цвет. Вполне вероятно, что первоначально блоки предназначались не для сооружения порога, а для возведения или облицовки стены, и контурные рисунки, таким образом, были эскизными набросками стенных росписей. Рисунки ныне сохранились на боковой поверхности второго и, хуже, третьего (считая с востока) блоков (рис. 14). В обоих случаях рисунки нанесены непосредственно на поверхность камня черной краской и изображают многолепестковый цветок на длинном изогнутом стебле. Никаких аналогий этим изображениям в искусстве Средней Азии, Ирана и северного Афганистана древнего периода я не знаю. В то же время подобные изображения достаточно хорошо известны в искусстве Индии, где так воспроизводился цветок лотоса.

г) Рисунки-граффити

Отдельную и притом своеобразную группу памятников изобразительного искусства, открытую на Кара-тепе, представляют рисунки-граффити, выцарапанные на стенах пещерных комплексов. Все они, как обнаруженные в 1961—1962 гг., так и известные ранее, размещены без учета архитектуры и планировки комплексов, обычно неподалеку от выходов на-

[52] Первую публикацию см. Н. И. Веселовский, *Еще об оссуариях,* — ЗВОРАО, т. XVII, вып. IV, СПб., 1907, табл. 1, рис. 2а, 2б, стр. 0178.

ружу. Рисунки, открытые в 1961—1962 гг., нанесены поверх позднего слоя штукатурки (в восточном коридоре комплекса П-II) и поверх росписей (в коридоре комплекса П-III). Таким образом, рисунки-граффити, по крайней мере те из них, которые найдены в комплексах П-II и П—III, относятся не ко времени расцвета жизни на Кара-тепе, а скорее к периоду запустения кара-тепинских построек.

Как уже упоминалось выше, в 1961—1962 гг. выявлены три рисунка-граффити. Один из них — изображение архитектурного характера. Оно было выцарапано на западном пилоне восточного коридора пещерного комплекса П-II, близ северного его края (ср. рис. 8, Iа). Как это видно на прорисовке (рис. 22), здесь были изображены четыре колонны, группирующиеся вокруг какого-то прямоугольника. Перед двумя передними (большими) колоннами изображена еще дорожка или ограда. Прямоугольник в центре рисунка украшен узором, образующим треугольные фигуры, обращенные вверх вершинами. Дорожка (или ограда) в большей части заполнена двумя рядами прямоугольников, а у правого края — небрежными треугольниками, напоминающими узор центрального прямоугольника. Колонны четко делятся на базу, ствол и капитель. Базы колонн имеют несколько странный вид: они состоят из двух лежащих один на другом прямоугольников, причем нижний из них меньше верхнего. Стволы колонн украшает сетчатый узор, возможно передающий резьбу по дереву. Капители двух передних (больших) колонн как бы повторяют их базы. Капители меньших колонн состоят всего лишь из одной прямоугольной фигуры. Над центральным прямоугольником более тонкими линиями прочерчен какой-то неправильный овал, от которого по штукатурке вверх расходятся три радиальных луча (трещины?). В целом все изображение представляет собой несомненно рисунок какой-то постройки, вполне возможно, постройки культовой, с алтарем в центре, между четырьмя колоннами. Но и в этом случае ряд деталей изображения не может быть объяснен. Так, остаются непонятными и странные базы колонн, и неправильный овал над центральным прямоугольником — алтарем.

Два других рисунка-граффити, изображающие людей, найдены на северной стене коридора пещерного комплекса П-III; один — к западу от входа в комплекс, второй — к востоку от него (ср. рис. 8,I, 1 и 2). Первый из них (рис. 23б) передает четкой и уверенной контурной линией лицо (в профиль) длинноголового, длинноносого человека с тонкими губами и острым подбородком. На лице отмечены морщина у губ, тон-

кая бровь. Глаз — миндалевидный с передачей глазного яблока, век, зрачка. Весь рисунок носит характер выполненного умелой рукой изображения человека «демонического типа». Никаких аналогий этому изображению в памятниках Средней Азии мне неизвестно.

Восточнее входа в этот комплекс выцарапан рисунок иного типа (рис. 23а). Здесь перед нами — погрудное (?) изображение человека с повернутым в три четверти влево лицом. Линии, передающие одежду, сохранились плохо и за редким исключением неотличимы от трещин штукатурки. Более четко читается голова изображенного персонажа с удлиненным овальным лицом, длинным носом, крупными миндалевидными глазами и тонкими длинными усами. Зрачки отмечены кружками. Веки и брови не переданы вовсе. Характерно подчеркивание подбородка в виде дужки. Головной убор неразличим, но он, видимо, закрывал уши и заканчивался по сторонам шариками (возможно, однако, что это серьги). Важной деталью являются ветки с листьями, украшавшие не то головной убор, не то волосы изображенного здесь человека. По стилю этот рисунок-граффити перекликается с росписями из Балалык-тепе, раннесредневекового замка (V — начало VI в.), раскопанного Л. И. Альбаумом в Ангорском районе, примерно в 25 *км* к северо-западу от современного города Термеза: в росписях парадного помещения этой постройки часты трехчетвертные изображения людей со сдвинутыми вбок, как бы скошенными зрачками и переданным дужкой подбородком [53]. Сюжет же этого рисунка — изображение персонажа, голова которого украшена ветками растения,— встречается в изобразительном искусстве домусульманской Средней Азии не впервые. Такие же персонажи изображены в стенной росписи небольшого придела, входящего в комплекс так называемого объекта 1 — одного из храмов древнего Пянджикента (VII—VIII вв.) [54].

Какие-то растения украшают также головы некоторых персонажей, помещенных на стенках знаменитых оссуариев из Бия-наймана (V—VI или VI—VII вв.) [55]. В обоих случаях подобные изображения связаны с какими-то религиозными представлениями. О характере этих представлений мнения

---

[53] См., например, Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе*, рис. 107 (между стр. 140 и 141), рис. 109 (между стр. 142 и 143).

[54] См. М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии*, стр. 104, 105, табл. VII, IX, X, XII.

[55] См. Б. Я. Ставиский, *Оссуарии из Бия-Наймана*, стр. 166, 169, табл. 2.

расходятся. Так, А. Ю. Якубовский объяснял изображения в приделе пянджикентского храма как передачу празднования воскресающих сил природы[56], А. М. Беленицкий — как сцену, связанную с манихейскими воззрениями[57] или с культом умерших предков[58]. В любом случае, однако, связь этих изображений с религиозными представлениями не вызывает сомнений.

Вполне вероятно, что подобными же представлениями следует объяснять и изображение человека с цветущей ветвью в волосах в стенной росписи Кухи-Ходжа[59] и рассматриваемый нами рисунок-граффити из пещерного комплекса П-III в Кара-тепе.

Говоря о рисунках-граффити, открытых на Кара-тепе в 1961—1962 гг., мы, таким образом, должны констатировать, что, хотя в отличие от открытых здесь ранее рисунков чисто буддийского характера, как, например, изображения ступ или цветка лотоса[60], эти рисунки не носят столь ярко выраженной культовой окраски, предполагать их связь с какими-то религиозными представлениями есть достаточные основания.

д) Культовые предметы

Помимо росписей, носивших, возможно, культовый характер, и фрагментов несомненно культовой буддийской скульптуры при раскопках Кара-тепе в 1961—1962 гг. были найдены предметы, которые также следует, очевидно, связывать с буддийским культом: куски каменных декоративных зонтиков (чатра) разной величины и небольшие крышки реликвариев или иных культовых коробочек, украшенные изображением распустившегося цветка лотоса.

---

[56] См. А. Ю. Якубовский, *Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг.*, — ИАН, СИФ, 1950, т. VII, № 5, стр. 480; его же, *Древний Пянджикент*, — сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 248. Ср. его же, *Вопросы изучения пянджикентской живописи*, — в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 23.

[57] См. А. М. Беленицкий, *Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов)*, — в кн. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 73, 74.

[58] См. А. М. Беленицкий, *О некоторых сюжетах пянджикентской живописи*, — КСИИМК вып. 61, 1956, стр. 56—58.

[59] См. E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, pl. CII; R. Ghirshman, *Iran. Parthes et Sassanides*, fig. 58.

[60] См. М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, стр. 77, 78, рис. 57 (на стр. 81), 58 (на стр. 82) и 59 (на стр. 83).

Фрагменты декоративных каменных зонтиков (рис. 30) были в основной своей массе найдены в боковой пещере комплекса П-I, только один кусок такого зонтика происходит из центрального помещения комплекса П-II. Больше всего дошло до нас фрагментов крупного (радиусом не менее чем 50 *см*) зонтика, изготовленного из цельного куска белого мергелистого известняка. Зонтик имел вид большой перевернутой чаши с прямым краем, украшенным двумя желобками и округлым ребром между ними. С наружной стороны поверхность зонтика была окрашена в красный цвет; следы раскраски хорошо видны на многих фрагментах зонтика. Такую же форму имел и фрагмент зонтика, найденный в комплексе П-II. Он также высечен из мергелистого известняка, и внешняя поверхность его также окрашена в красный цвет. Но по размеру он значительно меньше: его диаметр был равен примерно 45 *см*. Фрагмент самого маленького зонтика изготовлен из ганча (гипса). Его форма проще, чем у больших зонтиков; это — чашевидный предмет с простым ровным краем. Как и большие зонтики, снаружи он был выкрашен в красный цвет. Диаметр этого маленького изделия равен всего 7 *см*. Интересно отметить, что находки предметов такой формы, как рассматриваемые нами зонтики, в районе Термеза уже бывали, причем одна из таких находок непосредственно связывается с Кара-тепе [61]. Назначение всех этих зонтиков не вызывает сомнений: подобные декоративные зонтики часто встречаются в изображениях буддийских ступ и реликвариев, они действительно увенчивали эти культовые памятники, как увенчивают они и знаменитую глиняную модель ступы из Лорийан Тангай, ныне хранящуюся в Индийском музее в Калькутте [62].

Крышки, украшенные изображением цветка лотоса (рис. 29), найдены в 1961—1962 гг. в трех различных местах: в центральном помещении пещерного комплекса П-II, в боковой пещере комплекса П-I и в свалке во дворе (к западу от надземного здания). Одна из крышек дошла до нас в целом виде, от двух сохранилось больше половины, от одной — половина, от трех остальных — небольшие куски.

Целая крышка изготовлена из светло-желтой глины и

---

[61] См. М. И. Вязьмитина, *Керамика Айртама времени кушанов*, — «Труды АН УзССР», сер. I, т. II, стр. 52.

[62] См., например, одно из последних воспроизведений этой модели ступы в B. Rowland, *Gandhâra sculpture from Pakistan Museums*, New York, 1960, p. 40, fig. 14. Ср. A. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhâra*. pp. 61, 71, 75 sq.

сверху покрыта красноватым ангобом (диаметр ее — 11,5 *см*, высота около 5,5 *см*). Нижняя сторона крышки плоская, верхняя — конусовидная, с цилиндрической ручкой в центре. На конусовидной верхней стороне помещается рельефное, оттиснутое при помощи большого штампа изображение цветка лотоса: семь полных лепестков, из-за которых виднеются кончики еще двух рядов лепестков несколько более заостренных очертаний. Между изображением цветка и ручкой тянется ряд рельефных шариков — перлов.

Другая крышка, сохранившаяся примерно на две трети, имеет более уплощенную верхнюю сторону и более массивную ручку. Изготовлена она также из светло-желтой глины и сверху покрыта красным ангобом. Диаметр этой крышки — 14.5 *см*, высота — 6,5 *см*. На уплощенной верхней стороне было оттиснуто рельефное изображение цветка лотоса со схематизированными восемью лепестками, из-за которых выглядывают кончики еще одного ряда таких же лепестков. Границы между отдельными лепестками цветка подчеркнуты врезанной пунктирной линией. Рельефное изображение многолепесткового цветка помещено также на плоской верхней площадке ручки.

Третья крышка, от которой до нас дошло немногим более половины, сильно оббита. Ее диаметр превышал 12 *см*, высота достигала 6 *см*. Изготовлена она из светло-серой глины и покрыта сверху красным ангобом. По форме эта крышка близка к первым двум: она имеет плоскую нижнюю сторону и конусовидный верх, уплощенный к краю и круто поднимающийся к центру, где помещена цилиндрическая ручка. На конусовидной поверхности было оттиснуто изображение многолепестковой розетки. Следы какого-то рельефного изображения сохранились также на плоской верхушке ручки.

Штампованный рельефный рисунок виден и на небольшом обломке еще одной глиняной крышки. Эта крышка в отличие от предыдущих не имела ангоба. Изготовлена она из коричневатой глины. Диаметр крышки равнялся примерно 15 *см*. Насколько позволяет судить обломок, крышка имела плоскую нижнюю и коническую верхнюю поверхности. Рельефное изображение цветка было оттиснуто на верхней стороне крышки; на обломке сохранились остатки трех рядов заостренных, выполненных в рельефе разной высоты стилизованных лепестков с точечной орнаментацией.

В отличие от описанных выше крышек три остальных фрагмента относились к изделиям, высеченным из камня. Два из них вырезаны из песчаника и, судя по дошедшим до

нас обломкам, имели диаметр около 10—12 *см*; они были плоскими с нижней стороны и повышающимися к центру — с верхней. На верхней их стороне прочерчены схематизированные лепестки пышного цветка лотоса. Несмотря на то что рисунок здесь сильно упрощен, общая его схема (многолепестковая розетка с выглядывающими между ее отдельными лепестками кончиками одного или двух рядов таких же лепестков) полностью совпадает с той, которую мы уже видели, знакомясь с глиняными крышками.

Ту же схему передачи распустившегося цветка лотоса видим мы и на фрагменте крышки, высеченной из мергелистого известняка. Эта крышка была плоской с обеих сторон. Диаметр ее — 10 *см*, высота — 2—2,5 *см*. Сверху крышка украшена выполненным глубокой резьбой изображением полных условных лепестков, между которыми видны концы еще двух рядов лепестков, переданных более схематично.

Рассмотренные нами крышки заметно отличаются по материалу, из которого они были изготовлены (глина, песчаник, мергелистый известняк). Но их относительно сходные размеры (диаметр их колеблется примерно от 10 до 15 *см*) и, главное, характерная орнаментация в виде распустившегося цветка лотоса позволяют объединить их в одну группу изделий и по аналогии с известными гандхарскими крышками[63] рассматривать как крышки различных не дошедших до нас культовых коробочек и реликвариев.

е) Керамика

Керамика (обломки глиняной посуды и отдельные собирающиеся целиком или частично сосуды) на Кара-тепе, как и почти на всех археологических памятниках вообще, является наиболее массовым видом находок. Тщательное изучение и публикация ее — дело будущего[64], здесь же я ограничусь лишь общей ее характеристикой и рассмотрением отдельных образцов, которые на настоящем этапе изучения Кара-тепе представляются особенно интересными. Приведу несколько цифр, позволяющих судить о характере и количестве найденных на Кара-тепе керамических материалов. Так, в

---

[63] См., например, A. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhâra*, p. 49, fig. 6; J. Marchall, *Taxila*, Cambrige, 1951, vol. III, pl. 35, 36, 49, 50, 80 sq. Наиболее близкой аналогией крышкам из Кара-тепе может служить находка в Бегораме (слой II). См. R. Ghirshman, *Begram*, — MDAFA, t. XII, Cairo, 1946, pp. 58, 194, tab. XVI, 14, XXXVI, 424.

[64] Керамика Кара-тепе в настоящее время подготавливается к печати.

1961 г.[65] на всех раскопочных участках было найдено около 2 тыс. образцов керамики. Две трети этого числа (около 1330 образцов) происходят из свалки на заднем дворе (к западу от надземного здания), примерно 11% (220 черепков) — из южного айвана двора и надземного здания, столько же из пещерного комплекса П-I (в основном из бокового пещерного помещения) и около 12% (230 черепков) — из пещерного комплекса П-II (в основном из центрального помещения комплекса). Если не считать нескольких фрагментов средневековых глиняных сосудов, в частности обломков поливных блюд, вся эта керамика относится к двум периодам регулярной жизни в кара-тепинских постройках. К сожалению, стратиграфически расчленить находки керамики на два комплекса пока не удалось. Можно лишь отметить, что на поверхности полов, связанных со вторым периодом жизни, не встречалась красно- и черноангобированная керамика с полосчатым, сетчатым или иным сложным лощением (рис. 31а). Исходя из этого мы вправе, по-видимому, относить такую керамику в основном к первому периоду жизни на Кара-тепе. Вместе с тем найденные Е. Г. Пчелиной в помещениях второго периода жизни сосуды, украшенные полосой темно-красного (малинового) ангоба по венчику (рис. 38), позволяют выделить подобные сосуды (рис. 33) из общей массы керамических находок и рассматривать их как характерные именно для второго периода.

Вся керамика Кара-тепе (исключение составляют лишь несколько отдельных черепков, датировка которых неясна) изготовлена на гончарном круге. Орнаментировалась эта посуда лощением, штампами и прочерченными волнистыми линиями. Наиболее многочисленна красно- и черноангобированная керамика с разнообразным лощением. Керамика такого рода составляет около 10% всех находок и может рассматриваться как характерная для Кара-тепе (скорее всего, для первого этапа жизни). Лощением украшались как закрытые сосуды (кувшины и горшки), так и посуда открытого типа (тазы, миски, тарелки, чаши). Особо следует отметить разнообразие и высокое качество лощения на небольшой миске или чаше, где сетчатый орнамент по борту с наружной стороны сочетается со сложным криволинейным переплетающимся узором по внутренней стороне изделия (рис. 31а).

---

[65] Камеральная обработка керамики из раскопок 1962 г. еще не завершена. Поэтому здесь речь идет лишь о материалах из раскопок 1961 г.

На восьми образцах встречен орнамент, нанесенный отдельными мелкими штампами (рис. 31б). В двенадцати случаях сосуды были украшены прочерченной волнистой линией, пять раз такой орнамент отмечен на стенках закрытых сосудов, семь раз — на открытых тазах или глубоких мисках, причем четыре раза внутри и три раза снаружи. В шести случаях прочерченная волнистая линия сочеталась с красным ангобом, два раза — с черным ангобом и два раза — с темно-красным (малиновым) ангобом.

Среди находок на Кара-тепе особенно многочисленны фрагменты глиняных светильников в виде круглой плошки со слегка вогнутым краем и небольшой вмятиной-носиком для фитиля (рис. 32). В 1961 г. здесь найдено более 20 целых или собирающихся полностью светильников. Если же учитывать и отдельные фрагменты, то их было найдено около 150 экземпляров (из них около 100 происходят из свалки на заднем дворе и около 30 — из бокового помещения пещерного комплекса П-I). Почти все светильники изнутри и особенно на носике имеют следы копоти. Однако среди экземпляров, найденных в боковом помещении комплекса П-I, встречены экземпляры, еще не бывшие в употреблении. Среди найденных на южном айване центрального двора интересны два фрагмента: (*а*) светильника с бортом, смятым при изготовлении (этот бракованный светильник также не был в употреблении), и (*б*) светильника, который был использован для хранения или разведения красной краски.

Примерно ста образцами представлен другой распространенный на Кара-тепе тип посуды — тазы или глубокие миски (диаметром до 50 *см*) с прямым или отогнутым наружу краем, украшенным (изнутри или снаружи) горизонтальными желобками (рис. 34,5). Двадцать таких глубоких мисок были покрашены ангобом: в десяти случаях — черным, в девяти — красным и одном — красным внутри и черным снаружи. На пяти из них с внутренней стороны видно сетчатое лощение.

Остальные виды сосудов заметно малочисленнее. Так, большие сосуды для хранения продуктов и жидкостей — хумы представлены всего лишь тремя обломками венчиков, полностью отсутствуют котлы или какая-либо иная кухонная посуда. Даже обычно многочисленные чаши на Кара-тепе довольно редки: всего здесь найдены обломки от 24 сосудов такого рода. 21 из них — чаши полусферической формы (диаметром 15—30 *см*) с вогнутым краем (рис. 34,3). Все они тонкостенные, покрытые красным ангобом; в трех случаях четко видны следы лощения. Три образца принадлежали более

грубым чашам, украшенным полосой темно-красного (малинового) ангоба по краю.

Особо следует отметить фрагменты от девяти глубоких тарелок с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне (рис. 35). Все они были внутри покрыты красным или темно-красным ангобом, заходящим также на бортик с внешней стороны. На двух тарелках хорошо видно лощение в виде переплетающихся дужек, украшавшее их внутреннюю сторону.

Среди кувшинов особого внимания заслуживают сосуды типа энохои с пластинчатой ручкой, прикрепленной ниже венчика (рис. 35). Всего при раскопках 1961 г. найдены фрагменты от девяти таких энохой. Все они покрыты красным ангобом. Ниже горла на стенке одной из энохой лощением нанесен волнистый линейный орнамент. На одной ручке четко виден также выполненный лощением сложный узор. Несколько ручек имеют наверху налепной кружок, несколько — маленькое сквозное отверстие.

Возможно, ко второму периоду жизни на Кара-тепе относятся амфоровидные сосуды с овальной ручкой, сверху украшенной желобками. Венчик таких сосудов покрыт полосой темного ангоба с потеками. Этим же ангобом покрывали сверху и ручки (рис. 34,1).

Помимо пластинчатых и овальных с желобками ручек встречены также и круглые в сечении ручки, принадлежавшие скорее всего небольшим сосудам. Следует отметить, что в трех случаях нижние части ручек в месте их прикрепления к тулову имели углубления — ямку, а в трех других — специфическое удлинение — хвост с ложбинкой посередине.

Девятью образцами представлены в материалах 1961 г. крупные сосуды с массивным носиком. Четыре из них покрыты красным, а три темно-красным (малиновым) ангобом, один изготовлен из серой и один — из светло-желтой глины.

Из редких форм следует отметить ножки красноангобированных бокалов, фрагменты красноангобированных чаш, украшенных налепными штампованными изображениями львиных голов (рис. 34,2) [66], сероглиняную подставку с тремя ножками и отверстием в центре, сосудик с вертикальной ручкой и маленьким носиком (молочник), верхняя часть ко-

[66] Налепы с такими изображениями были встречены и при раскопках Л. И. Альбаума на Зар-тепе (в 26 *км* к северо-западу от Термеза), но до находок на Кара-тепе оставалось неясным, с каким видом посуды они связаны. См. Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе*, стр. 18, 19.

торого покрыта красным ангобом (рис. 33), двуручный небольшой красноангобированный сосуд с вертикальным полосчатым лощением (рис. 33), а также небольшой красноангобированный одноручный (ручка не сохранилась) кувшин с полосчатым лощением в виде слегка волнистых вертикальных линий (рис. 34,4); последний напоминает сосуды, найденные в 1937 г. Е. Г. Пчелиной при раскопках пещерного помещения у северного входа в комплекс П-I (рис. 37). Кружка с вертикальной ручкой, овальной с желобками поверху, и кольцевым поддоном с припухлостью в центре (рис. 33) найдена во фрагментах, часть которых была собрана в северном коридоре пещерного комплекса П-I, а остальные в южном айване центрального двора. Верхняя часть кружки и ее ручка сверху покрыты темно-красным (малиновым) ангобом.

ж) Монеты

Для датировки сооружений, открытых на Кара-тепе, особое значение имеют находки монет. Первая такая находка была сделана в 1936 г., когда при зачистке одной из пещер Кара-тепе сотрудником Эрмитажа В. Н. Кесаевым в песчаной засыпи входа была подобрана медная монета сасанидского царя Шапура II. В 1937 г. при раскопках надземной постройки Е. Г. Пчелиной здесь, на полу обходного коридора, были найдены две медные монеты кушанского царя Канишки, а в заполнении помещения еще две, также медные, позднекушанские монеты [67].

Во время раскопок Кара-тепе нашей экспедицией найдено шесть монет. Все эти монеты — медные, чеканов кушанских царей Вимы Кадфиза (Кадфиза II), Хувишки и Васудевы (одна, позднекушанская, более точному определению не поддается) [68]. Монета Вимы Кадфиза—плохой сохранности и определяется лишь по размеру и весу. Определение монет Хувишки (один экземпляр) и Васудевы (три экземпляра) не вызывает сомнений. Чекан первого из них представлен на Кара-тепе монетой с изображением на аверсе царя, стоящего в рост перед алтарем, а на реверсе — царя верхом на слоне. Монеты Васудевы с Кара-тепе имеют на аверсе изображение царя, стоящего в рост перед алтарем, а на реверсе — Шивы со священным быком Нанди. Условия, в которых

[67] Монеты из раскопок 1937 г. были определены проф. М. Е. Массоном.
[68] Монеты из раскопок 1961—1962 гг. определены участником нашей экспедиции, сотрудником Отдела нумизматики Эрмитажа Е. В. Зеймалем.

встречены эти монеты, таковы. Монета Вимы Кадфиза найдена в нижней части свалки (на заднем дворе, к западу от надземного здания) (рис. 9). Монета Хувишки — на первоначальном нижнем полу бокового пещерного помещения комплекса П-I. Монеты Васудевы — на том же первоначальном полу бокового помещения комплекса П-I; в надпольном слое (между полами) в том же помещении, у выхода из него в северный коридор комплекса и в южном айване центрального двора, в завале с керамикой. В верхнем слое завала в южном айване двора найдена и мелкая медная позднекушанская монета.

з) Надписи

Выше, описывая раскрытые в 1961—1962 гг. помещения на Кара-тепе, я уже упоминал находки надписей. Эти находки четко делятся на две группы: надписи на керамике и надписи-граффити на стенах пещерных комплексов. Первые относятся ко времени расцвета жизни на Кара-тепе, вторые — к периоду запустения и разрушения его построек. Надписи на керамике, вернее, на туловах глиняных сосудов, дошли до нас в виде отдельных фрагментов. Всего за полевые сезоны 1961—1962 гг. найдено более 50 таких фрагментов. Это куски стенок сосудов, по тулову которых в древности были нанесены черной краской надписи (скорее всего дарственного характера). Как и остальная масса керамики, черепки с надписями найдены в основном в свалке на заднем дворе (к западу от надземного здания), 14 фрагментов происходят из бокового помещения пещерного комплекса П-II и один — из северо-западного угла центрального двора.

Большинство надписей на глиняных сосудах было выполнено индийскими алфавитами кхароштхи и брахми. Их публикации и разбору посвящена специальная статья Т. В. Грек (см. ниже, стр. 62), так что останавливаться на этих надписях здесь нет необходимости. Иной характер носит надпись на черепке (найден в свалке на заднем дворе), выполненная буквами так называемого кушанского письма (рис. 41) [69].

[69] Это — надписи греческим алфавитом (с незначительными изменениями отдельных букв), приспособленным при кушанах для местного — восточноиранского языка. О том, что это за язык, мнения расходятся. Одни (A. Maricq) называют его «истиннотохарским», другие (W. B. Henning) — «бактрийским». Поскольку вопрос о языке пока что остается открытым, представляется более верным определять надписи такого рода не по языку, а по характеру письменности, т. е. называть их надписями кушанским письмом.

Надписи-граффити, как уже отмечалось выше, открыты на Кара-тепе на стенах пещерных комплексов П-I, П-II и П-III. Основная масса таких надписей относится к мусульманскому средневековью и выполнена арабским алфавитом (ср. рис. 18). Однако наряду с ними в восточном коридоре пещерного комплекса П-II встречены и иные (индийские?) надписи, а в северном коридоре этого же комплекса открыта курсивная надпись кушанским письмом в несколько строк[70].

Остатки надписи, возможно, представлены и на фрагменте глиняной крышки, подобранной на поверхности холма Кара-тепе. На верхней стороне этого фрагмента помещена рельефная, оттиснутая в форме надпись или подражение надписи. Датировка этой случайной находки пока не может быть определена: она с одинаковым успехом может быть отнесена как ко времени расцвета жизни на Кара-тепе, так и к гораздо более позднему периоду.

и) Прочие находки

Заканчивая общий обзор находок на Кара-тепе, следует обратить внимание и на несколько предметов (рис. 36), которые не попали в число рассмотренных нами выше групп. Таковы глиняный тигелек с остатками окислившихся металлических шлаков и глиняная же литейная формочка (?) с елочным врезанным узором на стенке, сходная со «светильником» из Бергама[71], а также небольшой медный шаровидный колокольчик с прорезью. Первая из этих находок происходит из свалки на заднем дворе, две другие обнаружены на полу бокового помещения пещерного комплекса П-I. В скоплении керамики, в 15 *см* выше пола этого помещения, найдены и две плоские овальные бусины из белого с желтизной камня. На первоначальном полу центрального двора (в его северо-западной части) лежал точильный камень-брусок с просверленным отверстием для подвешивания.

III. Назначение и датировка вскрытых сооружений

Работы 1961—1962 гг. подтвердили определение Кара-тепе как остатков первого на территории Средней Азии пещерного буддийского монастыря. Это определение, выдвину-

[70] Изучение надписей комплекса П-II было продолжено на месте в полевой сезон 1963 г.

[71] См. R. Ghirshman, *Begram*, fig. 239.

тое в качестве предположения в конце 20-х годов и введенное в науку после работ Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1936—1938 гг., ныне можно считать достаточно обоснованным.

О необычном (скорее всего культовом) назначении сооружений на Кара-тепе свидетельствует даже состав найденной здесь керамики с преобладанием столь своеобразного вида посуды, как светильники, и с полным (пока, во всяком случае) отсутствием котлов, горшков и иных кухонных сосудов. Еще более показательны планировка и устройство вскрытых здесь сооружений: огромные, явно нежилые пещерные комплексы с длинными обходными коридорами и абсолютно лишенными дневного света центральными помещениями; все известные ныне аналогии этим комплексам,— будь то буддийские средневековые постройки или древние храмовые сооружения (об этих аналогиях речь будет идти ниже),— подтверждают их культовый, а не бытовой характер. О буддийском монастырском характере сооружений на Кара-тепе свидетельствуют и находки фрагментов буддийских ганчевых статуй, и разнообразные изображения цветков лотоса (рис. 14 и 29), и куски декоративных зонтиков-чатра (рис. 30), служивших обычно для украшения буддийских ступ и реликвариев. О связи Кара-тепе с буддизмом свидетельствуют также процарапанные поверх штукатурки изображения (граффити) буддийских ступ, открытые, как уже упоминалось выше, в пещере, обследованной еще в 1934—1936 гг. О том, что на Кара-тепе находился буддийский монастырь, явствует, наконец, из дарственных индийских надписей на глиняных сосудах, найденных в 1961—1962 гг. Как показало чтение этих надписей, произведенное Т. В. Грек, сосуды предназначались в дар священному водоему (кунда) и непосредственно буддийскому монастырю или монастырской общине (санга). Вполне вероятно даже, что этот монастырь принадлежал последователям определенной буддийской секты — кашьявина или кашьяса, известной по надписи из Таксилы[72].

Говоря о назначении отдельных построек и помещений, раскопанных на Кара-тепе, следует сразу же отметить, что и по своей планировке, и по внутреннему устройству надземное здание, равно как и пещерные комплексы П-I и П-II, не могли, очевидно, предназначаться ни для чего иного, кроме культовых целей. Центральные их помещения служили скорее всего святилищами, в которых размещались статуи,

[72] Об индийских надписях из Кара-тепе и о чтении их см. ниже.

рельефы и другие предметы культа, а коридоры — помещениями для свершения культозых обходов святилища и других религиозных церемоний. Боковая пещерная комната в комплексе П-I, судя по найденным в ней предметам, предназначалась, видимо, для хранения культового, а возможно, и бытового инвентаря: статуй, рельефов, реликвариев, дарственных сосудов, светильников. Восточная комната в надземном здании и небольшая пещера у северного входа в комплекс П-I были жилыми помещениями — кельями отдельных буддийских монахов (характерно, что только в этих двух небольших помещениях были сооружены суфы).

* * *

Е. Г. Пчелина относила возникновение и расцвет буддийского монастыря на Кара-тепе к I—III вв. н. э. Материалы, полученные в ходе раскопок 1961—1962 гг., в основном подтверждают эту датировку.

Судя по данным раскопок 1937 и 1961—1962 гг., монастырские сооружения на Кара-тепе, как это уже отмечалось выше, пережили два этапа. Первый из них лучше всего можно датировать находками монет кушанских государей: Вимы Кадфиза (одна монета — из нижней части свалки на заднем дворе), Канишки (две монеты — с пола обходного коридора надземного здания), Хувишки (одна монета — с первоначального пола бокового помещения пещерного комплекса П-I) и, наконец, Васудевы (три монеты — (*а*) с первоначального пола бокового помещения комплекса П-1, (*б*) из слоя между первоначальным и вторичным полами этого помещения и (*в*) из завала в южном айване центрального двора).

Условия находки всех этих монет (исключение составляют лишь монета Васудевы из завала в южном айване) таковы, что мы вправе относить их к первому, основному этапу жизни Кара-тепе, когда были сооружены и функционировали полностью и центральный двор с надземной постройкой, и пещерные комплексы П-I и П-II (о времени сооружения комплекса П-III достаточно определенно мы судить еще не имеем возможности). Учитывая же, что чекан Вимы Кадфиза представлен на Кара-тепе всего лишь одной сильно изношенной монетой, определенной к тому же лишь по размеру и весу, расцвет жизни в монастырских постройках Кара-тепе вернее будет относить ко времени царствований Канишки, Хувишки и Васудевы.

Как известно, хронология правления кушанских царей окончательно еще не установлена. Однако расхождения в датировке опорного пункта кушанской хронологии — начала царствования знаменитого Канишки (так называемая дата Канишки) — не превышают 70 лет: в современной науке эту дату относят к 78, 104, 128 или 144 гг. н. э.[73]. В соответствии с этим по-разному датируются и правления интересующих нас кушанских государей. Но в любом случае царствования Канишки, Хувишки и Васудевы все исследователи не выносят за рамки конца I — середины III в. Этим временем мы, очевидно, вправе датировать и первый — основной слой Кара-тепе.

Несколько сложнее обстоит дело с датировкой второго этапа жизни, когда надземное здание и пещерный комплекс П-I использовались лишь частично и к тому же, видимо, уже не по прямому их назначению (данными об использовании в этот период остальных раскапываемых сооружений мы пока не располагаем). Судя по характеру кушанской надписи-граффити, выцарапанной поверх штукатурки на стене пещерного комплекса П-II (развитой курсив, аналогичный почерку легенд монет и гемм середины III—IV вв.), можно предполагать, что в этот период монастырские постройки были уже заброшены. О том же свидетельствует и находка монеты сасанидского царя Шапура II (309/10—379/80) в слое песка, засыпавшего вход в одну из кара-тепинских пещер, исследованных в 1936 г. По-видимому, к этому времени и следует относить частичное обживание отдельных сооружений на Кара-тепе, т. е. второй этап жизни, засвидетельствованный в надземном здании и в пещерном комплексе П-I.

IV. Раскопки Кара-тепе и некоторые историко-культурные вопросы

Буддийский пещерный монастырь на Кара-тепе был расположен на землях древней Бактрии, первоначального ядра и важнейшей области Кушанского царства. Более того, он лежал всего лишь в 70 *км* от политического, торгового и культурного центра этой области — города Балха, на древней дороге, соединявшей Балх и Самарканд, через которые проходили важнейшие торговые пути той эпохи. Кушанский

[73] См. R. Ghirshman, *Le problème de la Chronologie des Kouchans*, — «Cahiers d'histoire mondial», vol. III, № 3, Neuchatel, 1957, pp. 689—717. Ср. материалы международного симпозиума «О дате Канишки» в Лондоне, в апреле 1960 г. (печатаются в издании Лондонского университета).

же период, на который приходился расцвет кара-тепинского монастыря, вообще был временем тесных культурных связей и оживленного обмена культурными и художественными достижениями разных народов. В этот период все передовые в культурном отношении области «Старого света» были поделены между четырьмя империями: Римом в Средиземноморье, Парфией — на Ближнем Востоке, империей Хань в Китае и государством Великих Кушан — на территории современных Индии и Пакистана, Афганистана и Средней Азии. Протянувшись от Британских островов до Тихого океана, эти четыре империи впервые в истории человечества связали в единую политическую систему все древнейшие центры цивилизации. Из столицы ханьского Китая, через земли Кушанского и Парфянского царств, к берегам римского Средиземноморья, протянулся тогда первый в истории трансконтинентальный «Великий шелковый путь». Тогда же была проложена регулярная морская трасса из гаваней римского Египта к морским воротам Кушанского царства — портам западной Индии. Страны, отдаленные друг от друга часто на многие тысячи километров, в этот период оказались связанными между собой, и многие культурные явления той эпохи нельзя понять без учета обстановки в, казалось бы, совсем далеких областях.

Учитывая все сказанное выше, сотрудники нашей экспедиции, приступая к изучению Кара-тепе, сознавали, что этот уникальный археологический памятник может оказаться связанным со многими вопросами истории культуры и искусства народов Средней Азии и соседних стран. Мы, конечно, не обольщались мыслью, что сразу же получим необходимые материалы для решения важных и сложных научных проблем. Но надежда, что раскопки Кара-тепе смогут приблизить науку к их разрешению, не покидала нас, и уже первые полевые сезоны показывают, что для таких надежд Кара-тепе дает достаточно оснований. Во всяком случае материалы, полученные в ходе раскопок Кара-тепе в 1937 и 1961—1962 гг., позволяют пролить новый свет на три историко-культурных вопроса:

а) вопрос о культуре и искусстве Бактрии (Тохаристана) при кушанах;

б) вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма из Индии в Среднюю и Центральную Азию и далее на Дальний Восток; и, наконец,

в) вопрос о значении буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии.

Рассмотрим, что же нового дают для освещения этих вопросов раскопки на Кара-тепе.

1. Материалы из Кара-тепе и вопрос о культуре и искусстве Бактрии (Тохаристана) при кушанах

Огромное значение Бактрии (Тохаристана) в древности (в частности, при кушанах) ни у кого не вызывает сомнений. Между тем изучение ее археологических памятников кушанского времени фактически только лишь начинается. В южной, левобережной Бактрии (т. е. той части этой древней области, которая лежит к югу от Аму-Дарьи, на территории современного северного Афганистана), широкие систематические раскопки ведутся лишь в Баглане, где на холме Сурх-Котал начиная с 1952 г. ведет свои исследования Французская археологическая делегация во главе с Д. Шлюмберже. В ходе этих работ открыты храмы огня, буддийские культовые сооружения и иные постройки, найдены памятники каменной и глиняной скульптуры и надписи кушанским письмом. Однако информация о работах на Сурх-Котале пока ограничена предварительными отчетами и отдельными статьями и заметками [74]. Следует упомянуть также работы в Балхе, давшие представление о керамике южной Бактрии, в том числе и о керамике кушанского времени [75], а также обследование небольшого буддийского монастыря в Кундузе, краткий отчет о котором содержит лишь общее описание постройки и шести

---

[74] См. D. Schlumberger, *Le temple de Surkh Kotal en Bactriane (I—III)*, — JA, 1952, t. CCXL, pp. 433—453; 1964, t. CCXLII, pp. 161—187; 1955, t. CCXLIII, pp. 269—279 и его же краткие информации о раскопках 1952—1957 гг. в CRAIBL, 1953, pp. 30—33; 1954, pp. 107—109; 1955, pp. 64—71; 1957, pp. 176—181. См. также D. Schlumberger, *Surkh Kotal. A late hellenistic temple in Bactria*, — «Archaeology», vol. VI, 1953, № 4, pp. 232—238; idem, *Surkh Kotal: Un sanctuaire du feu d'époque kouchane en Bactriane*, — «Arts Asiatiques», t. I, 1954, fasc. 2, pp. 132—138; idem, *Descendants non-Méditerranéen de l'art Grec (I—II)*, — «Syria», 1960, t. XXXVI, fasc. 1/2, pp. 131—166; 1960, t. XXXVI, fasc. 3/4, p. 253. О надписях см. R. Curiel, *Inscriptions de Surkh Kotal*, — JA, 1954, t. CCXLII, pp. 189—205; A. Maricq, *La grande inscription de Kaniska et l'étéo-tokharien l'ancienne langue de la Bactriane*, — JA, 1958, t. CCXLVI, pp. 145—440; W. B. Henning, *Bactrian Inscription*, — BSOAS, 1960, pp. 47—55; A. Maricq, *Bactrien ou étéotokharien?*, — JA, 1960, t. CCXLVIII, pp. 161—166; E. Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*, — JA, 1961, t. CCXLIX, pp. 113—152.

[75] См. J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, — MDAFA, t. XV, Paris, 1967. Ср. также D. Schlumberger, *La prospection archéologique de Balkh*, — CRAJBL, 1947, pp. 38—41; idem, *La prospection archéologique de Bactres*, — «Syria», 1949, t. XXVI, № 3/4, pp. 173—187.

найденных в ней гипсовых (ганчевых) голов от статуй (вопрос о датировке этого монастыря остается открытым) [76]. В северной, правобережной Бактрии (т. е. той ее части, которая лежит к северу от Аму-Дарьи, на землях южных районов современных Узбекской и Таджикской ССР) кушанские слои затронуты на многих древних поселениях. Здесь, в районе Термеза, в 1933 г. экспедицией во главе с М. Е. Массоном было обследовано место находки куска знаменитого айртамского фриза и открыты остатки здания и еще семь кусков этого фриза [77]. Работы в Айртаме были продолжены в 1937 г. [78], однако достаточных данных для суждения о планировке, назначении и дате вскрытой постройки до сих пор не опубликовано. После второй мировой войны, в 1950—1951 гг., М. М. Дьяконовым были проведены небольшие раскопки в Кобадиане, в низовьях реки Кафирниган, в южном Таджикистане. По материалам этих раскопок была составлена первая для северной Бактрии стратиграфическая таблица [79]. Эта таблица явилась безусловно важным вкладом в археологическое изучение Бактрии, но, как показали дальнейшие работы, она составлена на слишком ограниченном по количеству материале и может рассматриваться лишь как первый шаг на пути к разработке историко-хронологической периодизации северобактрийских памятников. Все остальные исследования памятников северной Бактрии до недавнего времени сводились к незначительным раскопам, шурфам или наружному обследованию отдельных объектов, да и указанные выше работы в Айртаме и в Кобадиане фактически тоже представляли собой лишь разведывательные раскопки, проведенные, правда, в несколько более крупном масштабе.

Более широкий и систематический характер носят раскопки, начатые в 1959 г. экспедицией Института искусствознания Академии наук Узбекской ССР на городище в сел. Халчаян, возле Денау (по пути из Термеза в Душанбе, в Узбекистане). Эта экспедиция, возглавляемая Г. А. Пугаченковой, раскапывает крупное здание, стены которого были

---

[76] См. J. Hackin, *Fouilles de Kunduz. L'art bouddhique de la Bactriane*, — MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, pp. 19—21. Ср. А. М. Мандельштам, *О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане*, — СА, 1954, XXI, стр. 418, 419.

[77] См. М. Е. Массон, *Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.*; его же, *Скульптура Айртама*.

[78] См. М. И. Вязьмитина, *Раскопки на городище Айртам*, стр. 23—34.

[79] См. М. М. Дьяконов, *Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан)*, стр. 272—292 (особенно стр. 287—292).

украшены глиняной скульптурой эллинистического типа и полихромной стенной росписью [80].

Таким образом, как это видно из приведенного выше беглого перечня археологических работ, в Бактрии до недавнего времени не было ни одного памятника кушанского времени, который исследовался бы более двух-трех полевых сезонов и был бы изучен достаточно разносторонне. Более того, материалы из раскопок этих памятников, как правило, публиковались в неполном виде. Положение изменилось лишь в последние годы, когда регулярные многолетние раскопки ведутся в Бактрии на трех археологических объектах: Сурх-Котале, Халчаяне и Кара-тепе. Ни на одном из них работы еще не завершены, но уже из предварительных публикаций можно заключить, что материалы, полученные при раскопках каждого из них, не дублируют, а дополняют друг друга. Так, постройка в Халчаяне была, по определению Г. А. Пугаченковой, сооружена раньше Кара-тепе и Сурх-Котала и носила дворцовый характер. Что же касается Кара-тепе и Сурх-Котала, то хотя оба этих памятника одновременны (оба они относятся ко времени расцвета кушанской мощи), их назначение было различно: одни из построек Сурх-Котала были храмами огня, другие, будучи связанными с буддизмом, заметно отличались от надземных и подземных монастырских сооружений Кара-тепе. Наряду с этим во всех трех памятниках четко проступают черты, общие, очевидно, для архитектуры Бактрии кушанского времени: частое применение в планировке зданий обходных коридоров, огибавших с трех или четырех сторон замкнутое центральное помещение, широкое использование деревянных колонн с каменными профилированными базами, употребление для кладки стен крупного квадратного сырцового кирпича.

Специфика Кара-тепе — единственного известного пока буддийского пещерного монастыря кушанского времени в Бактрии — в значительной степени определяет тот вклад в изучение культуры и искусства этой области, который внесли раскопки 1937 и 1961—1962 гг. Как уже отмечалось выше, Кара-тепе дает в руки исследователей первые материалы для

[80] Сведения об этих раскопках пока что ограничиваются заметками информационного характера. См.: Г. А. Пугаченкова, *Археологическая разведка у селения Халчаян*, — «Изв. АН УзССР», СОН, 1960, № 3, стр. 49, 50; ее же, *Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 году*, стр. 66—67. Ср. также Г. А. Пугаченкова, *Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна*, — ВДИ, 1962, № 2, стр. 88—95.

изучения архитектуры и планировки буддийских пещерных монастырей Бактрии, о существовании которых ранее можно было лишь предполагать. Здесь получены одни из первых для северной (правобережной) Бактрии находки буддийской ганчевой скульптуры и орнаментальных стенных росписей.

Раскопки Кара-тепе дали также материалы, позволяющие судить о письменностях и языках буддийской общины в кушанском Термезе. Публикация и разбор индийских надписей на керамике будут даны ниже, в специальном исследовании Т. В. Грек. Здесь же я лишь позволю себе напомнить, что до находок на Кара-тепе в Бактрии (и к северу от Гиндукуша вообще) были известны всего лишь две надписи карошти, относящиеся предположительно к кушанскому времени [81]: шесть букв, вырезанных на куске известняка, подобранного в 1936 г. на городище Старого Термеза (чтению не поддаются) [82], и часть надписи на фрагменте глиняного сосуда из Балха (сохранилось пять букв, нанесенных черной тушью) [83]. Учитывая то, что на Кара-тепе, не считая надписей-граффити, изучение которых еще не завершено, найдено более 50 черепков с надписями кхарошти и брахми, большей частью прочитанных Т. В. Грек, вклад этого памятника в изучение индийских надписей кушанской Бактрии выглядит достаточно внушительно.

Весьма ценными являются также находки надписей кушанским письмом, уже упоминавшиеся выше. До этих находок в северной Бактрии были известны всего лишь одна надпись (из четырех букв), процарапанная на венчике глиняного сосуда из Душанбе (прочитана В. А. Лившицем) [84], и странная, не поддающаяся чтению «надпись» (скорее, видимо, имитация надписи) на литом бронзовом колокольчике из Дашти-Джума [85]. Все эти находки не идут, конечно, ни в ка-

---

[81] Рассматриваемая ранее как надпись карошти кушанского времени, наскальная надпись в урочище Даршай представляет собой, по определению М. И. Воробьевой-Десятовской, средневековую тибетскую надпись. См. А. Н. Бернштам, *Новые надписи из Средней Азии*, — ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 57, 58; Г. М. Бонгард-Левин и А. М. Пятигорский, *Сообщение о поездке на южный Памир летом 1958 г.*, — КСИНА, вып. LVII, М., 1961, стр. 134—136.

[82] См. М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, стр. 81—84.

[83] См. J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, pp. 41, tab. XVI, 5.

[84] См. В. А. Лившиц, *Тохарская надпись на хуме*, — ДАН ТаджССР, 1953, вып. VII, стр. 23—28.

[85] См. Б. А. Литвинский, *Новые материалы по археологии Таджикистана*, — КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 144 и рис. 57,2 и 3 на стр. 143.

кое сравнение с надписями, открытыми в Сурх-Котале, но, учитывая, что надписи кушанским письмом вообще немногочисленны [86], а в северной Бактрии, как мы видели, просто уникальны, обнаружение в Кара-тепе 12 букв надписи на фрагменте глиняного сосуда (рис. 41) и многострочной надписи-граффити также поднимает историко-культурное значение этого памятника.

Впредь до завершения работы над керамикой из Кара-тепе преждевременно говорить о том вкладе, который внесут раскопки Кара-тепе в изучение этого наиболее массового археологического материала кушанской Бактрии. Но уже сейчас можно отметить, что наряду с надписями и другими материалами, свидетельствующими о связях кушанской Бактрии с индийскими владениями Великих Кушан, о широких культурных контактах Бактрии того времени говорят и находки керамики. Так, не касаясь многочисленных точек соприкосновения керамики Кара-тепе с материалами из южной Бактрии и из ряда среднеазиатских областей, нельзя не обратить внимания на перекличку двух видов красноангобированных сосудов из Кара-тепе — кувшинов типа энохои и глубоких тарелок (рис. 35) — с найденными в Индии образцами римских изделий [87]. О том, что это не случайное совпадение, свидетельствует и характерная специфичность форм этих сосудов и то, что в бактрийской и среднеазиатской вообще керамике предшествующего периода нет такой посуды, которая могла бы быть их прототипом; напротив, эти сосуды появились здесь уже в достаточно выработанном виде. Нельзя, конечно, прямолинейно выводить кара-тепинские энохои и тарелки из известных ныне привезенных в Индию римских образцов. Керамика такого же типа известна в римское время и в античных городах северного Причерноморья, где, между прочим, четко прослежена типология тарелок интересующего нас вида; их форма постепенно видоизменялась с I по III в., причем по своей форме кара-тепинские тарелки соответствуют разновидностям, бытовавшим в северном Причерноморье именно во II — первой половине III в. [88]. Но, как бы то ни было, происхождение этих сосудов от римских об-

---

[86] Сводку таких надписей см. A. Maricq, *La grande inscription de Kaniska*. Дополнения см. A. Maricq, *Bactrien ou étéo-tokharien?* и Б. Ставиский, *Хионитская гемма-печать*, — СГЭ, 1961, XX, стр. 54—56.

[87] См. R. E. M. Wheller, *Rome beyond the Imperial Frontiers*, London, 1955, pp. 149—152, pl. XXIV, XXVII, a.

[88] См. Л. Ф. Силантьев, *Краснолаковая керамика из раскопок Илурата*, М., 1958 (МИА СССР. № 85), стр. 283—311, рис. 1—3, 5, 12, 13, 18.

разцов вряд ли может вызывать какие-либо сомнения. Находки же таких сосудов на Кара-тепе наряду с открытым ранее в Термезе глиняным сосудом с вакхическими сценами [89] и находкой монеты Нерона на городище Хайрабад-тепе (примерно в 30 *км* к северо-западу от Термеза) [90] свидетельствуют о том, что северная Бактрия, так же как и земли современных Афганистана, западного Пакистана и северной Индии [91], в кушанский период была вовлечена в широкие культурные и торговые связи Кушанской державы и Римской империи.

Здесь следует, возможно, вспомнить, что изделия средиземноморского производства неоднократно уже находили в разных районах Средней Азии [92] и что наряду с отдельными римскими монетами в Средней Азии ныне известен даже клад таких монет [93]. В свете всех этих данных находки в Кара-тепе посуды, сходной с римской, не кажутся столь уж неожиданными. Тем не менее эти находки еще раз свидетельствуют о широких связях кушанской Бактрии и тем самым обогащают наши представления о культуре этой области в кушанский период.

2. Раскопки Кара-тепе и вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма

Религиозно-философское течение, известное под названием буддизма, сыграло крупную роль в истории культуры и искусства не только на своей родине — Индии, но и в областях Центральной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, и не будет преувеличением сказать, что для истории значительной части человечества буддизм был не менее важным фактором, чем, например, христианство или ислам. Но если время и пути распространения буддизма из Индии в Юго-Восточную Азию более или менее ясны, вопрос о проникновении его на север и северо-восток, за пределы Индии, во многом остается еще дискуссионным. Многочисленные буд-

[89] Г. А. Пугаченкова, *Сосуд из Термеза с вакхической сценой,* — ВДИ, 1951, № 2, стр. 128—136.

[90] См. В. Д. Жуков, *Находка сестерция Нерона в кушанском слое в южном Узбекистане,* — ЭВ, 1960, XIII, стр. 125—127.

[91] О находках римских изделий и подражаний им в этих странах см. R. E. M. Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers,* pp. 137—171.

[92] Ср. «История таджикского народа», т. 1, М., 1963, стр. 365.

[93] См. Е. В. Зеймаль, *Клад римских денариев из Таджикистана,* — «Эпиграфика и нумизматика», III, М., 1962, стр. 141—146.

дийские памятники Восточного Туркестана — Синьцзяна и свидетельства китайских авторов, в том числе буддийских паломников, отправлявшихся из Китая через Восточный Туркестан и Среднюю Азию на родину буддизма, неопровержимо говорят о том, что в IV—V вв. н. э буддизм во всех этих областях был уже отнюдь не новым явлением.

Первоначальное же проникновение буддизма в Среднюю Азию и Восточный Туркестан, послужившее плацдармом для дальнейшего распространения его на широкие просторы Дальнего Востока, буддийская традиция связывает с покровительством, которое якобы оказывали буддизму кушанские цари, и в первую очередь знаменитый кушанский государь Канишка. Важное место в распространении буддизма в Китай приписывается при этом монахам — уроженцам Бактрии (Тохаристана).

Так, из китайских источников известны имена пяти буддийских монахов, выходцев из страны тохар, работавших во II—IV вв. н. э. в Китае над переводами на китайский язык буддийских текстов. Мы знаем также о том, что при кушанах в Балхе — столице и культурном центре Бактрии, лежавшем, как уже отмечалось выше, всего лишь в 70 *км* от Старого Термеза, было распространено учение буддийской школы Вайбхашика. Более того, мы знаем даже двух тохарских ученых, приверженцев этой школы Гхосаку и Дхармамитру, первому из которых приписывается составление огромного комментария к Абхидхармапитаке, утвержденного на якобы созванном Канишкой буддийском соборе в Пурушапуре (Пешевар), а второму — комментирование Винайясутратики, вошедшей в тибетский буддийский канон. Особо следует отметить, что в колофоне тибетского текста канона Дхармамитра назван уроженцем города Тармита (Термез), лежащего на реке Пахшу (Вахш — Аму-Дарья) [94]. Все эти сведения позволяли говорить о важной роли Бактрии и ее культурных центров, в том числе и Термеза, в распространении буддизма.

Однако многое в сообщениях буддийской традиции и буддийских текстов вызывало (и вызывает еще) сомнения, и для выявления роли Бактрии и бактрийцев в изучении и распрост-

---

[94] Последнюю и наиболее полную сводку сведений письменных источников о буддизме в Бактрии (и Средней Азии вообще) см. P. Ch. Bagchi, *India and Cetnral Asia*, Calcutta, 1955 pp. 19—41. Там же (стр, 32—33) содержатся сведения о Гхосаке и Дхармамитре. О Дхармамитре см. также H. W. Bailey, *Indo-Iranica, III, 5. Tar-mi-ta*, — BSOAS, 1950, vol. XIII, pp. 400—403.

ранении буддизма в кушанское время необходимы были какие-либо новые данные. Такие данные могли бы дать раскопки буддийских памятников кушанского периода в Бактрии, но до недавнего времени, как мы уже видели, подобных раскопок в этой области фактически не производилось. Напомню, что в южной (левобережной) Бактрии пока что обследован лишь небольшой монастырь в Кундузе, дата которого еще не ясна, а опубликованные материалы — очень немногочисленны; в северной же Бактрии буддийским святилищем было, возможно, здание в Айртаме, где найден знаменитый фриз с изображением музыкантов и гирляндоносцев. Но и здесь, из-за того что работы были прекращены, характер здания все еще остается недостаточно ясным. Поэтому пока лишь раскопки Кара-тепе, восполняя пробел в наших знаниях буддийских памятников Бактрии кушанского периода, позволяют проверить сведения, почерпнутые из буддийской традиции.

Сооружение столь крупного пещерного монастыря, каким был монастырь на Кара-тепе (судя по рельефу местности, здесь находилось несколько десятков больших пещерных комплексов, сходных с раскапываемыми нами), и длительное существование его в непосредственной близости от кушанского Термеза были бы немыслимы если и не без прямой помощи, то во всяком случае без благословения кушанских городских властей. Эти данные вполне согласуются с буддийской традицией, которая, как мы уже отмечали, приписывает кушанским властям покровительство буддизму и буддийским общинам.

Материалы из Кара-тепе подтверждают также приводимые выше сведения буддийских текстов об усвоении и распространении буддизма бактрийцами (тохарами). Сам факт существования в Термезе крупного монастыря, находки глиняных сосудов с дарственными надписями кхароштхи и брахми (на санскрите) и кушанским письмом — красноречиво говорят об усвоении местными жителями и буддизма, и индийских письменностей, и языка. Специфическая же планировка монастырских построек (широкое применение святилищ с тремя и четырьмя обходными коридорами) позволяет предполагать, что здесь перед нами вещественное свидетельство вклада местных буддистов в буддийскую архитектуру. Как известно, подобная планировка обычна для культовых зданий Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока, но чужда раннебуддийской архитектуре. Показательно, что именно такая планировка наряду с другими данными служила

Д. Шлюмберже доказательством небуддийского характера раскапываемого им храма в Сурх-Котале [95]. Между тем в послекушанском и раннесредневековом буддийском зодчестве подобная планировка отнюдь не редкость: мы находим ее и в Средней Азии (буддийский храм в Ак-Бешиме), и в Восточном Туркестане (храмы Шикшина, монастырь в Сенгим Агызе и др.), и даже в районе Кабула (в Хадде) [96]. После ознакомления с материалами из Кара-тепе мы вправе, вероятно, говорить о том, что введение в буддийскую культовую архитектуру указанного планировочного приема восходит к кушанскому времени и скорее всего к буддизму Бактрии (Тохаристана) той эпохи.

Нельзя не отметить и некоторых, пусть незначительных, но вряд ли случайных совпадений в деталях устройства надземного святилища в Кара-тепе и буддийских построек Средней Азии периода раннего средневековья. Я имею в виду вымостку, ведущую к входу в центральное помещение кара-тепинского святилища, находящую себе прямую аналогию в буддийском здании Аджина-тепе (в южном Таджикистане) [97], а также то, что уровень пола в центральном помещении кара-тепинского святилища приподнят по сравнению с окружающими его комнатами. С таким же приемом мы сталкиваемся и в Аджина-тепе и в буддийских храмах Ак-Бешима (в северной Киргизии) [98].

Дальнейшие раскопки полнее покажут, конечно, вклад Бактрии в культуру и искусство буддизма, но уже сейчас мы вправе говорить, что данные, полученные при раскопках Кара-тепе, подтверждают сведения буддийской традиции о важном значении этого вклада.

---

[95] См., например, D. Schlumberger, *Surkh Kotal. A late hellenistic temple in Bactria*, pp. 237, 238.

[96] См. С. М. Дудин, *Архитектурные памятники Китайского Туркестана*, — «Архитектурно-художественный еженедельник», Пг., 1916, № 12, рис. на стр. 7, 11 и 64, текст на стр. 10, 16—28, 64, 94, 95; Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, стр. 167, 196—198; В. Л. Воронина, *Доисламские культовые сооружения Средней Азии*, — СА, 1960, № 2, стр. 42—55 (особенно стр. 50—53). В. Л. Воронина относит святилище в Хадде к первым векам н. э. Вернее, однако, датировать его послекушанским временем.

[97] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль за возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами из раскопок Аджина-тепе в 1961—1962 гг.

[98] См. Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, стр. 165, 166 и 185; Л. П. Зяблин, *Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища*, стр. 8.

3. Кара-тепе и вопрос о значении буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии

Большое значение буддизма для истории культуры и искусства многих областей и стран Среднего и Дальнего Востока общепризнанно и никем не оспаривается. Иначе обстоит дело с его ролью в истории культуры и искусства народов Средней Азии.

Было время, на заре археологического изучения Средней Азии, когда многие домусульманские (а возможно даже и мусульманские) памятники без достаточных на то оснований получали определение как буддийские. Достаточно, например, вспомнить «буддийскую ступу» — Зурмала на городище Старого Термеза [99], которая с одинаковым успехом может оказаться башней или даже минаретом [100], или «буддийскую фреску», открытую на городище Афрасиаб [101], близкую, как это теперь выясняется, явно не буддийским росписям древнего Пенджикента [102], и отчасти стенной живописи газневидского дворца XI—XII вв. в Лашкари-Базаре [103].

Однако в середине 30-х — самом начале 40-х годов, когда перед Великой Отечественной войной в Средней Азии развернулись не виданные ранее по своему размаху археологические исследования, охватившие обширные пространства Узбекистана, Киргизии и южного Казахстана, оценка роли буддизма в истории Средней Азии заметно изменилась. Этот пересмотр былой оценки роли буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии продолжался и после того, как в 1946—1947 гг. полевые работы советских археологов в среднеазиатских республиках вновь приобрели широко организованный размах. Объяснялось это тем, что наиболее углубленные археологические исследования в это время велись либо над погребальными памятни-

---

[99] См. В. В. Згура, *Развалины дворца около Термеза*, — сб. «Культура Востока», вып. I, М., 1927, стр. 19—26.

[100] На сомнительность определения Зурмала как «буддийской ступы» указывал еще Б. Н. Кастальский. См. его же, *Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин*, — «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, № 3—4.

[101] См. В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, — ИРАИМК, т. II, Пг., 1922, стр. 11.

[102] Ср. М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии*, стр. 91, 92.

[103] Ср. D. Schlumberger, *Le Palais Ghaznevide de Lashkari Bazar*, — «Syria», 1952, t. XXIX.

ками язычников-скотоводов, либо над поселениями Хорезма, Парфии, Согда и Чача, где роль буддизма действительно была меньше, чем в Бактрии и северо-восточных среднеазиатских областях. Немалую роль сыграла и чистая случайность: буддийские памятники, как правило, оставались в тот период вне поля зрения исследователей. Как бы то ни было, в нашей научной литературе наряду с признанием факта проникновения буддизма в Среднюю Азию стали встречаться утверждения, что в целом он не имел, во всяком случае после распада Кушанского государства, существенного значения в культурной жизни среднеазиатских народов. Вот это-то утверждение, как мне кажется, ныне, на новом этапе археологического изучения Средней Азии, в свете новых археологических открытий, в том числе и раскопок Кара-тепе, нуждается в серьезном пересмотре.

Буддийские памятники, в частности буддийские культовые сооружения, ныне занимают заметное место среди открытых в Средней Азии важных памятников культуры и искусства. Буддийские постройки известны сейчас и в северной Киргизии и в Фергане, и в южных районах Узбекской и Таджикской ССР, и неподалеку от Самарканда, и, возможно, в южном Туркменистане. К числу таких построек относятся два буддийских храма VI—VIII вв., открытые на городище Ак-Бешим в Чуйской долине (к востоку от г. Фрунзе у г. Токмак); один из них раскопан в 1953—1954 гг. Л. Р. Кызласовым [104], второй — в 1955—1958 гг. Л. П. Зяблиным [105]. Здесь же, еще в 1940 г. А. Н. Бернштам обнаружил буддийский монастырь (?) и часовню, отнесенные им к XI—XII вв. [106] (Л. Р. Кызласов датирует эти сооружения IX—X вв. [107]). Также в Чуйской долине, в 10 *км* к западу от г. Фрунзе, на городище древнего Джуля экспедиция А. Н. Бернштама в 1941 г. открыла остатки буддийского храма XI в. [108]. Там же, на Краснореченском городище (к востоку от Фрунзе), в 1961 г. начаты раскопки еще одного буд-

---

[104] Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, стр. 160—227.

[105] Л. П. Зяблин, *Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища*, Фрунзе, 1961.

[106] А. Н. Бернштам, *Труды Семиреченской археологической экспедиции*, М.—Л., 1950 (МИА СССР, № 14), стр. 48—55. Ср. стр. 29—30.

[107] Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, стр. 236, прим. 100.

[108] А. Н. Бернштам, *Труды Семиреченской археологической экспедиции*, стр. 131—133, 147. Ср. стр. 92, 93.

дийского храма VII—VIII вв.[109]. Буддийский храм VII—VIII вв. начиная с 1957 г. раскапывает в Куве (в восточной части Ферганской долины, к северо-востоку от г. Ферганы) и В. А. Булатова-Левина[110]. В центральной части среднеазиатского междуречья остатки какой-то буддийской постройки VII—VIII или первых веков н. э. обследовал в 1954 г. Л. И. Альбаум в долине р. Саназар (к северо-востоку от Самарканда)[111]. На юге среднеазиатского междуречья помимо Кара-тепе несомненным буддийским памятником[112] является Аджина-тепе (неподалеку от г. Курган-тюбе в Вахшской долине, в южном Таджикистане)[113]. Возможно, что буддийским храмом была и открытая в 1950—1951 гг. в Мерве (на юге Туркмении) небольшая постройка XIII в.[114].

Таким образом, на территории советской Средней Азии ныне известны буддийские сооружения, относящиеся ко времени от первых веков н. э. до IX—X, а возможно, и XI—XII и даже XIII вв.

Большинство этих построек открыто в северной Киргизии (в долине р. Чу) и датируется не ранее VI—VIII вв. К ним примыкает и буддийский храм в Куве (Ферганская долина). Эта группа буддийских памятников связана скорее всего не с древней местной среднеазиатской традицией, а с деятельностью буддийских миссионеров из Восточного Туркестана и Китая.

Но как бы то ни было, для периода раннего средневековья большая роль буддизма в северо-восточных районах Средней Азии продемонстрирована этими памятниками достаточно наглядно.

Открытия же в Кара-тепе и на Аджина-тепе, т. е. в северном (правобережном) Тохаристане наряду с отдельными случайными находками (как, например, рельеф из Термеза

---

[109] Материалы раскопок, ведущихся под руководством П. Н. Кожемяко, еще не опубликованы. Информационные сообщения об этих раскопках были помещены лишь в газетах. См., например, газету «Известия» от 12 августа 1961 г.

[110] В. А. Булатова-Левина, *Буддийский храм в Куве*, — СА, 1961, № 3, стр. 241—250.

[111] См. Л. И. Альбаум, *Буддийский храм в долине Саназара*, — ДАН УзССР, 1955, № 8, стр. 57—60.

[112] Как уже отмечалось выше, буддийским святилищем, возможно, было здание в Айртаме, где М. Е. Массон нашел знаменитый айртамский фриз.

[113] См. выше, прим. 97.

[114] См. Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, стр. 351—357; ее же, *Буддийская кумирня в Мерве*. — КСИИМК, 1953, LIV, стр. 140 и сл.

со сценами из жизни Будды) (рис. 28) [115] подтверждают сведения китайских авторов о широком распространении здесь буддизма в домусульманское время и о его большом значении в жизни южных областей современных Узбекской и Таджикской ССР. Известных сейчас данных еще мало, чтобы решить вопрос о том, продолжает ли Аджина-тепе местные буддийские традиции, восходящие к кушанской поре, т. е. времени существования кара-тепинского монастыря, или же, подобно чуйским памятникам, документирует вторую волну проникновения буддизма в Среднюю Азию, на сей раз из Восточного Туркестана и Китая (мне лично первое предположение кажется более вероятным). Но в любом случае и на юге среднеазиатского междуречья значение буддизма как для кушанского, так и для послекушанского времени начинает выступать все более рельефно, причем открытие здесь памятника VI—VIII вв. Аджина-тепе и монастыря I—III вв. Кара-тепе позволяет надеяться, что их дальнейшее изучение поможет решить поставленный выше вопрос о существовании (или перерыве) местной буддийской традиции.

Все сказанное выше заставляет нас более внимательно отнестись к сведениям китайских авторов о видной роли буддизма в культурной жизни среднеазиатских народов и не забывать сделанного еще сорок лет назад крупнейшим историком Средней Азии академиком В. В. Бартольдом заключения о существовании «буддийского Ирана (так Бартольд назвал Среднюю Азию и современный Афганистан — *Б. С.*), имевшего потом для мусульманской культуры не меньшее значение, чем Иран сасанидов» [116].

---

[115] Этот рельеф был найден в 1958 г. в развалинах средневекового здания в Старом Термезе, куда он, очевидно, попал из какой-то постройки кушанского времени. Первую публикацию рельефа см. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. *Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана,* стр. 22—24 и табл. 2.

[116] См. В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос,* — ИРАИМК, т. II, Пг., 1922, стр. 371, 372.

Т. В. Грек

ИНДИЙСКИЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

При раскопках монастыря на холмах Кара-тепе в 1961—1962 гг. были обнаружены фрагменты глиняных сосудов с надписями, выполненными черной краской. Надписи, по-видимому, состояли из одной строки, опоясывающей в большинстве случаев наибольшую окружность тулова сосуда.

I. *Надписи кхароштхи*

Среди более чем 50 фрагментов со следами надписей девять безусловно выполнены шрифтом кхароштхи. Из всех девяти фрагментов лишь в двух случаях по два фрагмента принадлежат одним и тем же сосудам, остальные все от разных. Ни одна надпись не сохранилась полностью, более того, отдельные законченные слова имеются лишь в четырех случаях. Ряд надписей почти невидим. В некоторых случаях их расшифровка затрудняется еще и тем, что буквы сохранились только частично.

На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—3}н}$[1] размером 3,4×5,7 *см*[2] (рис. 42а), покрытом красновато-оранжевым ангобом с сетчатовидным лощением, читается слово «ayaṁ», Nom. Sing. от «idam». Акшара «а», с которой начинается надпись на фрагменте, расположена отступя 5 *мм* от правого края фрагмента, и поэтому уже естественно предположить здесь начало слова, тем более что оно довольно часто встречается, особенно в вотивных надписях шрифтом кхароштхи.

[1] В шифре сосудов над чертой ставится буквенное обозначение памятника (кт) и год раскопок, а под чертой — обозначение раскопа и номера фрагмента по полевой описи. Подробно о местах находок керамики см. выше, стр. 43.

[2] Размеры фрагментов даны по горизонталям, вдоль линии надписи, а по вертикали — перпендикулярно к ней.

Акшара «а», как указывает Стен Конов, почти не меняется за все время существования шрифта кхарошти на территории собственно Индии, однако ее форма в надписях на отдаленных территориях, например найденных в Нийа, имеет значительно более изогнутую форму, чем в индийских надписях. Акшара «а» на фрагменте из Кара-тепе по своим очертаниям ближе к индийской форме. Однако и среди индийских надписей можно выделить различные варианты и некоторые особенности написания «а». Так, форма «а» на фрагменте из Кара-тепе, насколько можно судить по воспроизведению, ближе всего к написанию этой буквы, встречающемуся на фрагментах керамики из Тордхераи, которые Стен Конов датирует около 200 г. н. э.[3]. Следующий знак на нашем фрагменте — это акшара «уа». Конфигурация «уа» изменяется от остроугольной в ранних надписях (с вершиной треугольника в верхней части) до прямоугольной с плоской вершиной к кушанскому времени.

Наибольшее сходство конфигурация «уа» на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—3н}}$ обнаруживает при сравнении этого знака с аналогичным знаком в надписи на медной модели ступа, место находки которого неизвестно[4]. На этой надписи также употреблено прямоугольное, широкое в верхней части «уа». Этот памятник датируется по содержанию надписи, где имеется дата, 20 г. эры Канишки. Написание рассматриваемой акшары «уа» также очень близко к форме, встречающейся на фрагменте № 25 из уже упоминавшейся керамики, найденной в Тордхераи. Поскольку под акшарой «уа» имеется дополнительный знак ⌒, то его следует признать анусварой и все сочетание в целом читать как «ауаṁ». Конечное ṁ—анусвара, иногда вообще не отмечается в надписях кхарошти. Знак для анусвары на нашей надписи представляет собой сильно изогнутую петлю, открытую слева. Написан он не слитно с «уа», а на 1 *мм* ниже. По своему положению и форме анусвара на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—3н}}$ ближе всего к положению и форме анусвары в слове «mahaṁtasa» в надписи Патики из Таксилы[5], которая имеет дату 78 г. эры Канишки. Вслед за «уаṁ» на этом фрагменте идет знак, который может быть понят как «ка». Аналогичная или, во всяком случае, очень близкая форма, имеется в надписи на медной пластинке из Таксилы, датируемой 78 г. эры Шака[6], и надпи-

[3] CII, p. 174, № XXXIV, line 1.
[4] CII, p. 152, №-XXVIII, XXIX.
[5] CII, p. 26, № V.
[6] CII, № I, line 1.

си из Мучан[7] 81 г. той же эры[8]. Также напоминает написание «ка» на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—3н}}$ из Кара-тепе форма этой акшары, засвидетельствованная в надписи на медной пластинке (ladle) из Таксилы, где правая часть акшары также несколько изогнута[9]. Подобной же конфигурации «ka» встречается и на памятниках, связанных с эрой Канишки, например, на бронзовой коробке из Маниакала, где одинаково расположение левой вертикальной и правой изогнутой линий. Однако в этой же надписи имеется акшара «ра», форма которой также очень напоминает рассматриваемый знак на фрагменте из Кара-тепе. Предпочтение здесь может быть отдано тому или другому после выявления значения всего слова. Вопрос осложняется тем еще, что буква сохранилась лишь частично, что ее верхняя часть слева отбита. Внизу этого знака имеется добавочный подписной знак, который, видимо, следует понимать как «u». Как правило, огласовочный подписной «u» пишется внизу основной буквы в виде петли или треугольника, написание его в виде малоизогнутой линии не встречается и, видимо, является локальной особенностью.

На этом же фрагменте имеется, с тем же интервалом, что и между предыдущими тремя знаками, еще часть буквы, которая может быть восстановлена, например, как «е». Тогда весь текст может читаться «ayaṁ kue» — «этот колодец» или «этот водоем». Но если первое слово «ayaṁ» не вызывает почти никаких сомнений, то второе слово можно понимать не только как «kue» (sanskr. kupa), но и как слово, начинающееся со слога «pu». Следует напомнить, что знак по форме напоминает не только «ka», но и «ра», поскольку его верхняя часть отбита. Если признать знак за «pu», то небезосновательно предположить здесь наличие слова, например, «pukarini», а последний знак, сохранившийся лишь частично, восстановить как «ka» — . Следует отметить, что из этих двух предположений первое представляется все же более вероятным и из-за манеры написания знака, и потому, что слово «kue» довольно часто встречается в вотивных надписях кхароштхи[10]. Может быть и еще один вариант следующего за «ayaṁ» слова. Там может быть название сосуда, что представляется

[7] CII, № V, line 2.
[8] CII, № XVI, line b.
[9] CII, № XV.
[10] CII, № XV

логичнее, так как надпись находится именно на сосуде, например: «kuṇḍa», тогда знак, следующий после «ku», должен представлять собой лигатуру «ṇḍa», что не противоречит возможности восстановления оставшейся части знака примерно как . Следует отметить, что лигатура «ṇḍa» не встречается в надписях кхарошти I—III вв. н. э., так что это лишь ее предположительный вид, однако он вполне вероятен, хотя бы по аналогии с лигатурой «ḍra» в надписи Дхармараджики [11]. Следует отметить, что это название сосуда встречается и на одном из фрагментов с надписями брахми, но там оно употреблено в женском роде, тогда как здесь оно должно быть мужского рода, так как предшествующее ему указательное местоимение дано в форме «ayaṁ», а не «iyaṁ».

Два фрагмента $\frac{\text{кт—6I}}{\text{I—24н}}$ размером 5,5 × 3,7 *см* и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—28}}$ размером 6,5 × 1,7 (рис. 42б) безусловно принадлежат одному и тому же сосуду. Они совпадают и по надписи, и по обработке внутренней стороны, и по характеру сетчатовидного лощения оранжево-красной ангобированной поверхности. Фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—25н}}$ начинается с акшары «sa», написанной следующим образом: . Это курсивная форма, характер написания ее по времени укладывается в период от I по III в. н. э. Однако наиболее близкой аналогией представляется для этой акшары форма, зафиксированная в копии, сделанной с надписи, найденной в Хидде, датируемой 28 г. эры Канишки [12].

Аналогичную форму написания акшары «sa» дает надпись из Вардака, датируемая 51 г. эры Канишки [13], а также надписи на черепках сосудов из Такхт-и Бахи [14]. Все отмеченные случаи аналогичного написания «sa» отличаются большой курсивностью, отдельные детали, как, например, изгиб в верхней части, акцентируются здесь значительно меньше, чем в других случаях. Следующая акшара на этом сосуде — это «ghi» — характер написания «gha» почти не меняется во всех известных надписях кхарошти. Однако наиболее близким по форме к

---

[11] CII, № XVII, line g.
[12] CII, № XXX.
[13] CII, № XXXIII.
[14] CII, № XII.

«gha» на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—24н}}$ и продолжающем его фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—28}}$ является его написание, имеющееся на вазе из Вардака [15] и черепках глиняных сосудов из Такхт-и Бахи [16]. На этих же двух фрагментах вслед за «ghi» следует знак , видимо, представляющий акшару «ka». Такая форма «ka», очень курсивная, с округленными углами, встречается, например, в надписи из Таксилы [17]. Видимо, аналогичное написание было на горшках из Палатудхери, насколько об этом можно судить по копии надписи [18]. Тот же принцип построения буквы со слитным и закругленным написанием правой части использован при написании «ka» на серебряном блюде из Маниакала [19]. Но, пожалуй, ближе всего эта форма «ka» к ее написанию на медной ступе из Куррама [20]. Внизу знака «ka» имеется на фрагменте еще добавочная небольшая вертикальная черта, которую не удается определить, так как неясно значение этого слова. Первая часть, почти без всякого сомнения, означает «saghi» (санскр. saṁghi), дальше можно было бы по аналогии с надписями из Бедали и Таксилы предполагать, поскольку здесь возможно наличие «ka», слово «kaṣhaviana»—название хинаянистской секты буддизма—одного из ответвлений школы стхавиравадинов, но это предположение имеет все же очень большую долю сомнения, скорее всего, что вертикальная черта внизу акшары «ka» служит огласовочным «u», и тогда весь текст на этом фрагменте должен звучать как «saṁhiku». После «ka» или «ku» видны следы нижней части еще одного знака в виде петли «s». Эта петля может быть окончанием лигатуры «sya» или «shya», что в какой-то мере подтверждает возможность наличия здесь слова «кашьявина».

Два больших фрагмента $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—37н}}$ размером 7×15,1 *см* и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—36н}}$, размером 6,5×15 *см* (рис. 43б) представляют собой часть одного крупного сосуда амфоровидной формы, без ангоба. На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—36н}}$ сохранилась массивная ручка, украшенная

[15] CII, № XXXIII.
[16] CII, № XII.
[17] CII, № XVII.
[18] CII, № XXIII, line 1 b.
[19] CII, № XXVII. line 3.
[20] CII, № XXVIII, line A 1.

рельефными полосами. Эти фрагменты особенно интересны тем, что они дают, по-видимому, начало и конец формулы надписи.

На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—35н}}$ почти у самого верхнего основания ручки сосуда расположена акшара «di». По характеру написания это «di» похоже на аналогичную букву в надписи из Фатехджанга, датируемой 68 г. по эре Шака[21], а также на «di» на фрагментах глиняных сосудов у Палатудхери[22], с их меньшей верхней петлей и большей нижней. Следом за «di» расположен знак, который может быть интерпретирован как «va». Он имеет угловатую форму, общую почти для всех известных надписей кхароштн. Дальше надпись смазана, поэтому чтение этого сочетания опять-таки является лишь предположительным. Однако, так как текст расположен у самой ручки и начинается безусловно со слога «di», то сочетание «diva» можно восстановить как «divase» — «в день», что не противоречит формуле других вотивных надписей кхароштн, как правило, при наличии в ней даты, начинающихся именно с нее. Следует отметить, что до сих пор не встречалсь надписей на глиняных сосудах с указанием какой-либо даты, но в то же время следует признать возможным наличие в посвятительной надписи на глиняном сосуде указания именно на день, а не на год посвящения или подношения его. Конец надписи находится на фрагменте от этого же сосуда $\frac{\text{кт—71}}{\text{I—37н}}$ размером 7,5×15 *см* (рис. 44в). На этом фрагменте читается слово «saṁghamitrena», т. е. Instr. Sing. от «saṁghamitra». Сочетание Сангхамитра означает «друг монастыря», «друг братства». Оно может быть или именем, или почетным прозвищем монаха и даже просто мирянина, связанного тем или иным образом с буддийской общиной. Слово «saṁghamitra» неоднократно встречается в буддийских надписях кхароштн. Так, Сангхамитра, сын Ананды, в надписи, датируемой 111 г. по эре Шака, приказал сделать колодец в честь матери и отца своих. Здесь наша составная часть имени «saṁghamitra» дана в Instr. Sing., но стоит сразу после даты надписи. В надписи на камне, находящейся над изображением Будды, найденной при раскопках остатков буддийского монастыря вблизи деревни Джаулия, упоминается дар брата Сангхамитры Буддхадевы[23]; монах Сангхамитра (śramana Saṁghamitra)[24] упоминается

[21] CII, № XXXIV, line X_B.

[22] CII, p. 65, № XIII, line 1.

[23] CII, p. 95, № XVIII, line 2.

[24] CII, p. 124, № XXIII, line 6.

в надписи, датируемой временем Канишки — Васудевы. Архитектор Сангхамитра назван в качестве донатора в надписи из Хидды, имеющей дату 26 г. по эре Канишки[25]. Таким образом, и само сочетание Сангхамитра, и возможность употребления его в Instr. Sing. вотивной надписи подтверждаются многими эпиграфическими памятниками. Так как все надписи с упоминанием имени Сангхамитры найдены в буддийских монастырях или на предметах буддийского культа, то это обстоятельство свидетельствует в пользу утверждения, что и монастырь на холмах Кара-тепе был буддийским. Относительно самой надписи следует отметить, что она была смазана, когда краска, которой писали, еще не просохла; это указывает на то, что надписи были выполнены на месте, так как испорченный сосуд едва ли стали бы привозить издалека.

Из-за подтеков конфигурация букв не совсем ясна, однако прослеживаются некоторые характерные особенности. Так, акшара «sa» имеет внизу петлю, следовательно это «saṁ», а ее форма, насколько об этом можно судить, близка к написанию «saṁ» в надписи на камне, хранящемся в Пешаварском музее[26], датируемой 168 г. по эре Шака. Акшара «gha» на этом же фрагменте написана без особых отличий от обычной формы этой буквы. Вслед за «gha» идет «mi», имеющее некоторые своеобразные черты. Прежде всего огласовка здесь обозначена линией, направленной вверх и влево от нижнего конца вертикальной черты, а петля в верхней части буквы замкнута. Эти особенности, в частности расположение подписного «i», встречаются очень редко. Так, подобное расположение может быть отмечено лишь в надписи, найденной в Таксиле, в Дхармараджике[27], предположительно датируемой около I в. н. э.[28]. Несколько необычным видом отличается и лигатура «tra» , а следующая за ним акшара «ṇa» своей формой не отличается от манеры написания этой буквы в большинстве других надписей.

На части покрытого оранжевым ангобом сосуда $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—3Дн}}$ размером 6,3×4,2 *см* (рис. 43а) также заметны следы надписи кхароштхи, здесь частично сохранились четыре знака и два

[25] CII, p. 158, № XXX, line 2.
[26] CII, № XV, line 1.
[27] CII, № XVII, line 3.
[28] CII, p. 89.

полностью. Почерк легкий, изящный, линии тонкие и уверенные. В правой части фрагмента видна нижняя часть какой-то буквы в виде вертикальной черты размером всего в 4 *мм*, затем, после интервала в 11 *мм*, находится сохранившийся наполовину знак , который может быть восстановлен как «saṁ». Далее, после интервала в 4 *мм*, следует опять сохранившийся частично знак , который не может быть восстановлен иначе, чем «gha». Таким образом, чтение слова «saṁgha» не вызывает сомнений. Неясным остается лишь вопрос, имелось ли у «gha» огласовочное «е» или «i» или огласовки вообще не было. Форма этих двух букв почти такая же, что и в надписи на пьедестале Бодисатвы, датируемой временем Канишки — Васудевы. Бюлер отметил курсивный характер надписи на пьедестале[29]; надпись на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—30н}}$ еще более курсивна уже в силу того, что она выполнена тушью на керамике, а не вырезана в камне или металле; возможно, именно этим и объясняется сходство в данном случае. Однако следует подчеркнуть, что и в большинстве своем сходство между почерковым стилем кара-тепинских надписей кхарошти и индийскими обнаруживается при сравнении первых с относящимися именно ко времени Канишки — Васудевы. Довольно большое сходство некоторые знаки на рассматриваемом фрагменте из Кара-тепе обнаруживают с формой тех же букв на реликварии Канишки («sa», «gha»), который датируется первым годом правления Канишки. Во всяком случае, и надпись на пьедестале Бодисатвы, и надписи на реликварии Канишки, а также и на кара-тепинском фрагменте выполнены прямым почерком. Конечно, это может быть, особенно для надписи на керамике, чисто индивидуальной особенностью почерка писавшего.

Следом за «saṁgha» на исследуемом фрагменте, после очень небольшого интервала (всего 5 *мм*, но все же несколько большего, чем между двумя предыдущими буквами) имеются две акшары, сохранившиеся полностью, однако именно эта часть текста вызывает некоторые сомнения; так, первый из этих двух сохранившихся знаков, видимо «а» , за ним сле-

[29] CII, p. 124, № XXIII, line 6.

дует «laṁ» и затем почти невидимая часть следующего знака, который может быть понят как «ba» или «bu»[30]. Если возможно понимание последнего знака как «ba», тогда вслед за «saṁgha», видимо, было слово «alaṁban» — «благочестивое». Хотя здесь может быть и другой вариант, например «alaṁkṛta» — «почтенные».

Форма «a» и «la» здесь очень близка к написанию этих букв на деревянных дощечках из Нийа, в Восточном Туркестане[31], и особенно к почерку рукописи Дхаммапады на кхароштхи[32]. Здесь близость объясняется, видимо, тем, что во всех случаях надписи выполнены тушью, а не вырезаны.

Довольно большой интерес представляет надпись на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{Iн—185}}$ размером 9,2×5,8 *см* от сосуда светло-оранжевого цвета, идущая не вокруг центральной части тулова, а у самого венчика (рис. 43б). Этот сосуд имел форму миски, а не кувшина. На фрагменте видны четыре буквы полностью и две, расположенные у самого скола справа и слева, лишь частично. Справа видна лишь черная точка, за ней идет акшара «i». Форма этой буквы близка к написанию буквы «i» в слове Ишпарака (*Iśvaraka*) в надписи на медном сосуде из Таксилы, датируемой 191 г. эры Шака. Некоторые отличия лишь в том, что конфигурация «i» на фрагменте из Кара-тепе еще более извилиста. Насколько можно судить по воспроизведению, форма «i» на рассматриваемом фрагменте с ее более крупной и мягче изогнутой верхней частью и меньшей по размерам и круче изогнутой нижней именно близка к форме «i» на надписи из Дхармараджики[33], которая датирована временем ранее Канишки[34]. В общем форма написания «i» на кара-тепинском фрагменте глиняного сосуда $\frac{\text{кт—51}}{\text{Iн—185}}$ отличается от характерной для первых двух с половиной десятилетий эры Канишки, а также от той формы этой буквы, которая зафиксирована на вазе из Вардака, датируемой 51 г. эры Канишки[35] и где нижняя часть вообще не имеет изгиба. По сравнению с надписями конца

---

[30] CII, № XXV.

[31] *Kharoṣṭhī Inscriptions.* Transcribed and edited by A. M. Boyer, E. Rapson and E. Senart, pt III, Oxford, 1920, pl. XIV.

[32] E. Senart, *Le Manuscrit Kharoṣṭhī du Dhammapada,* — JA, 1898, t. XII, tab. I—V.

[33] CII, № XVII, line 3.

[34] CII, p. 89.

[35] CII, № XXXIII.

80-х годов эры Канишки[36] форма «i» на нашем фрагменте имеет также определенные отличия, так как верхняя ее часть более изогнута. С формой этой же буквы в надписях из Нийа[37] кара-тепинское «i» имеет сходство, так же как и с «i» в рукописи Дхаммапады, но это может свидетельствовать не о близости почерков по происхождению, а лишь быть результатом чисто индивидуальных особенностей писавшего[38].

Относительно интерпретации «i» на кара-тепинском фрагменте следует сказать, что по своему положению эта акшара безусловно является конечной в слове, так как вслед за ней идет интервал в 19 *мм*, намного больший, чем между акшарами следующего слова, и что предшествовать этой букве должна согласная. Не исключена возможность, что здесь должно было быть слово, оканчивающееся на «уа» или «уаṁ», иногда переходящих в «i»[39]. Тогда здесь можно было бы предположить Nom. Sing. от «idaṁ» — «ayaṁ» = «aya» = «ai», но на другом фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—3н}}$ (рис. 43) имеется чисто санскритская форма «ayaṁ», достаточно четко написанная и не вызывающая сомнений. Это обстоятельство, безусловно, усугубляет сомнения относительно интерпретации «i» на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{Iн-185}}$ как конечного указательного местоимения «idaṁ». В то же время не исключена вероятность длительного существования обычая в Кара-тепе, связанного с надписями на сосудах, и какого-то влияния не только индийской традиции на формулу этих надписей.

После сравнительно большого интервала (15 *мм*) вслед за «i» имеется буква «bhi». Специфическими особенностями ее написания является отсутствие выступающей вправо части на верхнем конце вертикальной линии; для этой буквы более обычна форма с горизонтальной чертой, выступающей и вправо и влево от верхнего конца вертикальной линии. В надписях, имеющих дату по эре Шака до 78 г., такая форма не встречается. Однако на вазе из Бимарана, которая датируется по найденными с ней монетам около[40] 100 г. н. э., уже имеется очень близкое написание «bhi», похожая форма «bhi» держится до 20-х годов по эре Канишки (Suivihar, Khurram)[41]. На более поздних памятниках эпиграфики, выполненных на камне или

[36] CII, № XXIV, line 1.
[37] *Kharoṣṭhī Inscriptions*, pl. XIV.
[38] E. Senart, *Le Manuscrit Kharoṣṭhī du Dhammapada*, tab. III.
[39] Ibid., tab. I.
[40] CII, p. 50.
[41] CII, № X, line 2.

металле, зафиксирована более угловатая форма, а верхняя горизонтальная линия выступает и вправо и влево. При сравнении формы «bhi» на кара-тепинском фрагменте с этой же буквой в рукописи Дхаммапады[42] сходство прослеживается в манере написания левой вертикальной линии, верхней горизонтальной и огласовочного «i», однако вся правая часть различна. В рукописи Дхаммапады она имеет посредине резкий изгиб.

Вслед за «bhi» можно разглядеть, хотя знак и очень плохо сохранился, акшару «kṣa» с огласовочным «u» внизу у вертикальной черты, направленным вправо. Написание этого знака ближе всего к «kṣu» в надписи на вазе из Бимарана, однако огласовочный «u» на вазе из Бимарана направлен влево, а в таком виде, как он зафиксирован на кара-тепинском фрагменте, вообще не встречается в известных до сих пор надписях кхарошти, видимо, это еще одна чисто локальная особенность. Следовательно, на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{Iн—185}}$ написано слово «бхикшу» — «bhiksu», означающее «нищенствующий монах». Вслед за «bhikṣu» с интервалом такого же размера, как между «bhi» и «kṣṣ», написан знак, без всякого сомнения, являющийся «gha». Его конфигурация та же, что и на фрагментах $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—2н}}$ и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—30н}}$. Последний знак на этом фрагменте сохранился не полностью, лишь в виде небольшой изогнутой линии, но может быть восстановлен как «ṭa».

Таким образом, за «bhikṣu» слитно с ним идет слово «ghaṭa», имеющее несколько значений и среди них «сосуд». Сочетание «bhikṣughaṭa» является сложным словом, образованным по типу «tatpuruṣa», и, видимо, значит «монашеский сосуд». Это сосуд особого типа, с плоским дном и невысоким бортом, с более широким, чем дно, верхним отверстием. Среди принадлежностей буддийского монаха одной из необходимейших был сосуд для воды «kuṇḍi»[43]. Название сосуда «бхикшугхата» до сих пор не было известно, как название определенного типа сосуда, с формой, отличающейся как от формы «kuṇḍi», так и от формы другого сосуда, имеющего ритуальное назначение,— «amṛta — kalaśa — ghaṭa».

Среди находок 1961 г. оказалось еще несколько фрагментов сосудов с надписями кхарошти, но на этих фрагментах читаются лишь отдельные буквы.

---

[42] E. Senart, *Le Manuscrit Kharoṣṭhī du Dhammapada,* tab. IV.

[43] A. Coomaraswamy and R. Kershaw, *A Chinese Buddhist Water Vessel,* — «Artibus Asiae», t. XXIX, 1923, Ascona, p. 163.

На фрагменте с оранжевым ангобом $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—6н}}$ размером 5 × 4,9 *см*, (рис. 43) видна верхняя часть акшары «sa» и вслед за ней часть знака, которая может быть восстановлена как «gha» , и тогда здесь можно предполагать наличие слова «saṁgha», что находит аналогии и в надписях на других фрагментах из Кара-тепе с надписями кхарошти.

На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—18н}}$ размером 4,5×6,2 *см* (рис. 43) на неангобированной поверхности остались следы надписи, здесь также видна акшара «sa» или «saṁ», справа и слева от которой остались лишь части знаков, конфигурация их неясна.

На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—25н}}$ размером 4,2×3,4 *см* (рис. 43) как будто прослеживается знак , очень похожий на лигатуру «tre» на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—37н}}$.

В 1962 г. во время раскопок были найдены еще два фрагмента двух различных сосудов. Один из них $\frac{\text{кт—62}}{\text{I—1н}}$ размером 6×4,3 *см* (рис. 43е), тонкий, покрыт оранжевым ангобом и сетчатовидным лощением. На фрагменте сохранился конец слова. У самого правого края черепка сохранилась часть знака, который нет возможности восстановить, следом идет «на». После «на» расположено «gha» и затем «ṭa». Почерк надписи четкий, изящный, каллиграфичный. Возможно, здесь также упоминается сосуд «ghaṭa»[44].

Второй черепок с надписью кхарошти из находок 1962 г. представляет собой фрагмент неангобированного сосуда $\frac{\text{кт—62}}{\text{I—2н}}$ размером 3,6×2,7 *см* (рис. 43). На нем сохранился один знак целиком; он очень напомйнает «са», справа осталась слегка извилистая вертикальная линия, а слева, возможно, часть акшары «на».

Надписи кхарошти на фрагментах глиняных сосудов из Кара-тепе отличаются большой индивидуализацией почерка на каждом сосуде. Пока не представляется возможным отнести какие-либо надписи к одной и той же руке. Следует отметить,

[44] Ibid., p. 131, fig. 24.

что палеографические особенности позволяют датировать их кушанским периодом. Язык надписей очень сильно санскритизирован.

II. *Надписи брахми*

Среди найденных в Кара-тепе фрагментов глиняных сосудов с индийскими надписями 21 безусловно выполнен шрифтом брахми.

Это самая крупная находка, известная до настоящего времени, и по количеству черепков, и по соотношению их с фрагментами с надписями кхарошти[45].

Надписи выполнены черной тушью, в большинстве случаев по ангобированной красновато-оранжевой поверхности. Расположены они, так же как и большинство надписей кхарошти, вдоль наибольшей окружности тулова сосуда. Сохранность надписей очень плохая, местами они почти невидимы, что наряду с их фрагментарностью сильно затрудняет чтение.

Большинство фрагментов единично, и лишь в пяти случаях удалось подобрать от двух до четырех фрагментов от одного и того же сосуда.

От сосуда, видимо с шаровидным туловом, диаметром около 18 *см*, покрытого красновато-оранжевым ангобом и полосчатым лощением, сохранилось четыре фрагмента, примыкающих друг к другу. Надпись опоясывала сосуд, она расположена вдоль двух узких рельефных полос на середине тулова, выполненных до ангобирования (рис. 44а).

Почерк этой надписи тщательный, прямой, высота букв от 4 до 6 *мм*, характерно очень высокое по сравнению с основными буквами огласовочное «i», величина которого достигает 20 *мм*.

Первый фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{II-8н}}$ размером 2,8×2,7 *см* содержит часть знака, центральная вертикальная линия которого совпадает с вертикальной чертой с небольшой матрикой вверху на следующем фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—45н}}$. Даже с этим добавлением знак не восстанавливается полностью. Его правая часть дает не-

[45] Надписи брахми на глиняных сосудах или их фрагментах были найдены в Тордхери в Северном Белуджистане, причем из 55 фрагментов лишь 5 имеют надписи брахми, остальные кхарошти. Эти надписи датируются III в. н. э. (CII, № 92, 173). Также был найден целый сосуд в Валабхи с именем царя Гухасены и с датой 274 по его эре (566 г. н. э.). В надписи упоминается название сосуда (ghaṭa) (JIH, 1958, vol. XXXVI, p. 43).

которую возможность трактовать его как лигатуру «rṣa» — окончание слова «varṣa» — «год». Такая возможность не должна быть исключена, так как следующий знак на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—46н}}$ после интервала в 10 *мм*, пожалуй, больше всего своей формой напоминает цифру 20. Это не замкнутый слева эллипс, перечеркнутый горизонтальной линией. Затем идет группа знаков, которую можно понять как цифру 3. Таким образом, здесь можно предполагать число 23, и если в дальнейшем палеография кара-тепинских надписей будет лучше изучена и чтение лигатуры «rṣa» получит подтверждение, считать, что это дата «год двадцать третий».

После цифр идет небольшой интервал в 5 *мм* и затем следы туши, которые не дают представления о конфигурации букв, находившихся здесь прежде, так как имеется ряд выбоин на поверхности сосуда. Здесь более или менее видна лишь надстрочная изогнутая линия, которую можно предположительно считать огласовочным «е». Видимо, здесь находится конец надписи, так как на стыке этого фрагмента и следующего $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—44н}}$ после небольшого интервала находится знак висарги или конца фразы.

На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—44н}}$ размером 4×5,4 *см*, после интервала в 2,6 *см*, идущего вслед за висаргой, находится слог «ku». Над этим слогом на высоте 8 *мм* расположена небольшая дуга, видимо, указывающая на начало текста надписи. Форма «ku» ближе всего к форме этой акшары, зафиксированной для кушанского времени[46]. Нижняя часть слога «ku» находится уже на следующем фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—45н}}$ размером 8,6×7,7 *см*, где после «ku» идет лигатура «ṇḍi», причем левая часть «ṇ» и огласовочное «i» находятся на предыдущем фрагменте. Форма лигатуры «ṇḍa» зафиксирована в ряде надписей брахми[47] и не вызывает сомнений. Своеобразной, видимо местной, особенностью является очень высокое огласовочное «i» и вертикальная линия подписного «ḍ», которые втрое длиннее основной буквы «ṇ». Следующая акшара — это «уа», форма которой не встречается именно в таком виде в надписях на брахми, но ближе всего к манере написания «уа» в кушанское время, затем следует висарга. После слова «kuṇḍiyaḥ» на поверхно-

[46] G. Bühler, *Indische Palaeographie von circa 350 a. Chr. — circa 1300 p. Chr. mit 17 Tafeln in Mappe,* Strassburg, 1896, Taf. III.

[47] См. например, CII, v. IV, pl. XL, p. 270.

сти фрагмента снова выбоины и легкие следы туши, а после интервала в 22 *мм* часть акшары, которую представляется возможным читать как «bhi» , особенностью которой опять-таки является высокое огласовочное «i», затем лишь частично сохранившийся знак (не исключена возможность, что это часть лигатуры «kṣu»).

Следует отметить, что слово «kuṇḍi», представленное в тексте, сохранившемся на этих фрагментах в Nom. Plur., означает или «сосуд», или «водоем». Водоемы неоднократно упоминаются в вотивных надписях и брахми и кхарошти [48]. Таким образом, содержание вотивной надписи на глиняном сосуде могло бы включать и упоминания о водоеме. С другой стороны, «kuṇḍi» является названием определенного ритуального сосуда для хранения воды, являющегося непременной принадлежностью странствующего буддийского монаха — бхикшу. Сосуд этот имеет своеобразную форму с шаровидным туловом, довольно узким горлом и носиком на тулове. Такие сосуды получили распространение не только в Индии, но, в частности, и в Китае [49].

Следует отметить, что среди фрагментов керамических сосудов, найденных в Кара-тепе, имеется один, на котором сохранился (частично) и носик сосуда и часть надписи брахми. Это фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{Iн—175а}}$ размером 3,5×12,5 *см* (см. рис. 44б), покрытый оранжевым ангобом и украшенный углубленной полоской, опоясывающей сосуд у нижнего края основания носика. Следы надписи сохранились на уровне этой полоски, слева от носика сосуда. Здесь видны знаки, которые восстанавливаются почти без сомнения как «dasya», Gen. Sing. от какого-то слова, возможно имени собственного, оканчивающегося на «...da». По палеографическим особенностям имеется полная возможность рассмотренные акшары также отнести к кушанскому времени. Наличие этого очень любопытного фрагмента интересно в том отношении, что он дает возможность предполагать, что сосуд типа «kuṇḍi» был распространен и среди монахов общины в Кара-тепе.

---

[48] «Archaeological survey of India. 1914—1915», Delhi, p. 103.

[49] A. Coomaraswamy and R. Kershaw, *A Chinese Buddhist Water Vessel*, p. 170.

Следующие три фрагмента безусловно принадлежат одному сосуду (рис. 45). Надпись расположена у границы красной ангобированной поверхности (видимо, нижняя часть сосуда не была покрыта ангобом) на светлом фоне естественного цвета сосуда.

На первом фрагменте размером 4,7×8 *см*, с высотой букв от 7 до 10 *мм*, сохранились три знака. Первый своей формой ближе всего к «tā» или «gā», затем следует «ya» и висарга «h», часть которой уже на следующем фрагменте. После висарги небольшая горизонтальная линия, может быть обозначающая конец фразы (?). Следующий фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—41н}}$ размером 8×5 *см*, с высотой акшар от 5 до 10 *мм* (насколько об этом можно судить, так как ни один знак на этом фрагменте не сохранился полностью) и очень высоким огласовочным «i». Знаки на этом фрагменте сохранились в следующем виде:

. Третий фрагмент от этого же сосуда $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—40н}}$

размером 5×3,5 *см* содержит часть последнего знака предыдущего фрагмента, идущую вслед за ним лигатуру «ddyu»

и очень плохо сохранившийся знак в виде двух пятен туши.

Наиболее вероятной попыткой восстановления текста на фрагментах $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—41н}}$ и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—40н}}$ представляется следующий вариант: «prajaprасchiddyur (h)».

Слово «prасchiddyur(h)» является третьим лицом множественного числа оптатива от глагола «prасch» VI класса («просить»). Просьба о потомстве «praja» представляется вполне возможной в надписи на вотивном сосуде.

Четыре фрагмента сохранились от большого сосуда, также покрытого оранжевым ангобом и украшенного двумя узкими углубленными линиями по окружности тулова, на уровне нижнего края ручки. Надпись на этих фрагментах очень плохо видна (рис. 46а).

На первом фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—5н}}$ размером 5×5,3 *см* видны знаки, которые можно уверенно восстановить как «dasya»—Gen. Sing., затем идет интервал в 20 *мм* и черная точка. Следующий фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—12н}}$ дает три знака, причем первая акшара,

с которой должно начинаться слово, отсутствует. Здесь как будто видны акшары «ga», «va» и «ta». Представляется очень заманчивым восстановить их как «bhagavata», но без дальнейшего исследования этот вариант не может считаться окончательным. Следующий фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—14н}}$ начинается со знака «ta», затем как будто «ri», снова «ta» и «ni». Вероятно, это Part. Perf. Pass. Tarita в Nom. Plur. — «почтенные». Следующее слово написано уже на следующем фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—19н}}$ размером 15×10,5 *см*, здесь особенно плохо видны знаки, но все же можно предположить, что написано «hārddhabhyah» — Dat. Plur. Дать хотя бы приблизительный перевод без контекста невозможно.

Два фрагмента $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—29н}}$ размером 3,7×4,1 *см* с высотой акшар от 3 до 5 *мм* и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—27н}}$ размером 8×8 *см*, с высотой акшар той же, безусловно являются частями одного сосуда (рис. 46). Об этом свидетельствуют как стилистическо-технические данные черепков, т. е. манера декора, цвет ангоба, одинаковый рисунок полос от гончарного круга на обратной стороне и толщина черепка, так и сам почерк надписи. Здесь одинаковы размер букв и манера их написания. На фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—29а}}$ видна часть акшары «da»; так как верх сбит, судить об огласовке, нельзя, затем идет, видимо, «ne». Потом интервал в 8 *мм* и очень стертый знак «rga» (?). Фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—27н}}$ начинается с «pi» (?), затем «de» и «ne», написанные так же, как и на предыдущем фрагменте. После интервала в 30 *мм* следует «ma» и «ga». Оставшиеся знаки здесь настолько плохо сохранились, что даже приблизительно восстановить текст не представляется возможным.

Целое слово читается на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—2н}}$ размером 4,9× ×5,7 *см* с высотой акшар от 5 до 10 *мм* (рис. 46г). Фрагмент покрыт оранжево-красным ангобом и сетчатовидным лощением. Надпись начинается отступя 2,5 *см* от левого края фрагмента. Видимо, здесь можно предположить начало надписи, так как написано слово «ayaṁ»—Nom. Sing. от «idam» — «этот». После «ayaṁ» как будто есть еще один знак, точнее следы туши, с надстрочной чертой, наклоненной вправо, что похоже на огласовку «e». На этом фрагменте единственный раз встречается начальное «a». Его форма здесь характерна

для периода с I по III в. н. э. Вслед за «а» идет знак «уа». Такая форма «уа», как здесь, встречается в надписях брахми также на протяжении с I по III в. н. э., однако она резко отличается от формы этой акшары, засвидетельствованной на других фрагментах из Кара-тепе (рис. 48). Форма «уа», зафиксированная на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{III—2н}}$, представляется несколько более ранней, чем на других фрагментах.

Надписи брахми на остальных фрагментах настолько отрывочны и плохо сохранились, что там могут быть определены лишь отдельные буквы.

Фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—13н}}$ (рис. 46а) размером 5,2×7,4 *см*, с ангобированной поверхностью верхней половины сосуда, содержит акшары «vai» и «da».

Фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{II—11н}}$ (рис. 47а) размером 7,8×5,5 *см*, с остатком ручки в центре фрагмента, покрытого красновато-оранжевым ангобом, который почти не сохранился, содержит лигатуры «dhma» и «tra».

Два фрагмента $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—39н}}$ и $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—38н}}$ (рис. 47б) размером 10,6××6 *см* содержат следующие знаки: «...yu», «ptha» (?) «pra» и часть «p»...

Фрагмент $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—19н}}$ (рис. 48а) размером 8,4×3,4 *см* содержит нижние половины как будто от пяти акшар, два последних, видимо, «sa».

Остальные фрагменты глиняных сосудов из находок 1961 г. содержат лишь следы туши. Ни один из них не поддается чтению (рис. 48в, г).

В 1962 г. было найдено еще три фрагмента с надписями, выполненными шрифтом брахми. Один из них размером 7,3××8 *см* (рис. 48) покрыт оранжевым ангобом, с двойной узкой углубленной полосой, вдоль которой шла надпись. Здесь читается лишь одна акшара «ma», а от остального сохранились лишь небольшие пятнышки туши.

«ma» на этом фрагменте в виде треугольника с вершиной вверху и продолжающимися вверх сторонами, заканчивающимися небольшими утолщениями на концах, характерными в основном для периода с I до III в. н. э., пожалуй, больше всего напоминает формы этой акшары в надписях в Джагаяпетта (Амаравати) III в. н. э.

Два других фрагмента размером 6,9×10 и 4,5×9,5 *см* (рис. 48) принадлежат одному сосуду.

Сосуд был покрыт оранжевым ангобом, который большей частью не сохранился. На ангобированной поверхности, вдоль узкой углубленной полоски, сохранились некоторые знаки. Отступя от левого края на 15 *мм*, расположена акшара «da». вверху которой лишь частично сохранившийся знак огласовки, скорее всего здесь должно быть «de», вслед идет «ne» и затем «pu» или «pra».

Затем частично сохранившийся знак «nru» или «nta». У самого конца фрагмента имеется еще часть знака, может быть «ra». Эта надпись имеет, видимо, общее или очень схожее содержание с надписью на фрагменте $\frac{\text{кт—61}}{\text{I—29н}}$ и по палеографии, и по набору знаков.

Надписи брахми выполнены на сосудах того же типа, что и кхарошти, и расположены на сосуде таким же образом. Они могут датироваться периодом с I по III в. н. э., возможно ближе к III в. Эти надписи не обнаруживают моментов прямого сходства с надписями брахми из Центральной Азии, видимо, традиция индийской письменности проникла в монастырь в Старом Термезе непосредственно из Индии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надписи на фрагментах глиняных сосудов, найденные при археологических работах в Кара-тепе в 1961 и 1962 гг., дают материал первостепенной важности для исследования проблемы культурных связей Индии со Средней Азией.

Надписи, выполненные шрифтами брахми и кхарошти, по своим палеографическим особенностям могут быть отнесены к I—III вв. н. э.

Большая их близость с рядом эпиграфических памятников, найденных на территории Индии, позволяет считать, что эта традиция проникла в район Старого Термеза непосредственно из Индии, а не через промежуточные инстанции.

Характерные особенности почерков свидетельствуют о длительности традиции и о выработке местного варианта орнаментального стиля вотивной надписи на сосуде. О длительности существования обычая подношения или жертвования сосудов с надписями свидетельствуют и большие разнообразия типов сосудов, среди которых имеются и типично индийские формы (kuṇḍi), хорошо известные как буддийский ритуальный сосуд, и менее известные, как сосуд типа миски или глубокой тарелки, название которого в подобных эпиграфических памятниках впервые засвидетельствовано в Кара-тепе.

Язык надписей очень сильно санскритизирован. Здесь отмечен ряд грамматических форм, характерных именно для этого языка.

Надписи на сосудах, видимо, содержали имя донатора, цель пожертвования и, возможно, дату совершения этого действия.

Естественно, что все изложенное выше носит характер предварительной публикации, необходимой для ввода этих памятников в научный обиход.

Е. Г. Пчелина

НАЧАЛО РАБОТ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ КАРА-ТЕПЕ В ТЕРМЕЗЕ

Археологические поиски памятников буддизма в Термезе начались в 1926 г. и приостановились в 1937 г. Из археологов, работавших в Термезе, почти никого уже не осталось в живых, поэтому мне, проводившей раскопки на Кара-тепе в 1937 г., выпала задача подвести итоги первого этапа работ.

Древний Термез в доисламскую эпоху был одним из самых больших городов-оазисов Тохаристана. Термезский оазис расположен на правом берегу Аму-Дарьи, в устье ее правого притока Сурхан, в 70 *км* от Балха, находящегося на противоположном берегу реки. Процветание Термеза зависело не только от того, что он лежал на караванном пути и берегу глубоководной судоходной реки, но и от изобилия воды, вследствие чего оазис с древнейших времен славился богатством растительности [1].

Первоисточником сведений о распространении буддизма в Средней Азии являются мемуары китайского путешественника — буддийского монаха Сюань-цзана. Посещение им Средней Азии относится ко второй четверти VII в. В это время, по сведениям Сюань-цзана, на территории Термезского оазиса было десять процветающих буддийских монастырей, в которых жило около тысячи монахов [2].

В 1926—1928 гг. в Термезе начала работу археологическая экспедиция Московского Музея восточных культур [3].

---

[1] В. В. Бартольд, *История орошения Туркестана*, СПб., 1914, стр. 72, 73.

[2] S. Julien, *Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde*, Paris, 1853; idem, *Memoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang*, t. I—II, Paris, 1857; H. Yule, *Notes on Hwen Thsang's*, — JRAS, New series, 1872, vol. VI, pt V.

[3] В составе: Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкин, А. С. Стрелков, В. В. Згура. См. М. Е. Массон, *Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.*, — «Труды АН УзССР», сер. I, т. II, Ташкент, 1945.

Работники экспедиции обследовали территорию древнего Термеза и изучили не только собрания Термезского музея, но и случайные находки местных жителей, причем обнаружили предметы древнебуддийского культа. Ими также с большей или меньшей степенью вероятности отнесены к памятникам буддизма несколько термезских развалин, сложенных из сырцового кирпича. Это — стоящая вне городских стен башня Зурмала, предполагаемая ступа [4] и здание Кыр-Кыз, предполагаемый монастырь [5]. Вопрос о назначении этих двух зданий, как и о времени их постройки, до сих пор остается открытым, хотя им интересовался ряд специалистов. Из остальных мест древнего Термеза были взяты на учет цитадель (кала) и холм Чингиз-тепе [6].

В 1928 г. А. С. Стрелков, обследуя пригороды Термеза, побывал и на возвышенности Кара-тепе, где, по рассказам местных жителей, в массиве южного холма имелись три засыпанные песком пещеры. А. С. Стрелков, проникнув туда, нашел их [7] почти доверху засыпанными песком и заваленными сырцовым кирпичом, провалившимся в пещеры через проломы в потолках. Эти кирпичи принадлежали наземным зданиям, стоявшим над пещерами. По своему размеру (30×30×12 *см*) эти кирпичи относятся к доисламскому времени, т. е. до VII—VIII вв. н. э. А. С. Стрелков определил эти пещеры как небольшие буддийские храмы. За отсутствием времени и рабочих рук дальнейшее обследование их было отложено на будущее время.

С 1934 по 1936 г. на Кара-тепе работал сотрудник Комитета по охране памятников старины Узбекской ССР Г. В. Пар-

[4] А. С. Стрелков, *Зурмала или Катта-тюпе,* — сб. «Культура Востока», вып. I, М., 1927, стр. 27—30.

[5] В. В. Згура, *Развалины дворца около Термеза,* — сб. «Культура Востока», вып. I, М., 1927, стр. 19—26; Б. Н. Засыпкин, *Памятники архитектуры Термезского района,* — сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928, стр. 30—34; его же, *Кирпич в сооружениях Средней Азии,* — «Строительная промышленность», 1928, № 4, стр. 308; Б. П. Денике, *Термез,* — «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 211—214.

[6] Вопрос о нахождении в Чингиз-тепе буддийского монастыря гипотетичен и к нему с большой осторожностью подошли: А. С. Стрелков, *Доисламские памятники Термеза,* — сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928, стр. 41—46 и Б. Б. Пиотровский, *Раскопки на Чингиз-тепе,* — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 165—167. Безоговорочно относят развалины на Чингиз-тепе к остаткам буддийского монастыря М. Е. Массон (*Городища Старого Термеза и их изучение,* — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 38—40) и Г. А. Пугаченкова (*Архитектура среднеазиатской античности,* — ВДИ, 1951, № 4, стр. 195).

[7] Дальше я буду обозначать эти пещеры под № 1, 2, 3.

фенов. Он произвел архитектурные обмеры, фотофиксацию и сделал описание [8].

Три пещерных храма Кара-тепе (№ 1, 2, 3), обследованные Г. В. Парфеновым за эти годы (рис. 2), находятся один подле другого и вырублены в толще третичного рыхлого песчаникового массива возвышенности. Планы пещер № 1, 2 и 3 в основном аналогичны планам таких же небольших буддийских храмов, распространенных в Афганистане и позднее в Синьцзяне [9], и состоят из целлы — центрального помещения храма, окруженной обходными коридорами, отделенными от нее глухими стенами.

Входы в пещеры — с юга, как это и положено правилами буддийской архитектуры. Потолки в этих пещерах выдолблены в песчанике в виде коробовых сводов, а в стенах имеются ниши. Стены, потолки и пол были промазаны глиной, а затем побелены. Позднее стены пещер поверх побелки были частично покрашены в красный с коричневатым оттенком цвет, а затем опять неоднократно белились. В пещере № 2 имеются следы полихромной росписи растительным и геометрическим орнаментом. В той же пещере на стенах имеются процарапанные изображения буддийских символов: ступы древнебуддийского типа, означающей «пузырь, которому подобна жизнь», и двенадцатилепесткового цветка лотоса, означающего состояние нирваны. В этих пещерах имеются и другие, более поздние, также выцарапанные изображения, не имеющие отношения к буддийскому культу, и арабские надписи XI—XII вв. Эти рисунки и надписи сделаны случайными посетителями пещер.

В том же 1936 г. в Термезе начала работать «Термезская археологическая комплексная экспедиция» (ТАКЭ), в которую вошли сотрудники Государственного Эрмитажа, производившие раскопки на холме Чингиз-тепе [10]. В тот же сезон они совместно с Г. В. Парфеновым продолжали обследование Кара-тепе: Б. Б. Пиотровский изучал остатки сырцовой кладки на его поверхности [11], а В. Н. Кесаев и

[8] К сожалению, результаты проделанной Г. В. Парфеновым работы не опубликованы. Все материалы были им любезно предоставлены мне. за что и приношу ему свою благодарность.

[9] С. М. Дудин, *Архитектурные памятники Китайского Туркестана*, — «Архитектурно-художественный еженедельник», Пг., 1916, № 12.

[10] «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 159—168.

[11] Б. Б. Пиотровский предполагал, что каменная база колонны, найденная им на Чингиз-тепе, была принесена туда с Кара тепе из развалин буддийской вихара, находящейся на площадке между южной и средней

А. С. Стрелков расчистили два лаза в пещеру № 2, открыв в нее свободный доступ. При очистке второго лаза В. Н. Кесаевым была найдена медная монета с изображением сасанидского царя Шапура II (309—379). Расчистка обнаружила вход в целлу, который находился в южном колене обходного коридора. Этот вход был забит обвалом сырцов и за отсутствием времени и рабочей силы вскрытие его, как и дочистка остальных частей храма, была отложена [12].

Планомерное обследование Кара-тепе началось в 1937 г. [13] с тщательного осмотра как самих холмов, так и их подошвы с прилегающей степью, где имелись остатки древних построек.

Возвышенность Кара-тепе расположена на северо-запад от древнейшей части Термеза и излучины Аму-Дарьи вблизи острова Арал-Пайгамбар. Кара-тепе находится внутри стен города, у северо-западных ворот. Возвышенность имеет вид двух слившихся воедино холмов, увенчанных тремя расплывчатыми вершинами. Склоны пологи и спускаются на довольно большое расстояние. Холмы Кара-тепе, как и остальные возвышенности Термеза, сложены из рыхлого песчаника, образовавшегося из сильно сцементированных песчано-речных отложений Аму-Дарьи. Название этой местности «Кара-тепе» означает «Черный холм», что не соответствует его зрительному образу, светлому и серебристому по оттенку цвета песка и растущей здесь полыни, ковыля и других степных трав. По разъяснению Даурана Курбанова, сторожа Термезского заповедника, слово «Кара» означает также «зловещий», «страшный»; по преданию, на этих холмах погибло мучительной смертью множество людей, и в народе до сих пор боятся этих мест.

Задавшись целью найти в толще холма новые пещеры, в наличии которых не сомневались, в основу своих поисков я положила наблюдение над флорой, фауной и микрорельефом местности. Осмотр поверхности холма около не расчищенных

вершинами возвышенности. См. Б. Б. Пиотровский, *Раскопки на Чингиз-тепе*, стр. 165, рис. 93.

[12] Эта работа до сих пор не возобновлена. Краткие упоминания о ней см. М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, стр. 39; Д. Д. Букинич, *Краткие предварительные соображения о водоснабжении Старого Термеза и его района*, — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941.

[13] Работы на Кара-тепе производились с 26 апреля по 8 июня 1937 г. мною и Т. Я. Суровым (1910—1938). См. Е. Г. Пчелина, *Древнебуддийский монастырь Кара-тепе. Термез*, — «Доклады и сообщения Исторического факультета Московского университета», вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.

еще лазов в пещеры № 1 и 3 дал несколько общих признаков, которые имелись и в других местах. В результате выяснилось, что лазам в пещеры сопутствует наличие около них «горба» и «пятен». Под «горбом» надо понимать остатки здания в виде низкого оплывшего бугра, засыпанного песком. Он состоит из разложившихся сырцовых кирпичей, перемешанных с обломками мергелистого известняка, на которых иногда различаются следы резьбы. Кроме того, в «горбе» и около него лежат черепки мелких кувшинчиков, светильников, курильниц, кубков и чаш, сделанных из тонко отмученной глины, чаще розовых в изломе, покрытых розовым ангобом и лощеных. Все эти обломки одновременны сырцовым кирпичам «горба» и относятся к первым векам н. э.

«Пятно» более сложно для определения. Оно занимает на поверхности холма от 20 до 30 *кв. м* и имеет следующие признаки: «воронку провала» — места на поверхности возвышенности, где под наносами песка, на глубине нескольких метров, имеется или повреждение в потолке пещеры, или вход в пещеру. Главными признаками «воронки» являются: чашеобразная вогнутость в песчаной поверхности холма, иногда еле различимая, в которой периодически скапливается дождевая вода; собираясь в «воронке», вода обычно просачивается в пустоты, лежащие под ней, сравнительно медленно. В силу действия солевых и дождевых потоков около «воронки» возникает переотложенность почвы. Выше нее лежат скопления мелкой гальки в виде гребня или валика, а вокруг и по краям видны слои тонко отмученной глины, чередующейся с напластованиями песка. Здесь же наблюдаются и обнажения разложившихся сырцовых кирпичей, оставшихся от наземных построек, рухнувших в глубь пещеры. Эта переотложенность почвы дает ясно различимые на глаз цветовые оттенки — бурый сырец, разноцветная галька и желтая глина, которые контрастируют с цветом песчаника массива возвышенности и передвигающегося по ней песка. Вогнутость «воронки» отгадывается на глаз и по оттенку цвета травы, растущей на «пятне».

По предварительному подсчету, на поверхности всей возвышенности Кара-тепе количество «пятен» со всеми сопутствующими им признаками доходит до двухсот.

Возможность найти на Кара-тепе огромное количество искусственных пещер подтверждается и местными преданиями. Со слов старожила Термеза Иргаша Хакима выяснилось, что в относительно недавнем прошлом на Кара-тепе имелось мно-

го обнажений проломов в потолках пещер, а за последние сто лет пески постепенно засыпали Кара-тепе.

Приступая к разведочным раскопкам на Кара-тепе в надежде найти входы в пещеры или проломы в их потолках, я остановилась на трех «пятнах»[14], лежавших на том же склоне того же южного холма Кара-тепе, где находятся и пещеры № 1, 2 и 3, но восточнее их. Раскопки были начаты с нижнего «пятна» (раскоп I), где имелись и «горб», и «пятно». По правилам буддийской архитектуры, пещерному храму обычно сопутствует наземное здание культового назначения, указывающее местонахождение пещеры. Вскрытие «горба» в раскопе I обнаружило лежащую под толщей песка и завалом из обломков сырцовых кирпичей нижнюю часть стен небольшого храма, не имеющих фундамента и поставленных на вырубленной в скале и сглаженной глиной площадке (рис. 3). Кладка стены, сложенной на глиняном растворе, строго соблюдает перевязь с применением половинок кирпичей. Соблюдается и параллельность осей тычков с вертикальной осью кладки стены. Форма сырцовых кирпичей этого храма квадратная, размером 33×33×12 *см*. Они относятся к тому же доисламскому времени[15], что и кирпичи, провалившиеся в пещеры № 1, 2 и 3. Плоскость стен храма раскопа I густо промазана пахсой, составленной из смеси глины с мелко нарубленными стеблями камыша. На стенах храма, как и в пещерах № 1, 2 и 3, поверх пахсовой обмазки видны следы многократной побелки. Высота оставшихся стен — от 26 *см* до 1,25 *м*, толщина их 1,25 *м*.

План храма раскопа I и прилегающих к нему помещений в основном аналогичен планам пещер № 1, 2 и 3. Разница заключается в том, что в храме раскопа I в прямоугольник, объединяющий все помещения этого здания, вписано четыре меньших прямоугольника: а) три колена обходного коридора храма; б) находящаяся внутри него целла; в) келья и г) помещение, расположенное рядом с нею, южнее от него остались только пол и следы стен. С севера к храму, заменяя четвертое колено обходного коридора, примыкает дворик. План его и размеры не были доследованы. Целиком были расчищены только южное и восточное колено коридора, часть западного колена до перегораживающей его поперечной стенки и келья. Остальные части храма были вскрыты только

[14] Далее — раскопы I, II и III.

[15] Б. Д. Жуков, *Кирпич из развалин Старого Термеза*, — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 205—214.

частично, так как раскопки, проводимые здесь, были приостановлены. Раскопанные колена обходного коридора храма раскопа I — западный, южный и восточный, имеют ширину 1,26 *м*. В двух местах, в концах западного и восточного колена у их входов во дворик имеются поперечные стенки — позднейшие замуровки коридора со стороны двора. Толщина этих стенок около метра [16]. Размер кирпича — 30×30×11 *см*.

Стенки построены не на полу коридоров, представляющем сглаженную поверхность песчаника, густо промазанного пахсой и побеленного, а на наносном песке с прослойками отмученной глины, появившихся здесь в результате запустения здания. Эти замуровки не имеют связи с основными стенами, они сложены не так тщательно, и в них отсутствует обмазка пахсой и побелка. Между замуровочными стенами на полу коридора были найдены разрозненные кости человеческих скелетов [17], четыре монеты [18], черепки керамики в виде обломков светильников типа плошки, кубков и небольших кувшинчиков с розовым ангобом и лощением, а также одного большого сосуда с ручкой в виде лепной розетки со стержнем и лепестками лотоса. Здесь же были найдены и изделия из мергелистого известняка, который добывался на каменоломне, находящейся вблизи Термеза, выше по течению Аму-Дарьи. Из этого камня, судя по случайным находкам в Термезе, высекали базы и капители колонн, стволы которых, видимо, делались из дерева или глины, карнизы стен храмов Кара-тепе и предметы буддийского культа. В раскопе I из мергелистого известняка были найдены: фрагменты архитектурного убранства храма — листья аканфа (рис. 39б) и обломки карниза, украшенного резными ребрами; обломок чаши; обломок треножника, подобного гандхарским, употреблявшимся при буддийском богослужении [19]. Изображения их в виде вазы, наполненной фруктами, встречаются на буддийских фресках [20].

[16] В раскопках на Чингиз-тепе в 1936 г. в здании того же времени, что и храм раскопа I, также имеется позднейшая замуровка входа со стороны двора. Б. Б. Пиотровский, *Раскопки на Чингиз-тепе*, стр. 164.

[17] Было ли это замуровкой живых людей или же потревоженными захоронениями, пока еще неясно.

[18] Две медные монеты царя Канишки (условно 78—123 гг. н. э.) и две монеты, также кушанские, но имя царя не определено. Все монеты остались у М. Е. Массона, взявшего их для дополнительной обработки.

[19] Н. П. Остроумов, *О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов*, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 215.

[20] Le Coq, *Die Buddhistische Spätantike in Mittel-Asien*, Berlin, 1922, S. 11; E. Waldschmidt, *Gandhara, Kutscha, Turfan*, Leipzig, 1925, S. 46, Abb. 25-a.

При расчистке поперечной стенки в восточном колене коридора выяснились интересные детали архитектурного оформления дверного проема. Здесь имеются два параллельных выступа, выложенных из сырцовых кирпичей. Эти выступы являются конструктивным приемом, распространенным в Центральной Азии. Он употреблялся при переводе вертикальной плоскости стены в дугу арки свода дверного проема. В этом месте укрепляли деревянные косяки для навески на них створок двери. Подобный конструктивный прием был найден и в Синьцзяне [21].

Дворик, или «айван», примыкающий к храму с севера, в 1937 г. был расчищен только в небольшой его части из-за обнаруженной у входа в целлу храма остатков полихромной стенописи. Обнажившаяся часть ее имеет вид бордюра, идущего от пола на высоту 33 *см* и окрашенного в ярко-красный цвет. Выше него находится изображение двух ступней человеческих ног (высота — 27 *см*), прикрытых подолом одежды, ритмично окрашенной пятнами белого, голубого, синего, розового, красного и коричневого тонов. Стена эта идет дальше к западу, повышаясь сообразно высоте еще не раскопанного «горба», что давало надежду найти и здесь стенопись, возможно лучшей сохранности. Перенеся работы к восточной стене дворика, мы начали расчистку от кельи. Но и тут работы пришлось прекратить, так как открылась стенопись еще худшей сохранности.

К восточному колену обходного коридора примыкает жилое помещение кельи площадью около 12 *кв. м*. Вход в нее расположен со стороны дворика, лежащего на 13 *см* ниже пола кельи. Стены дверного проема кельи украшены двумя полуколоннами, выложенными из сырцового кирпича, обмазанными пахсой и поверх побелки окрашенными в зеленый цвет, потемневший от времени. Пол кельи вырублен в песчанике и лежит на одном уровне с полом обходного коридора. Внутри помещения, в восточной стене имеется целевое отверстие водослива, обычное для келий в буддийских монастырях Синьцзяна [22]. В южной стене, на уровне пола имеется углубление камина, в котором сохранились угли и зола. На полу, около него и поблизости лежали: обломки зернотерки, ножки бокалов, ангобированных и окрашенных в густо-розо-

[21] С. М. Дудин, *Архитектурные памятники Китайского Туркестана*, стр. 154.

[22] С. Ф. Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг.*, СПб., 1914, стр. 45, планы № 3, 4, 9.

вый цвет, и сосудик желтовато-бурого цвета с одним ушком (второе обломано) для подвешивания. Этот сосудик ангобирован по бортику, с потеками по бокам (рис. 38а). Кроме того, на полу найдены черепки толстостенного сосуда типа хума и обломки тонкостенных ангобированных и лощеных сосудов. Имеются также обломки светильников в виде плошки с плоским лентообразным бортиком, загнутым внутрь.

Расчистка пола кельи и камина дала картину внезапности оставления этого помещения жившими там людьми. На полу, по линии северной и западной стен, имеется вымостка из сырцовых кирпичей, положенных в два ряда. Их размер тот же, что и в стенах храма и кельи (33×33×7—9 *см*). Эти кирпичи служили сиденьем и, вероятно, покрывались камышовыми матами или коврами, как мы это видим и теперь в среднеазиатских жилищах. Около очага, на полу, лежат еще четыре таких же кирпича, уложенных в виде квадрата; на них присаживались к огню на корточках. Небольшое помещение, примыкающее к южной стене кельи, находится в месте «пятна» раскопа I. Стены этого помещения почти совсем утрачены, но по плану можно предположить, что оно сообщалось дверным проемом с восточным коленом обходного коридора. Выяснение назначения этого помещения и вскрытие «пятна» раскопа I было отложено на следующий год, и на этом раскопки здесь были приостановлены. В пределах этого «пятна» на поверхности Кара-тепе было сделано несколько интересных находок: обломки терракотовой фигурки Будды (рис. 40б), терракотовой же штампованной пластины с изображением богини Анахит (рис. 40в), светильник античного типа (рис. 39а) и черепки толстостенного сосуда со штампованной арабской надписью XII в. [23].

Раскоп II (рис. 4) произведен на том же склоне южного холма возвышенности Каре-тепе северо-восточнее раскопа I для вскрытия находившегося там «пятна» с двумя «воронками провала» [24]. «Горб», имевшийся здесь, был оставлен нерасчищенным, исключая его части, непосредственно примыкающие к «пятну», но и эти небольшие зачистки показали наличие наземного здания, стоявшего над пещерным храмом. Оно было выстроено из сырца (33×33×12 *см*) и обмазано пахсой и поверх него побелено. Судя по найденным в завале «горба» обломкам мергелистого известняка, эта постройка

[23] Выражаю свою благодарность В. А. Шишкину за прочтение арабских надписей.

[24] Раскоп II имел по поверхности Кара-тепе 64 *кв. м*.

была украшена карнизом с высеченными на нем листьями аканфа и ребрами, повторяющими мотивы архитектурной декорации Гандхары, также найденные ранее на Каратепе.

Расчистка двух «воронок» раскопа II открыла доступ в комплекс пещерных помещений, состоящий из целлы храма, с четырьмя коленами обходного коридора, двух боковых камер — восточной и западной, кельи, находящейся ниже уровня храма, и лестницы, начинающейся в восточной камере и спускающейся в келью. Одна из «воронок» находилась над проломом потолка восточной камеры храма, а другая над лестницей. Восточная камера, как и лестница в келью, высечена в песчанике массива возвышенности очень близко к ее поверхности, чем частично и объясняется провал потолка пещер. В расчищенной части восточной камеры обнаружено два входных проема: с лестницы и из северного колена обходного коридора. Это колено, наиболее доступное для обозрения, имеет 18 *м* длины и около 3 *м* ширины. Первоначальная высота коридора из-за обвалов потолка пока не установлена. Начинаясь от дверного проема, ведущего в восточную камеру, северное колено коридора заканчивается таким же входом в западную камеру, высеченную в глубине массива возвышенности. Потолок этой камеры и стены, в которых имеется пять ниш, испорчены обвалами песчаника, а пол погребен под толщей обломков и песка, проникшего сюда из северного колена коридора. В западном колене коридора потолок также сильно деформирован, особенно в месте стыка его свода с потолком южного колена коридора. Здесь, между трещинами, идущими во всех направлениях, нависают глыбы песчаника, грозящие падением. В стенах западного колена коридора имеются две ниши, расположенные наискось одна от другой. Южное колено коридора доверху заполнено обломками песчаника и песком, и из-за угрозы обвала потолка также не обследовалось. Отсюда, возможно, идет вход в целлу. В связи с тем что южное колено коридора, видимо, не заканчивается на его стыке с западным и продолжается дальше, здесь может находиться перекресток обходных коридоров, что предполагает наличие второго храма[25]. Восточное колено коридора без установки крепежного леса тоже мало доступно обследованию; в него удалось проникнуть только

[25] Такие пещерные храмы имеются в древнебуддийских монастырях Северной Индии, Синьцзяна и в пещерных скоплениях Средней Азии, См. И. В. Мушкетов, *Туркестан*, т. I, ч. 2, СПб., 1896, стр. 365—368.

на глубину 6 *м*. Но, несмотря на это, можно с некоторой долей вероятности предполагать, что восточное колено коридора после пересечения им южного, продолжается дальше и приведет ко второму выходу на поверхность холма. Пещерный храм раскопа II и в особенности его восточная камера и примыкающее к ней северное колено обходного коридора сохранили следы неоднократного обитания там людей уже в руинах заброшенного монастыря. После провала наземного здания внутрь пещеры, когда в храм еще имелся доступ извне, кем-то была произведена частичная расчистка обвала и при помощи небольших переделок было оборудовано жилье. Полом для него стал выровненный завал, промазанный сверху густым слоем глины. Этот «вторичный» пол, имеющий толщину от 63 до 83 *см*, начинаясь в восточной камере, тянется через дверной проем в северное колено коридора, где доходит до половины его протяжения. В восточном углу северного колена коридора, примыкающего к дверному проему, ведущему в восточную камеру, имеются ясли, сложенные из сырцового кирпича (29×15—16×6 *см*), длиной 1,35 *м*, шириной 43 *см* и глубиной 88 *см*. На стене, около яслей, различается изображение колеса, означающего у буддистов законность, первую проповедь Будды. Это изображение нанесено на побеленную стену красной краской Оно, безусловно, древнее яслей, и с ними не увязывается. Там же имеются хорошо сохранившиеся участки стены, окрашенной в кирпично-красный цвет. От яслей в глубь северного колена коридора, отступя от стены на 61 *см* и поверх «вторичного» пола, сделана вымостка из сырцового кирпича (31×31×10 *см*). По своему размеру эти кирпичи одинаковы с кирпичами кладки стен наземного здания, но они могли быть взяты из развалин и в более позднее время. В конце северного колена, вблизи входа в западную камеру, лежали полузасыпанные надувами песка, головами к северной стене, несколько человеческих скелетов и рядом с ними скелет животного, по-видимому осла. Расчистка этих останков не делалась. Дверной проем между северным коленом коридора и восточной камерой высечен в песчанике и имеет ширину 1,12 *м* и глубину 1,36 *м*. Высота его из-за порчи стены обвалом неясна. В этом дверном проеме осталась часть его замуровки, сделанной со стороны восточной камеры сырцовым кирпичом в один ряд на пахсе; кладка замуровки начинается с «вторичного» пола. Затем замуровка была частично разобрана и здесь образовался узкий проход. Справа от него, примыкая к западной стене восточной камеры, стоял очаг, сложенный из сыр-

цового кирпича такого же размера, как кирпич яслей в северном колене коридора. Этот очаг был оставлен людьми внезапно, так как в нем оставались угли и зола, а на полу подле очага стоял целый глиняный сосуд (рис. 38б). По своему изготовлению и окраске он близок сосуду с ушком, найденному на полу кельи раскопа I. Здесь же лежали черепки и других сосудов. Очаг был перекрыт обвалом сырцов и песчаника и, видимо, принадлежал людям, разобравшим часть замуровки дверного проема, устроившим ясли и погибшим в северном колене коридора из-за очередного обвала наземного здания, закрывшего выход из пещеры.

Храм раскопа II имеет и другие следы позднейшего пребывания в нем людей. Так, на стенах поверх обмазки их ганчем, побелки и окраски выцарапано много арабских надписей, сделанных разновременными посетителями пещер и датирующихся вплоть до XI в. Особенно много таких надписей на стенах восточного и южного колен коридора, что также свидетельствует о возможности находки в стыке этих колен второго входа.

Келья раскопа II (рис. 6) соединена с восточной камерой лестницей, имеющей семь ступеней, вырубленных в толще песчаника. У лестницы две плоские, хорошо обтесанные стены, носящие следы обмазки ганчем и побелки. Эти стены в верхней части переходят в дугу свода потолка, сохранившегося лишь частично, только над «восьмой» ступенью[26]. Келья в плане представляет прямоугольник, вытянутый с запада на восток. В ее южной стене вырублен выход на лестницу. В стенах кельи имеются две ниши (по одной в западной и восточной стенах); по трем сторонам тянется высеченная в песчанике скамья. Потолок вследствие обвала потерял первоначальную форму, и только над нишей западной стены, на высоте 1,97 *м* от уровня пола имеются остатки перехода плоскости стены в дугу свода. Остальная часть свода потолка свалилась и лежала на полу пещеры. Обвал наземного здания раскопа II, забив обломками всю лестницу, врезался в скамью северной стены кельи. На скамье у западной стены кельи лежали кости человеческого скелета, среди которых было найдено два костяных кольца. Положение костей указывает на то, что человек, сидевший здесь, поджав под себя ноги, был убит внезапным обвалом. Слева от скелета, на скамье, стояли два целых сосуда из тонко отмучен-

[26] Восьмой ступенью лестницы в настоящее время служит «вторичный» пол восточной камеры, еще не вскрытый раскопками.

ной глины, розовых в обжиге, ангобированных и лощеных полосами, относящихся к кушанскому времени. Справа от скелета лежал на боку еще один подобный сосуд (рис. 37). На полу кельи, у порога лестницы, лежал опрокинутый вверх дном светильник в виде плошки, под которым на полу пещеры имелось пятно от пролившегося из светильника масла. На полу кельи лежали листки слюды, видимо, от стоявшего здесь фонаря. На шестой ступени лестницы был найден обломок капители из мергелистого известняка, украшенный изображениями листьев аканфа. Помещение кельи, как показали раскопки, сохранилось до наших дней непотревоженным. Предметы, найденные здесь in situ, дают точную дату гибели в ней человека, убитого обвалом наземного здания. Сосуды, находившиеся при нем, как и обломок капители, подобны находкам, сделанным в коленах обходного коридора храма раскопа I, датирующимся монетами кушанского периода. На этом работа в раскопке II была приостановлена.

«Пятно» раскопа III имело очертание неправильной формы с едва ощутимой на глаз вогнутостью. Края «пятна» входили в остатки «горба» с сырцовым кирпичом того же размера, что и в наземных зданиях раскопов I и II. Остатки «горба» раскопа III не расчищались за неимением времени и рабочих рук. Все внимание сосредоточилось на расчистке «воронки», которая на глубине около трех метров от поверхности привела к пролому в потолке пещеры.

Этот пролом оказался над стыком южного и восточного колен обходного коридора подземного храма. По своему плану (рис. 5) он оказался близким к храмам раскопов I и II. Пещера представляет прямоугольник, составленный из четырех колен обходного коридора, внутри которых расположена целла с входом из северного колена. Южное и северное колена коридора после пересечения их с восточным продолжаются далее, к востоку. Как и в раскопе II, здесь надо искать вторую целлу храма, а также выход на поверхность южного склона возвышенности. Обходные коридоры храма раскопа III имеют длину около 13 *м* и ширину около 3 *м*. Высота их точно не определена, так как храм был доверху засыпан песком. Восточное колено имеет остатки особого оформления свода в виде арок шириной в 1 *м*, поддерживаемых высеченными в песчанике уступами. В западном колене, в его внешней стене находится ниша. Целла храма имеет площадь в 11,7 *кв. м* и представляет прямоугольник, вытянутый с севера на юг. Вопреки правилам буддийской архитектуры

вход в целлу вырублен в ее северной стене, а в южной сделаны выбоины для укрепления деревянных штырей или, может быть, планок навеса. На восточной и западной стенах целлы находится еще по одной такой же выбоине. Они имеют аналогии в буддийских храмах Синьцзяна, где к стенам штырями прикреплялась барельефная скульптура [27]. Своды потолка целлы сохранились целиком, так же как и две ниши, вырубленные в западной и восточной стенах.

На стенах храма раскопа III имеются процарапанные арабские надписи XI—XII вв. Здесь же имеются и рисунки, сделанные тем же способом. Так, на стене южного колена коридора имеется символическое изображение Будды в виде ступы, подобное двум таким же изображениям, имеющимся на стенах пещеры № 2. В восточном колене коридора, у стыка его с южным коленом, около пролома в потолке пещеры, над которым была расположена «воронка», находится еще несколько выцарапанных рисунков, среди которых различаются караван в пути и отдельные лошади. Часть изображений лошадей может оказаться более ранней, одновременной изображению ступы, так как в древнебуддийской символике неоседланная лошадь означала отказ от благ жизни и уход в нищие.

Находящиеся на стене храма раскопа III надписи и рисунки в большинстве сделаны в пору запустения монастыря [28], когда доступ в храм был возможен только через пролом в его потолке. Здесь было найдено много битой керамики как времени Кушанов, так и более позднего периода, например светильник на ножках и еще более поздние сосуды и светильники, покрытые голубой поливой [29]. Обследование пещеры раскопа III было прекращено из-за отсутствия крепеж-

---

[27] Г. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, т. I, 1896, СПб., стр. 215; A. Grünwedel, *Altbuddistische Kult-stätten in Chinesischen Turkestan*, Berlin, 1912, S. 316, Abb. 635.

[28] Поздние изображения и надписи, не имеющие отношения к буддизму, найдены Г. В. Парфеновым и на стенах Кара-Камарских пещер в районе Келифа. Г. В. Парфеновым подготовлена к печати работа по наскальным изображениям и надписям Узбекистана, где приведены рисунки и надписи, обнаруженные в Кара-тепе.

[29] Часть предметов, найденных в раскопах I, II, III, была вывезена Т. Я. Суровым в Москву и сдана в Московский центральный антирелигиозный музей. После ликвидации этого музея коллекция была передана в Ленинградский музей истории религии. Остальная часть найденных на Кара-тепе предметов была сложена в ящики и поставлена на хранение в пещерной келье раскопа II (где их в 1961 г. не оказалось). Остатки стенописи были закрыты камышовыми матами и присыпаны песком.

ного леса, без которого работы в пещерах были опасны для жизни.

Подводя итоги сделанному на Кара-тепе с 1928 по 1937 г. включительно, можно сделать следующие выводы:

1. На Кара-тепе находится архитектурный комплекс древнебуддийского монастыря, помещения которого были расположены как на поверхности возвышенности, так и в пещерах внутри песчаникового массива.

2. Наземные постройки Кара-тепе сложены из кирпича-сырца, пещерные — высечены в песчанике.

3. Количество пещерных и наземных сооружений Кара-тепе не ограничивалось известными ныне — судя по воронкам провалов, они были многочисленны.

4. По своим планам храмы Кара-тепе аналогичны буддийским храмам Афганистана и Синьцзяна. Однако на Кара-тепе в планах шести уже известных нам храмов, несмотря на общность черт, имеется ряд отклонений от основных правил. Так, отходят от буддийской архитектурной традиции расположения колен обходного коридора в пещерах № 1, 3 и в раскопе I.

Обнаружение на Кара-тепе и в остальных частях древнего Термеза предметов других древних культов доказывает их сосуществование с буддизмом. Поэтому возможно, что пещеры Кара-тепе были вырублены до построек буддийского монастыря и ранее использовались под храмы других религий.

5. Комплекс наземных и пещерных помещений Кара-тепе, относящихся к эпохе Кушана, должен быть отнесен к памятникам буддизма еще и потому, что здесь были найдены фрагменты стенописи той же манеры, что и в буддийских монастырях Афганистана и Синьцзяна; на стенах храмов Кара-тепе имеются изображения древнебуддийских символов (ступа, колесо, лотос и др.). Об этом говорят также находки терракотовой статуэтки Будды (рис. 40б) (на поверхности «пятна» раскопа I), обломков треножника из мергелистого известняка — атрибута буддийского богослужения, обломки чаш из камня и глины, служивших буддийским монахам для сбора подаяния, и другие материалы.

Обращаясь к датировке буддийского монастыря Кара-тепе, надо остановиться на следующем:

1. За все время работ на Кара-тепе было сделано, как уже говорилось, пять монетных находок: медная монета сасанидского царя Шапура II (309—379 г.), две бронзовые монеты царя Канишки (78—123 г.). Две другие бронзовые

монеты также относятся к кушанскому времени, но имя царя на них не прочитано.

2. Обобщенную сравнительную дату — «доисламский период» — дают также размеры сырцовых кирпичей. Размеры квадратного сырцового кирпича исследованных зданий древнего Термеза колебались в пределах «локтя» и половины локтя — от 30×30×10 *см* до 35×35×14 *см*.

Так, на верхней площадке Кара-тепе, в «горбе» предполагаемой постройки главного храма буддийского монастыря, размеры кирпича колеблются от 30×30×10 до 31×31×12 *см*. Приблизительно те же размеры имеют кирпичи в кладке стен наземных зданий пещер № 1, 2 и 3, что говорит об одновременности возведения всех этих наземных сооружений. К тому же доисламскому периоду относятся кирпичи из замуровок позднейших поперечных кладок в западном и восточном коленах обходного коридора (раскоп I: 30×30×11 *см*) и в кладке замуровки двери (в раскопе II: 33×33×12 *см* — аналогичен кирпичам наземного здания раскопа II).

В раскопе I в пороге кельи сырец имеет размеры 32×15×13 *см* и, видимо, сделан специально для этой приступки. В раскопе II в кладках яслей в северном колене коридора и в очаге в восточной камере размеры кирпича — 29×16×6 *см*.

Кирпичами квадратной формы размерами от 30×30×12 до 35×35×14 *см* сложены также здания на холме цитадели, Зурмалы, Кешка (Сутан), Чингиз-тепе.

Установление более точной даты для каждого из этих размеров сырцов — дело будущего, о чем прежде всего смогут сказать свое слово дальнейшие раскопки на Кара-тепе.

3. Керамика, найденная в раскопах, распадается на три основные группы:

1) керамика, найденная в коленах обходного коридора, храме раскопа I и келье раскопа II — одновременна и датирована кушанскими монетами. Она сделана из тонко отмученной глины хорошего обжига, тонкостенная, ангобированная и лощеная. К ней относятся ярко-розовые бокалы, чаши и кувшинчики. К тому же времени относятся светильники типа плошки с загнутыми внутрь лентовидными бортиками и вылепленные от руки большие толстостенные сосуды типа хумов, украшенные по верху тулова глубокими прямыми бороздами, процарапанными острым инструментом или гребенкой, дающей волнистые линии. На этих сосудах иногда наблюдается штампованный орнамент и штампованые налепы;

2) ко времени, близкому, к первой группе (несколько позднее, но в пределах того же кушанского периода), относятся сосуды, найденные около камина в келье раскопа I и у очага восточной камеры раскопа II на ее вторичном полу». Это небольшие сосудики хорошего обжига, ангобированные по бортику без лощения (рис. 38). Они сделаны для изготовления в них пищи, почему их внешний вид и несколько отличен от керамики первой группы, имеющей другое назначение. Эти две близкие друг к другу группы увязываются между собой наличием в обоих случаях светильников типа плошки, очень близких по времени их изготовления;

3) к гораздо более позднему времени, отдаленному от описанной керамики, относятся некоторые из найденных черепков кувшинов, мисок, светильников и других керамических предметов, лежавших на поверхности Кара-тепе и внутри пещер и попавших туда позднее, во время заброшенности и полного запустения этих мест.

Вероятная дата возведения буддийского монастыря Кара-тепе при Канишке подтверждается также и обломками резьбы из мергелистого известняка, некогда украшавшей его наземные здания. Эти обломки каменных карнизов стен и капителей колонн с изображенными на них листьями аканфа (рис. 39б) аналогичны найденным и в раннебуддийских храмах Афганистана, в Бамиане и в Балхе. К тому же времени относятся и фрагменты найденной в раскопе I стенописи.

Таким образом, древнебуддийский монастырь Кара-тепе является самым ранним из найденных на территории нашего Союза. Он не может быть включен в число десяти буддийских монастырей Термеза, описанных Сюань-цзаном и пока еще не обнаруженных. В то время монастырь Кара-тепе уже несколько веков лежал в развалинах.

Значение культурно-исторического комплекса Кара-тепе огромно. Разрушенный землетрясением, он, несомненно, сохранился в некоторых своих частях, как это показала келья раскопа II, в непотревоженном виде. Такая его естественная консервация дает возможность археологам увидеть буддийский монастырь, пролежавший под толщей песка около двух тысяч лет, в том виде, в каком его, видимо, настигло землетрясение.

По находкам в Кара-тепе будет возможно изучить не только проблемы, касающиеся древней истории Средней Азии, но и связи ее с Индией, Китаем и Ираном на перекрестке кара-

ванных путей, в котором был расположен Термезский оазис [30].

[30] В настоящее время о находках на Кара-тепе в Термезе, кроме моей статьи, указанной в прим. 13, имеются следующие упоминания: М. Э. Воронец, *Археологические исследования в Узбекской ССР*, — СОНАТ, 1937, № 10, стр. 177, 178; его же, *Археологические исследования 1937—1939 гг. в Узбекской ССР*, — ВДИ. 1940, № 3—4, стр. 326; М. Е. Массон, *Термезская археологическая комплексная экспедиция, работы 1936—1938 гг.*, — КСИИМК, VI, М.—Л., 1940, стр. 114; Д. Д. Букинич, *Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района*, стр. 154—155; М. Е. Массон, *Городища старого Термеза и их изучение*, стр. 30, 40, 77, 79, 90, 91; В. А. Шишкин, *К исторической топографии Старого Термеза*, — «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940—1941, стр. 148; С. П. Толстов и В. А. Шишкин, *Археология*, — сб. «25 лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1942, стр. 261, 262; H. Field and E. Prostov, *Excavations in Uzbekistan, 1937—1939*, — «Ars Islamica», 1942, vol. IX, pt 1—2, pp. 144, 145, fig. 6—8; Б. В. Лунин, *К истории города Термеза*, — «Исторический журнал», М., 1944, кн. 4, стр. 100; М. И. Вязьмитина, *Раскопки на городище Айртам*, — «Труды АН УзССР», сер. I, т. II, Ташкент, 1945, стр. 24, 25; М. Е. Массон, *Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.*, стр. 3, 5, 9; Г. А. Пугаченкова, *Фрагменты архитектуры правобережного Тохаристана*, — «Труды АН УзССР», сер. I, т. II, стр. 66; её же, *Архитектура среднеазиатской античности*, стр. 533; «История народов Узбекистана до XVI в.», т. I, Ташкент, 1950, стр. 146—215; А. Л. Монгайт, *Археология в СССР*, М., 1955, стр. 274, 305, 394; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана*, Ташкент, 1958, стр. 13, 14; Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе*, Ташкент, 1960, стр. 225.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. План городища Старого Термеза (по В. А. Шишкину)
2. Пещеры № 1, 2 и 3 на Кара-тепе, 1936 г. (чертеж Г. В. Парфенова)
3. План раскопа I, 1937 г.
4. План раскопа II, 1937 г.
5. План раскопа III, 1937 г.
6. а. Разрез «малой пещеры» (кельи) раскопа II, 1937 г.
   б. План «малой пещеры» (кельи) раскопа II, 1937 г.
7. План раскопа 1961—1962 гг.
8. Схематические планы с указанием местонахождения росписей, надписей и рисунков-граффити
   1. Комплекс П-II
   2. Комплекс П-III
9. Разрез напластований свалки на заднем дворе:
   1) Зеленовато-серый песок (развал песчаника) [а и в]
   2) Песчаниковая скала (часть наружной стены) [з]
   3) Угольно-зольная прослойка с керамикой и костями [б]
   4) Куски песчаника
   5) Слой натечно-надувного песка с лессом и кусками кирпича сырца [д]
   6) Яма с рыхлым песчаным заполнением [и]
   7) Дерновый слой [е]
   8) Слой песка с серо-зелеными органическими остатками и включениями костей, кирпича и керамики (в том числе с надписями) [г]
   9) То же, но с горизонтальной слоистостью [ж]
   10) Место находки монеты
10. Аксонометрия центрального двора:
    вверху — с северо-востока
    внизу — с юго-востока
11. Раскопки северо-западной части центрального двора
12. а) Раскопки южной части центрального двора (вид с запада)

б) Раскопки южной части центрального двора (вид с востока)

13. Вход в целлу надземного святилища
14. Блоки порога целлы с контурными рисунками цветов лотоса
15. Западный вход в обходной коридор надземного святилища
16. а) Заложенный вход в комплекс П-I с южного айвана
    б) Засыпанный песком выход из комплекса П-III
17. Провал, ведущий внутрь комплекса П-II,
18. Арабские надписи-граффити и насечки на стене центрального помещения комплекса П-II.
19. Часть стенной росписи из комплекса П-III с изображением пятерни
20. Фрагмент стенной росписи из комплекса П-III
21. Таблица орнаментальных росписей:
    слева вверху — комплекс П-II (первый слой)
    слева внизу и в центре — комплекс П-II (третий слой)
    справа вверху — комплекс П—I
    справа внизу — комплекс II-III
22. Рисунок-граффити с изображением здания
23. Рисунки-граффити из комплекса П—III
24. Левая рука ганчевой статуи
25. Фрагменты гипсовых статуй:
    а) часть нимба [?] и декоративные шарики;
    б) большой палец ноги и часть клинка [?];
    в) кусок ганчевой статуи с отпечатком ткани
26. Каменные архитектурные украшения
27. Часть каменного барельефа
    а) фотография;
    б) прорисовка.
28. Каменный барельеф из Старого Термеза
29. Крышки с изображением цветка лотоса
30. Фрагменты декоративных зонтиков-чатра
31. а) образцы керамики с лощением;
    б) образцы штампов на керамике
32. Глиняные светильники
33. Глиняные сосуды
34. Керамика из раскопок 1961 г. (прорисовка)
35. Керамика, изготовленная в подражание римской посуде
36. Разные находки из раскопок 1961 г.
37. Глиняные сосуды из раскопок 1937 г.
38. Глиняные сосуды из раскопок 1937 г.
39. Находки из раскопок 1937 г.:
    а) глиняный светильник;
    б) часть каменного украшения (аканф)
40. Глиняные фигурки из раскопок 1937 г.

41. Фрагмент сосуда с надписью «кушанским письмом»
42. Фрагменты сосудов с надписями кхарошти
43. Фрагменты сосудов с надписями кхарошти
44. Фрагменты сосудов с надписями брахми
45. Фрагменты сосудов с надписями брахми
46. Фрагменты сосудов с надписями брахми
47. Фрагменты сосудов с надписями брахми
48. Фрагменты сосудов с надписями брахми

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник древней истории».
ДАН — «Доклады Академии наук».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества».
ИАН, СИФ — «Известия АН СССР» серия истории и философии.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры».
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР».
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
ООН — Отделение общественных наук.
СА — «Советская археология».
СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа».
СОН — Серия общественных наук.
СОНАТ — «Социалистическая наука и техника», Ташкент.
Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и по охране памятников старины, искусства и природы.
Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры.
УзФАН СССР — Узбекистанский филиал АН СССР.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЭВ — «Эпиграфика Востока».
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BSOAS — «*Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London*».
CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances».

CII — «Corpus Inscriptionum Indicarum», vol. II, pt 1. Kharoshṭhī Inscriptions, ed. by Sten Konow, Calcutta, 1929.
JA — «Journal asiatique».
JIH — «Journal of Indian history»,
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland».
MDAFA — «Mémoires de la Délegation Archeologique Française en Afghanistan».
RAA — «Revue des Arts Asiatiques».

SUMMARY

Kara-tepe: Buddhist Cave Monastery in Old Termez

The present collection of articles deals with the material obtained during the excavations of Kara-tepe, on the town-site of Old Termez in Southern Uzbekistan. As early as in 1928 A. S. Strelkov, who explored there three caves half-buried under the sand, was inclined to believe that the mound of Kara-tepe constituted the remains of a Buddhist cave monastery. Excavations on the site were started in 1937 by the large Termez Archeological Expedition (ТАКЭ), led by Prof. M. E. Masson. Unfortunately, the full report by E. G. Ptchelina, who directed the Kara-tepe excavations in 1937, was not published; the only available source of information are short items which appeared in the press. But even this scant information clearly suggested that Kara-tepe actually represents the remains of a Buddhist cave monastery — the first monument of the kind on the territory of Soviet Central Asia. The excavations of this interesting archeological object were renewed in 1961 by an expedition of the Oriental Department of the State Hermitage Museum, sponsored by the Institute of History and Archeology of the Uzbek SSR Academy of Sciences, and continued in 1962 in collaboration with the Moscow Museum of Arts of the Peoples of East (formely Museum of Oriental Cultures). The two seasons' work resulted in the uncovering of a part of a large courtyard with an overground sanctuary and two large cave-complexes (П-I and П-II). Excavations of the third cave-complex (П-III) are still in progress. Fragments of plaster (ganch) statues, bits of murals, fragments of stone architectural ornaments were found. Deserving of mention are the finds of many ceramic vessels and coins attributed to Kushan kings — Vima Kadfiz (one coin), Kanishka (two coins), Huvishka (one coin), Vasudeva (three coins). Besides, there were finds of drawings and graffiti inscriptions of a much later period: evidently they appeared after the monastery had been abandonned (the end of the 3rd and the beginning of the 4th centuries). The graffiti inscriptions in Arabic characters and fragments of glazed pottery dating from the 11th-12th centuries show that some of the compartments of Kara-tepe were accessible to casual visitors over a long time and became buried in a drift of sand only by the end of the Mongol invasion.

The first article of the present collection devoted to the excavations conducted in Kara-tepe during 1961-1962, was contributed by B. J. Stavisky, head of the expedition. The author gives a description of the excavated rooms and various objects, discusses their dating and probable use; he also considers the problems of culture and art in Bactria under the Kushans, the conditions and ways of the expansion of Buddhism, and the role the latter played in the history and culture of the peoples of Central Asia.

Fragments of pottery with black-painted legends on the bodies of vessels make up a special group of finds from Kara-tepe. One of the inscriptions is in Kushan characters, the others (of those studied so far) are in Indian scripts.

The second articel by T. V. Grek from the State Hermitage Museum deals with Indian inscriptions on the ceramics from Kara-tepe. The author published about 50 fragments of earthenware vessels uncovered in 1961—1962 and bearing legends in Sanskrit (in Kharosthi and Brahmi writing). Presumable reading, lexicon and paleography are suggested. The inscriptions mention a monastery or monasterial community (*sanga*), a water reservoir or vessel (*kunda*), various kinds of utensils and, probably, the dates of the latter's donation.

The third article, written by E. G. Pchelina, gives information on the investigations of Kara-tepe before 1937 and the excavations carried out on the site by the author over 15 years ago. E. G. Pchelina, a pioneer of archeological studies of Kara-tepe, brings to light some previously unknown materials, which contribute to a better understanding of the results obtained in 1961—1962.

The present collection of articles, without putting any claim to a full description of the material, pursues the object of acquainting orientalists with the main results of the Kara-tepe excavations in 1937 and in 1961-1962, and also with the most important objects found in the course of the excavations.

LIST OF ILLUSTRATIONS

1. Plan of the town-site of Old Termez (after V. Shyshkin)
2. Caves Nos. 1-3 on Kara-tepe, 1936 (after G. Parfenov)
3. Plan of trench I, 1937.
4. Plan of trench II, 1937
5. Plan of trench III, 1937
6. a) Section of the «minor» cave
   б) Plan of the «minor» cave of trench II, 1937
7. Plan of the excavations (of courtyard, overground sanctuary and cave-complexes П-I and П-II), 1961—1962
8. Schematic plans of cave-complexes П-II and П-III, showing the place of wall paintings, drawings and graffiti inscriptions
9. Section of the stratum in back courtyard
10. Axonometric projections of central courtyard:
    a) from NE.
    b) from SE
11. View of the excavations in NW corner of courtyard
12. a) View of the excavations in southern part of courtyard (from the West)
    б) View of the excavations in southern part of courtyard (from the East)
13. Pavement and entrance in the cella of overground sanctuary
14. Stone blocks with lotos flowers figures
15. Western entrance in corridor of overground sanctuary
16. a) Southern entrance in cave-complex П-I, sealed with mudbricks and clay.
    б) Extrance of cave-complex П-III buried by sand
17. Breach leading into cave-complex П-II
18. Arabic graffiti inscriptions and lines on the wall of central cave-room in complex П-III
19. Part of wall paintings from complex П-III
20. Fragment of wall paintings from complex П-III

21. Examples of ornamental wall paintings from complexes П-I, П-II and П-III
22. Graffiti drawing with an architectural figure, complex П-II
23. Graffiti drawings with human faces, complex П-III
24. Fragment of the left hand of plaster sculpture
25. Fragments of plaster sculpture:
    а) part of a nimbus (?) and decorative balbes,
    б) toe and part of a knife (?)
    в) backside of plaster sculpture with stamped design of textiles
26. Stone architectural ornaments
27. Fragment of stone relief
    а) photograph
    б) drawing
28. Stone relief from Old Termez
29. Clay and stone lids with lotos-flower ornamentations
30. Fragments of chatra
31. а) Fragments of pottery with polished ornament
    б) Ornamental stamps on pottery
32. Clay lamps
33. Clay vessels
34. Pottery from the 1961 excavations
35. Clay imitation of Roman wares
36. Miscellaneous findings from the 1961 excavations
37. Clay vessels from the 1937 excavations
38. Clay vessels from the 1937 excavations
39. Clay lamp and fragment of stone acanthus from the 1937 excavations
40. Clay figures from the 1937 excavations
41. Fragment of clay vessel with «Kushan» inscription

42—43. Fragments of clay vessels with Kharosthi inscriptions

44—48. Fragments of clay vessels with Brahmi inscriptions

CONTENTS

Preface 5

B. J. Stavisky. *Principal Results of Excavations of Kara-tepe in 1961—1962* 7

I. Excavated rooms 9

a) Central courtyard and overground building 9

b) Cave rooms 14

II. Individual finds 22

a) Fragments of plaster (ganch) statues 22

b) Stone architectural ornaments 25

c) Wall painting 27

d) Graffiti drawings 32

e) Objects of cult 35

f) Ceramics 38

g) Coins 42

h) Inscriptions 43

i) Miscellaneous objects 44

III. Possible use and dating of cleared rooms 44

IV. Excavations of Kara-tepe and some problems of history and culture 47

a) Materials from Kara-tepe and the problem of culture and art in Bactria (Tokharistan) under the Kushans 49

b) Excavations of Kara-tepe and the problem of the time, conditions and ways of the expansion of Buddhism 54

c) Kara-tepe and the role of Buddhism in the history of culture and art of the peoples of Central Asia 58

T. V. Grek. *Indian Inscriptions on the Ceramics from Kara-tepe* . . 62

I. Inscriptions in Kharosthi 62

II. Inscriptions in Brahmi 74

III. Conclusion 80

E. G. Ptchelina. *The First Stage of Explorations of the Buddhist Monastery of Kara-tepe in Termez* 82

List of abbreviations 102

Summary 103

List of illustrations 105

Illustrations 111

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5
Б. Я. Ставиский, *Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.* 7
I. Раскопанные сооружения 9
а) Центральный двор и надземная постройка 9
б) Пещерные сооружения 14
II. Отдельные находки 22
а) Фрагменты ганчевых статуй 22
б) Каменные архитектурные украшения 25
в) Стенные росписи 27
г) Рисунки-граффити 32
д) Культовые предметы 35
е) Керамика 38
ж) Монеты 42
з) Надписи 43
и) Прочие находки 44
III. Назначение и датировка вскрытых сооружений 44
IV. Раскопки Кара-тепе и некоторые историко-культурные вопросы . 47
1. Материалы из Кара-тепе и вопрос о культуре и искусстве Бактрии (Тохаристана) при кушанах 49
2. Раскопки Кара-тепе и вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма 54
3. Кара-тепе и вопрос о значении буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии 58
Т. В. Грек, *Индийские надписи на керамике из Кара-тепе* 62
I. Надписи кхароштхи 62
II. Надписи брахми 74
III. Заключение 80
Е. Г. Пчелина, *Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе* 82
Список иллюстраций 100
Список сокращений 103
Summary 105
List of illustrations. 107
Contents 109
Иллюстрации 111

ИЛЛЮСТРАЦИИ

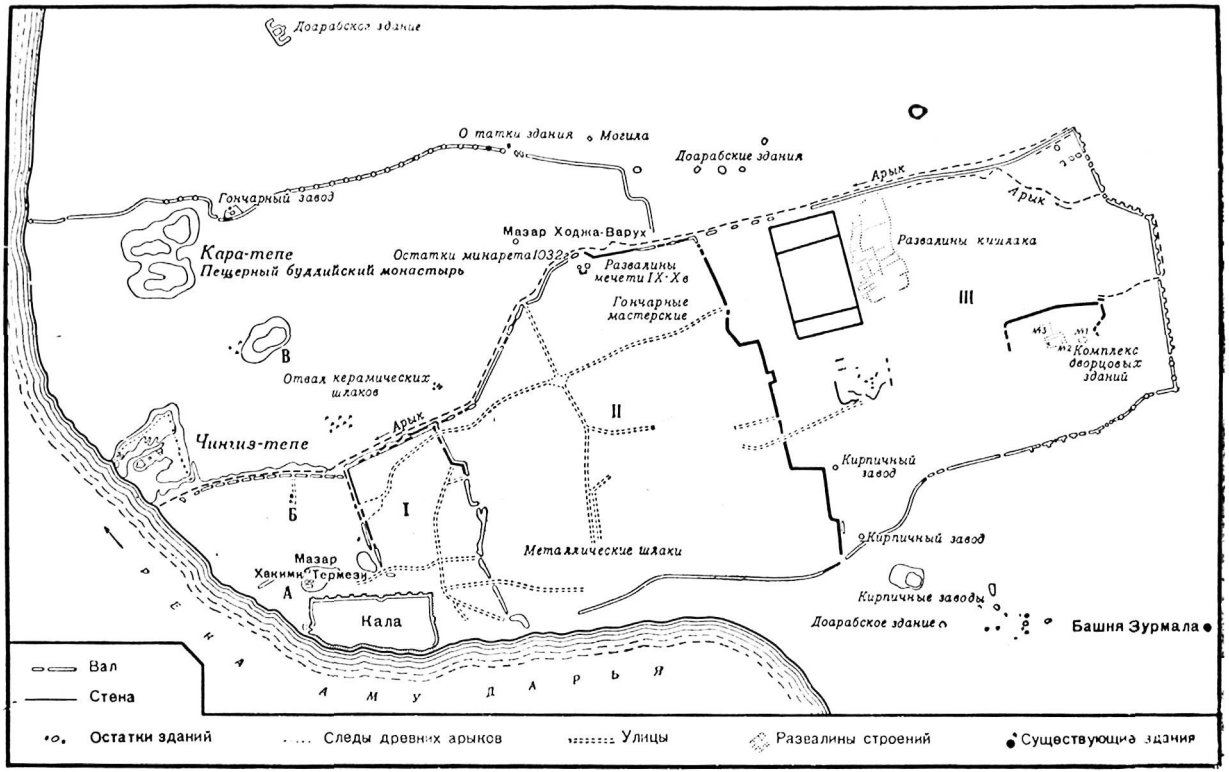

Доарабское здание
Остатки здания
Могила
Доарабские здания
Арык
Арык
Гончарный завод
Кара-тепе
Пещерный буддийский монастырь
Мазар Ходжа-Варух
Остатки минарета 1032 г.
Развалины мечети IX-Хв
Развалины кишлака
Гончарные мастерские
III
В
Отвал керамических шлаков
Комплекс дворцовых зданий
Чингиз-тепе
Арык
II
Кирпичный завод
Б
I
Кирпичный завод
Металлические шлаки
Мазар Хакими Термези
А
Кирпичные заводы
Кала
Доарабское здание
Башня Зурмала
Вал
Стена
Остатки зданий
Следы древних арыков
Улицы
Развалины строений
Существующие здания

Рис. 1

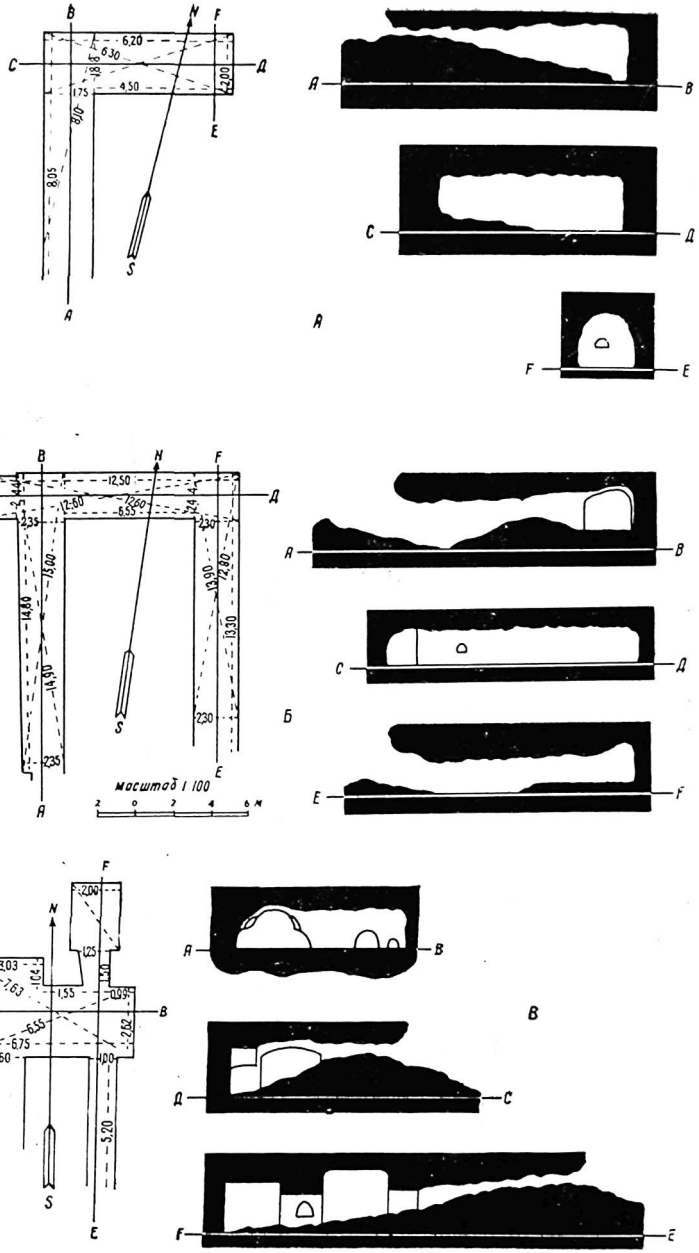

B
N
F
C
Д
6,20
6,30
1,75
4,50
2,00
8,05
E
S
A
A
B
C
Д
F
E
Б
12,50
17,00
6,50
2,35
15,00
14,80
14,90
19,90
12,80
13,30
2,30
масштаб 1 100
2 0 2 4 6 м
В
2,00
1,25
3,03
0,92
1,63
1,55
0,59
6,55
6,75
2,60
4,00
4,60
5,20

Рис. 2

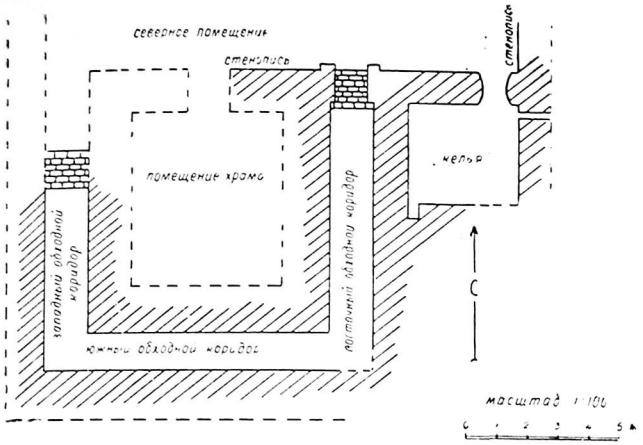

северное помещение
стенопись
стенопись
помещение храма
западный обходной коридор
восточный обходной коридор
южный обходной коридор
кельи
С
масштаб 1:100
0 1 2 3 4 5 м

Рис. 3

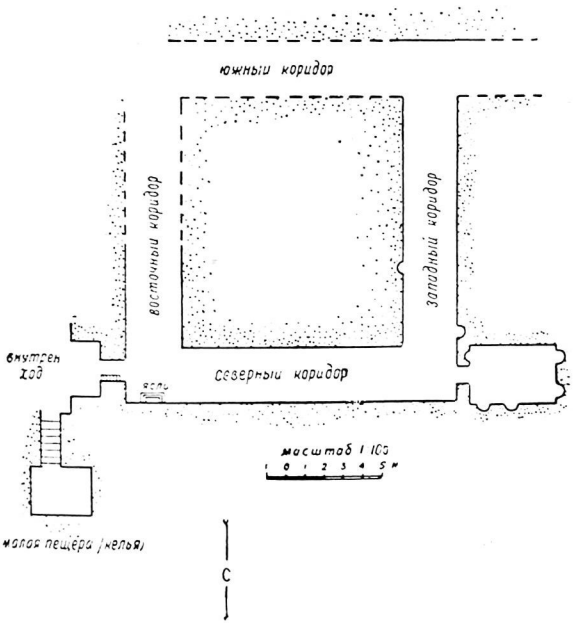

южный коридор
восточный коридор
западный коридор
северный коридор
внутрен ход
кели
масштаб 1:100
0 1 2 3 4 5 м
малая пещера (кельи)
С

Рис. 4

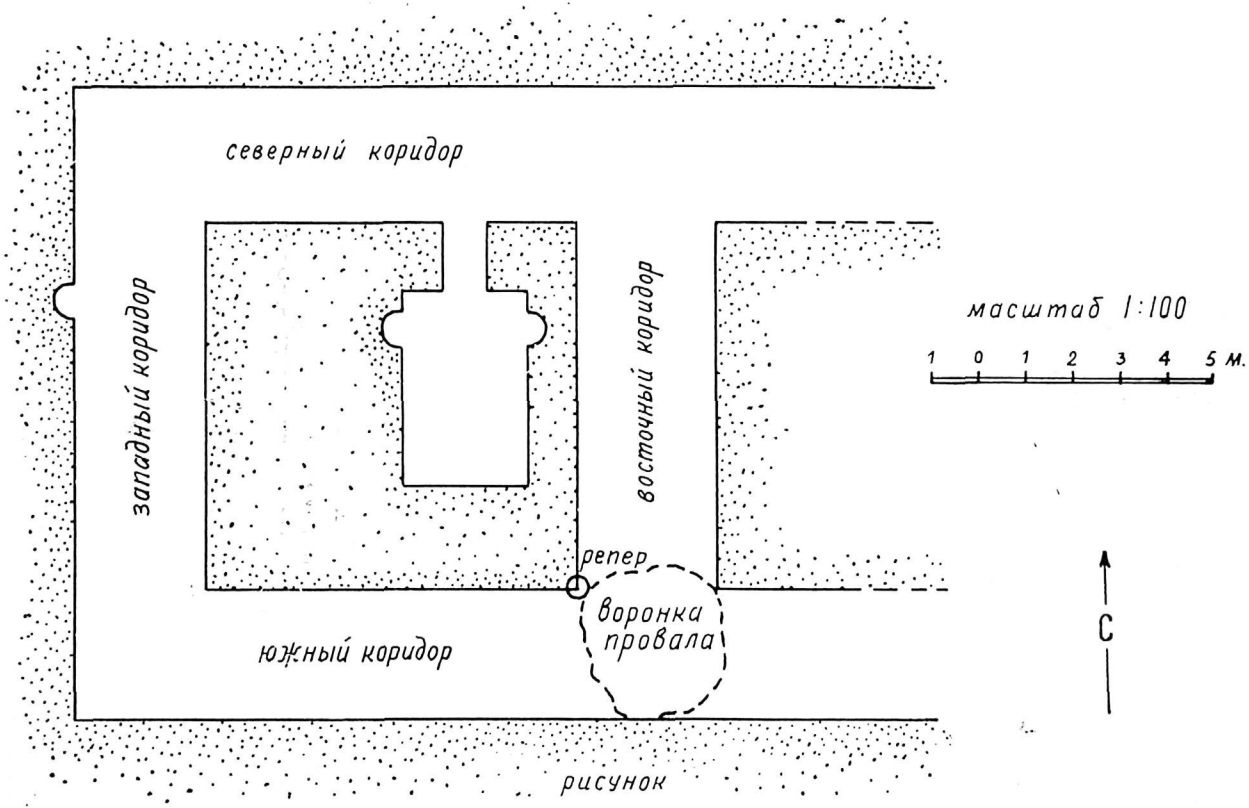

северный коридор
западный коридор
восточный коридор
южный коридор
репер
воронка провала
масштаб 1:100
1 0 1 2 3 4 5 м.
С
рисунок

Рис. 5

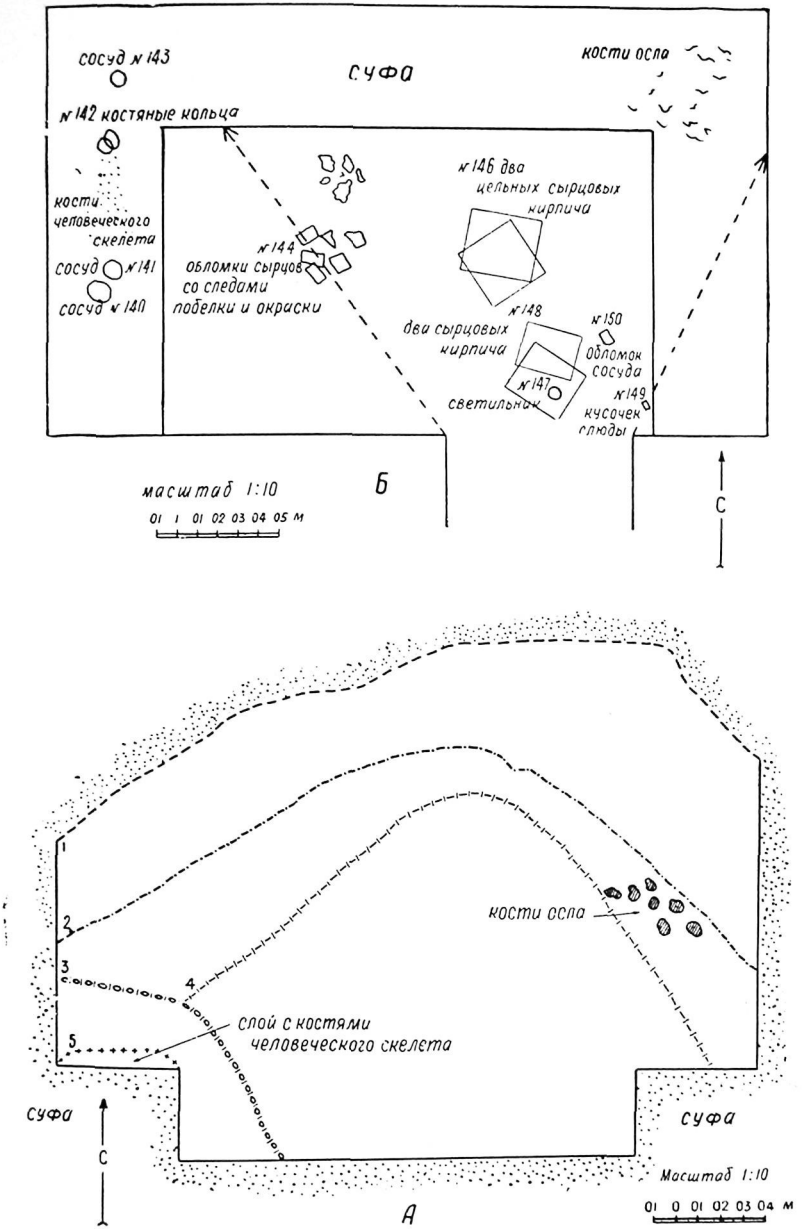

сосуд № 143
СУФА
кости осла
№ 142 костяные кольца
кости человеческого скелета
сосуд № 141
сосуд № 140
№ 144
обломки сырцов со следами побелки и окраски
№ 146 два цельных сырцовых кирпича
№ 148
два сырцовых кирпича
№ 150
обломок сосуда
№ 147
светильник
№ 149
кусочек слюды
масштаб 1:10
01 1 01 02 03 04 05 м
Б
С
1
2
3
4
5
кости осла
слой с костями человеческого скелета
СУФА
СУФА
С
Масштаб 1:10
01 0 01 02 03 04 м
А

Рис. 6

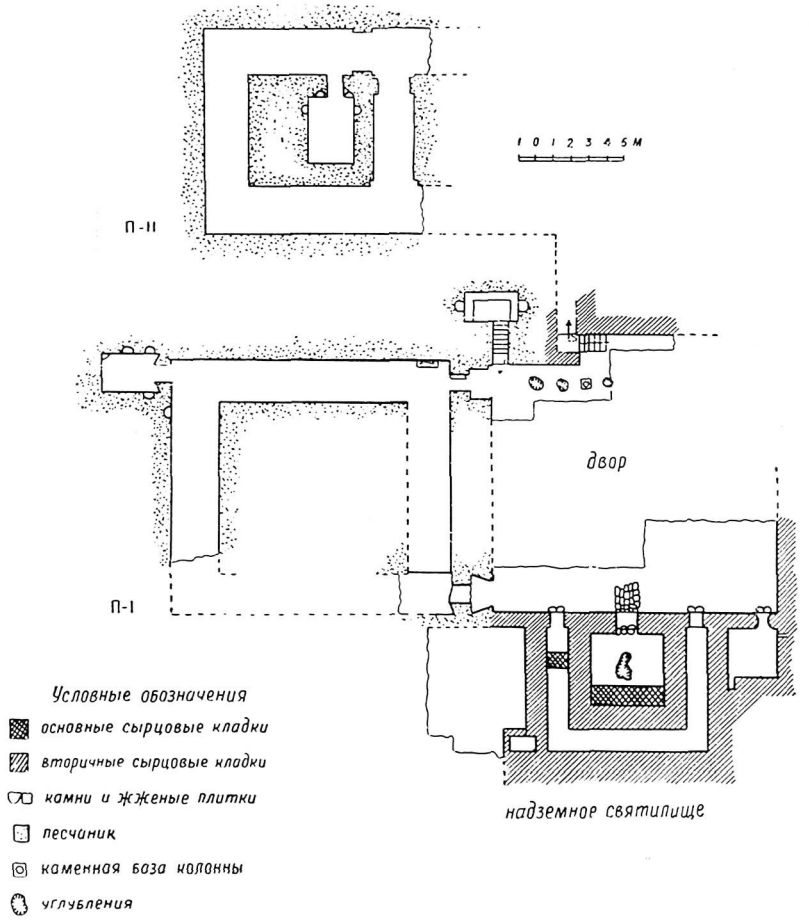

0 1 2 3 4 5 м
П-II
двор
П-I
Условные обозначения
основные сырцовые кладки
вторичные сырцовые кладки
камни и жженые плитки
песчаник
каменная база колонны
углубления
надземное святилище

Рис. 7

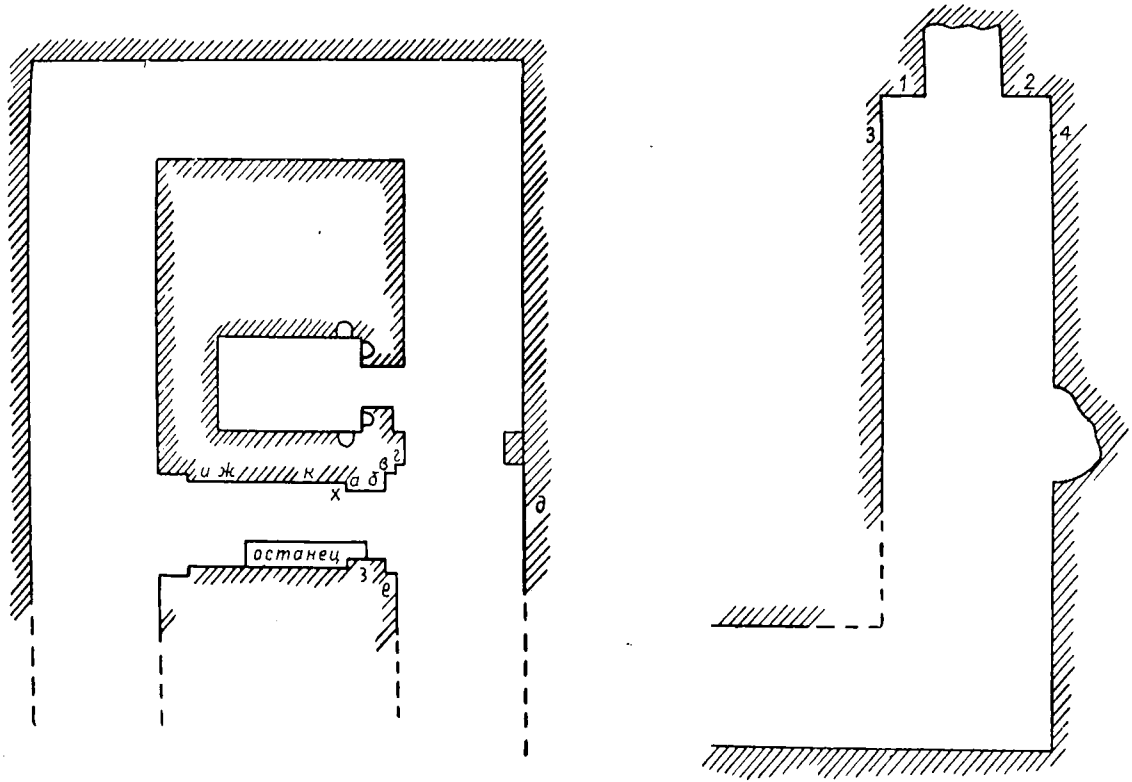

Рис. 8

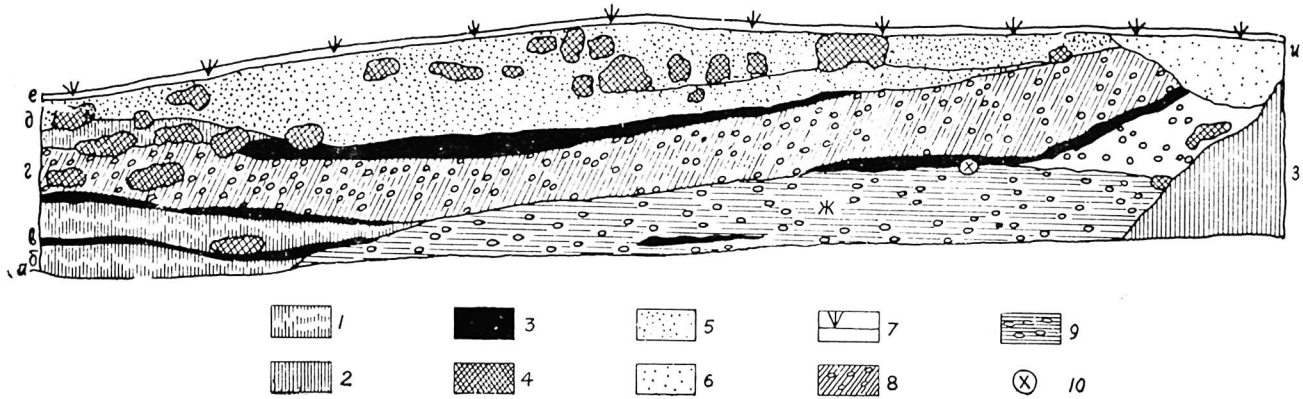

Рис. 9

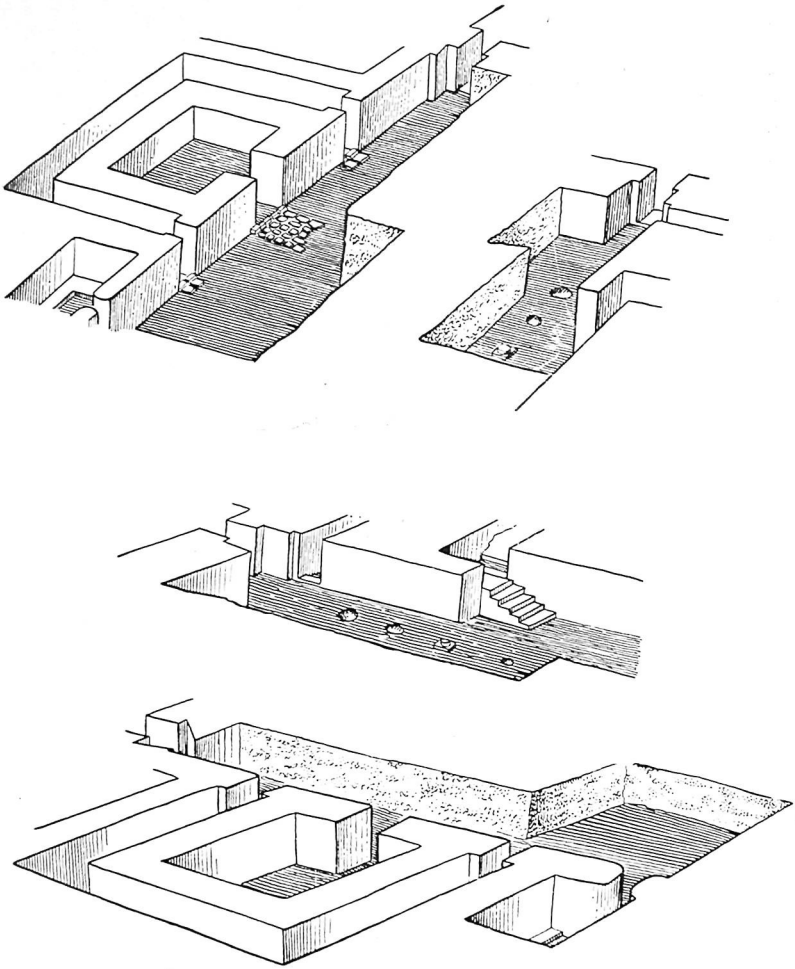

Рис. 10

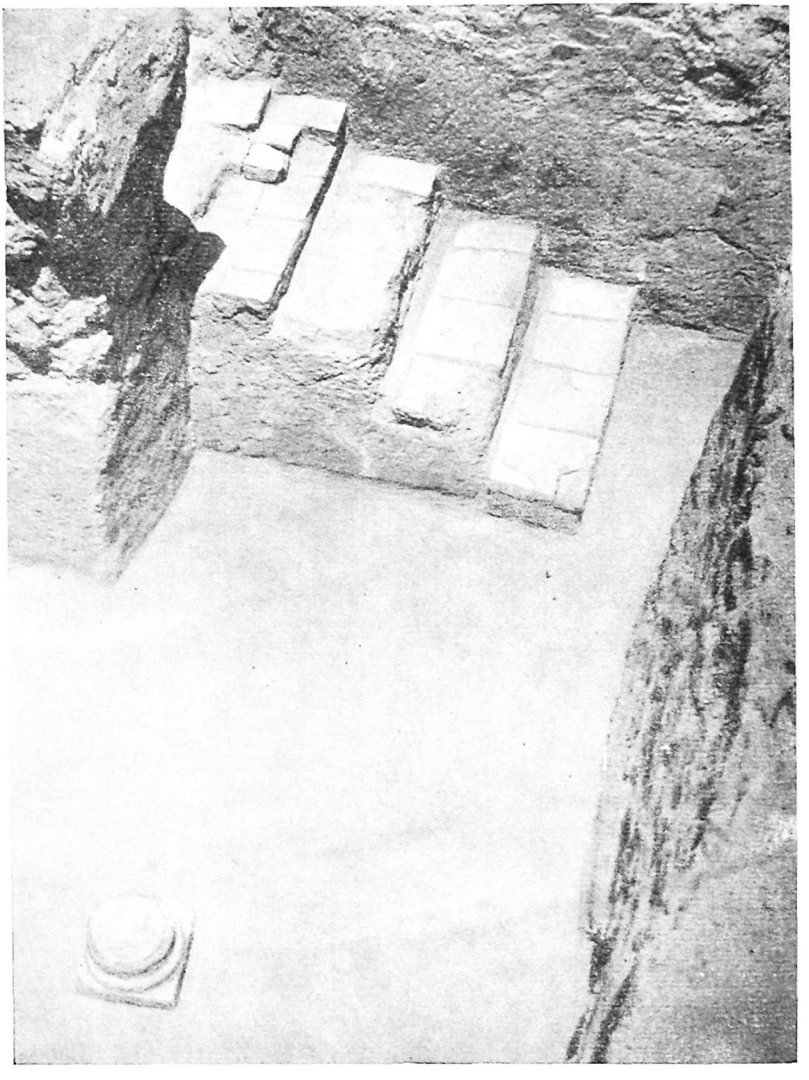

Рис. 11

Рис. 12 (а)

Рис. 12 (б)

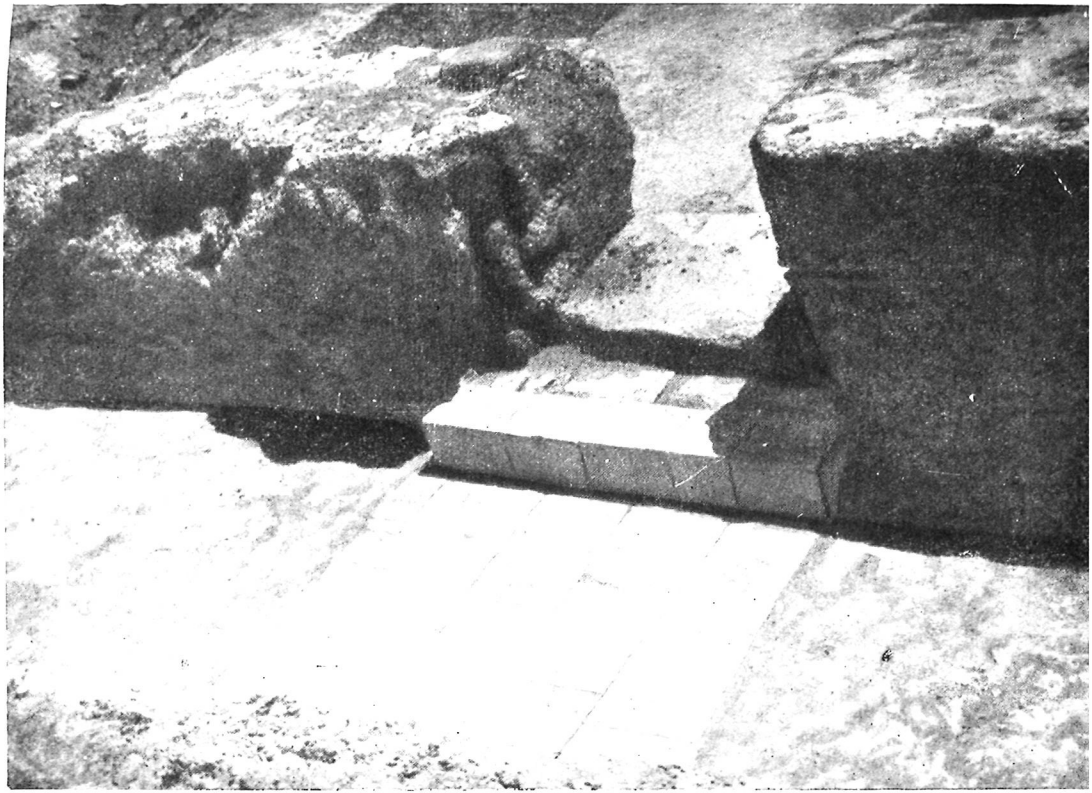

Рис. 13

Рис. 14

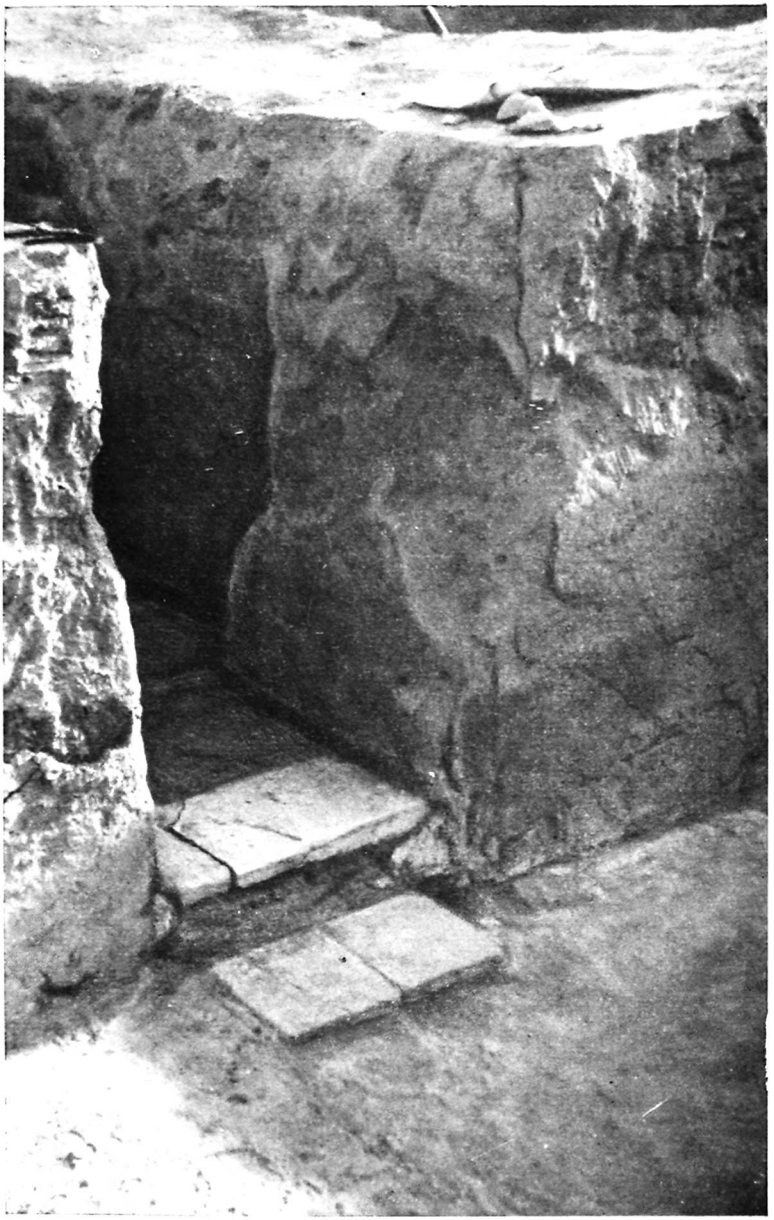

Рис. 15

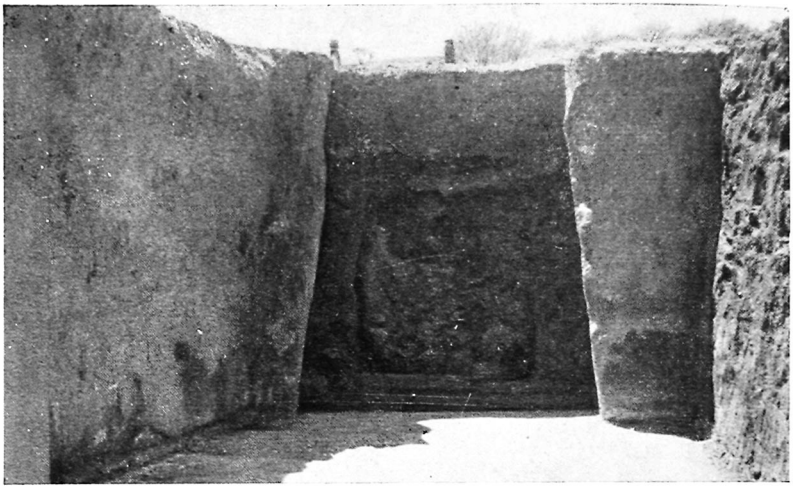

Рис. 16 (а)

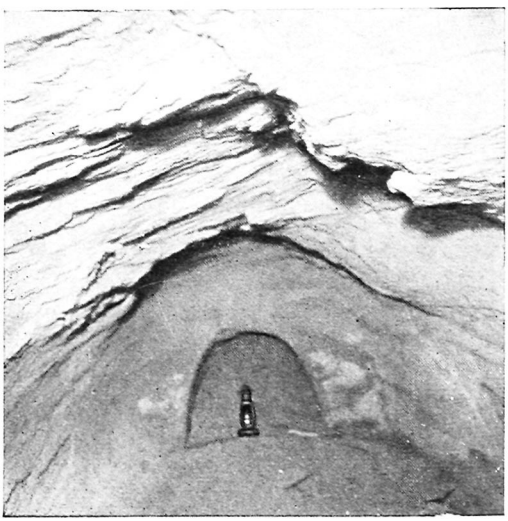

Рис. 16 (б)

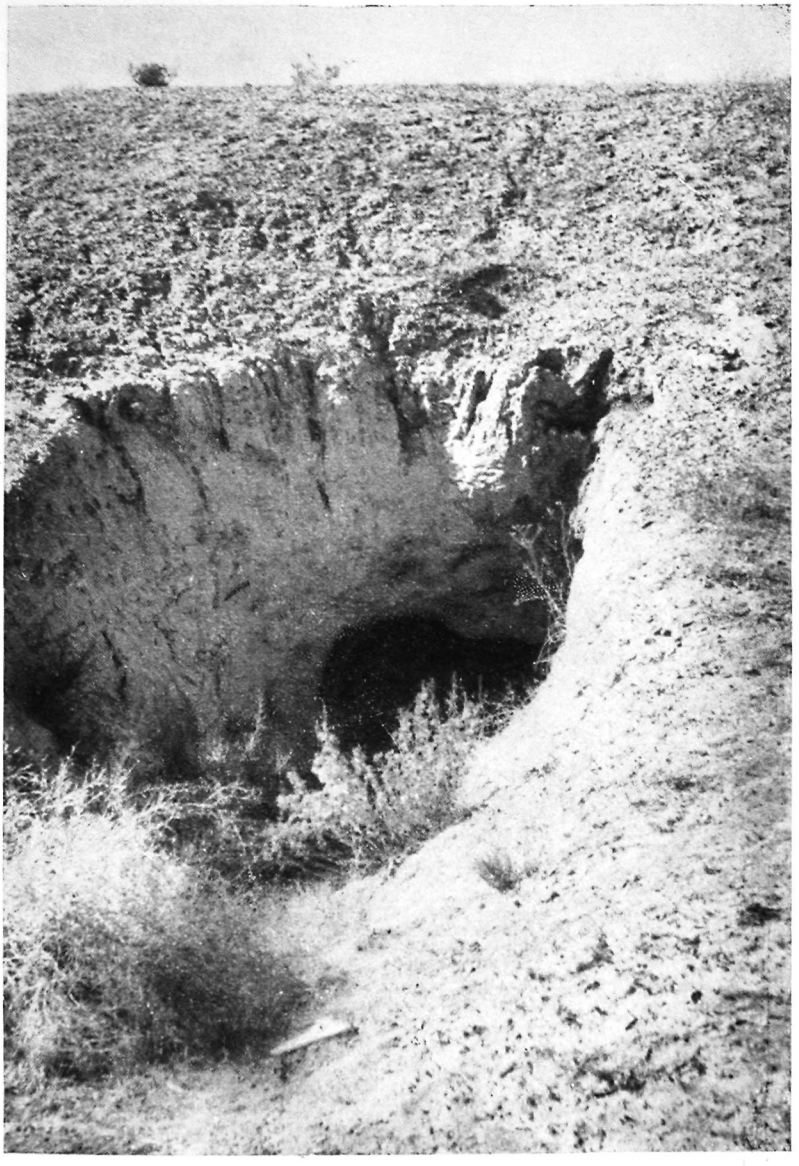

Рис. 17

Рис. 18

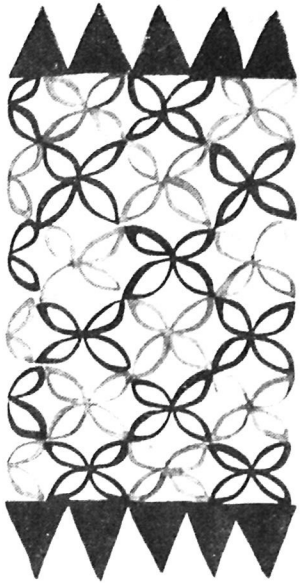

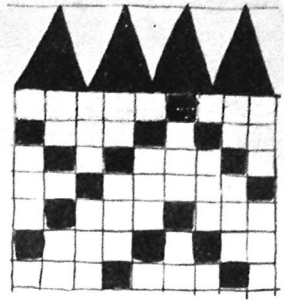
Рис. 19

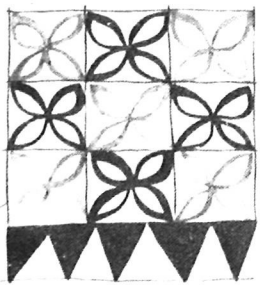

Рис. 20

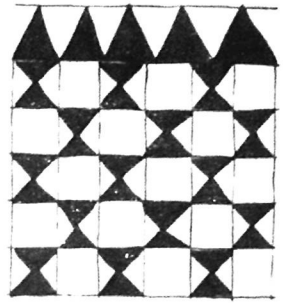

Рис. 21

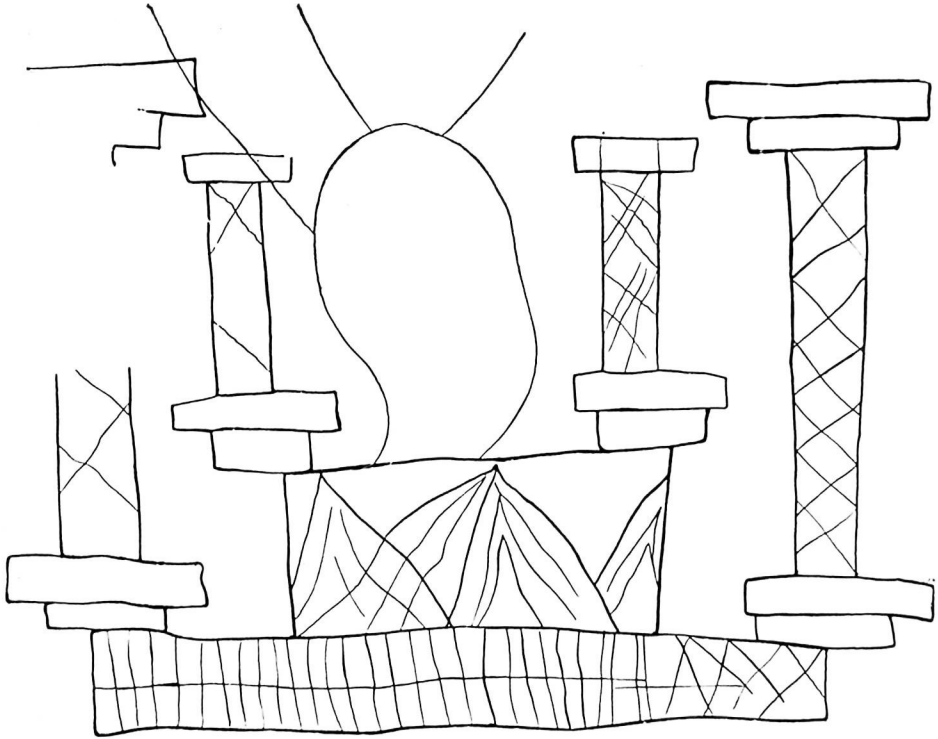

Рис. 22

Рис. 23

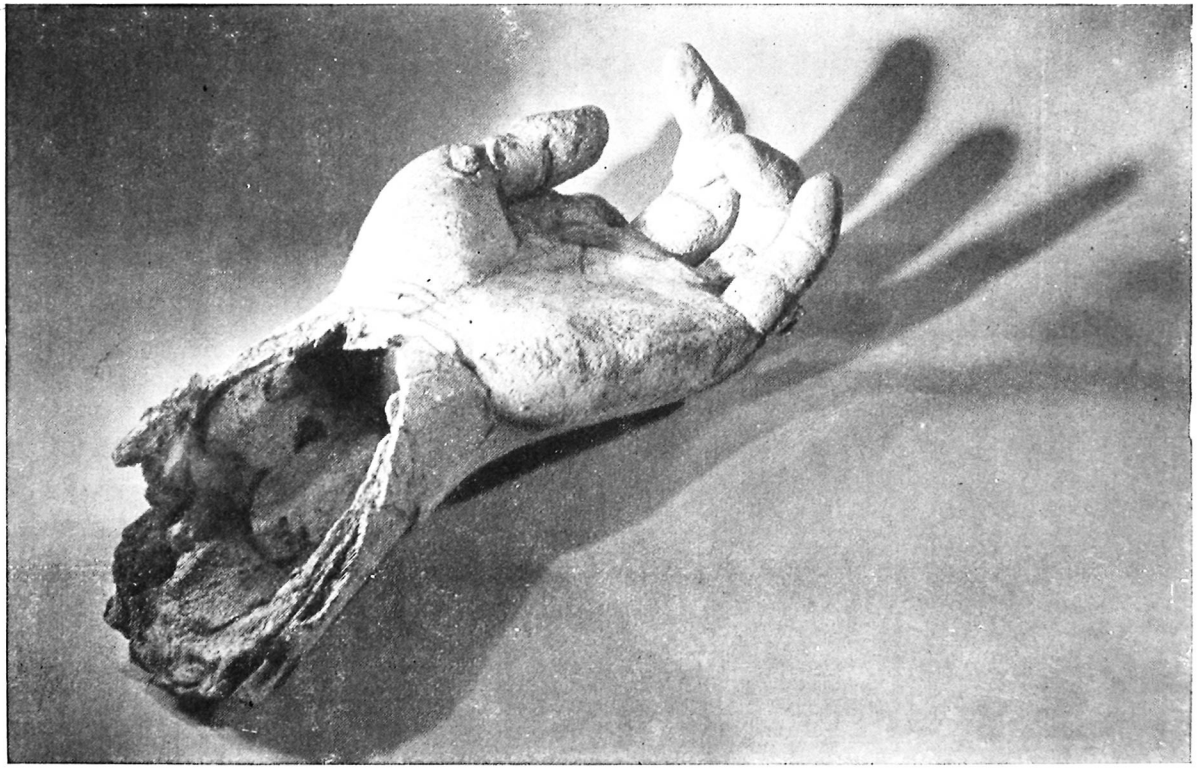

Рис. 24

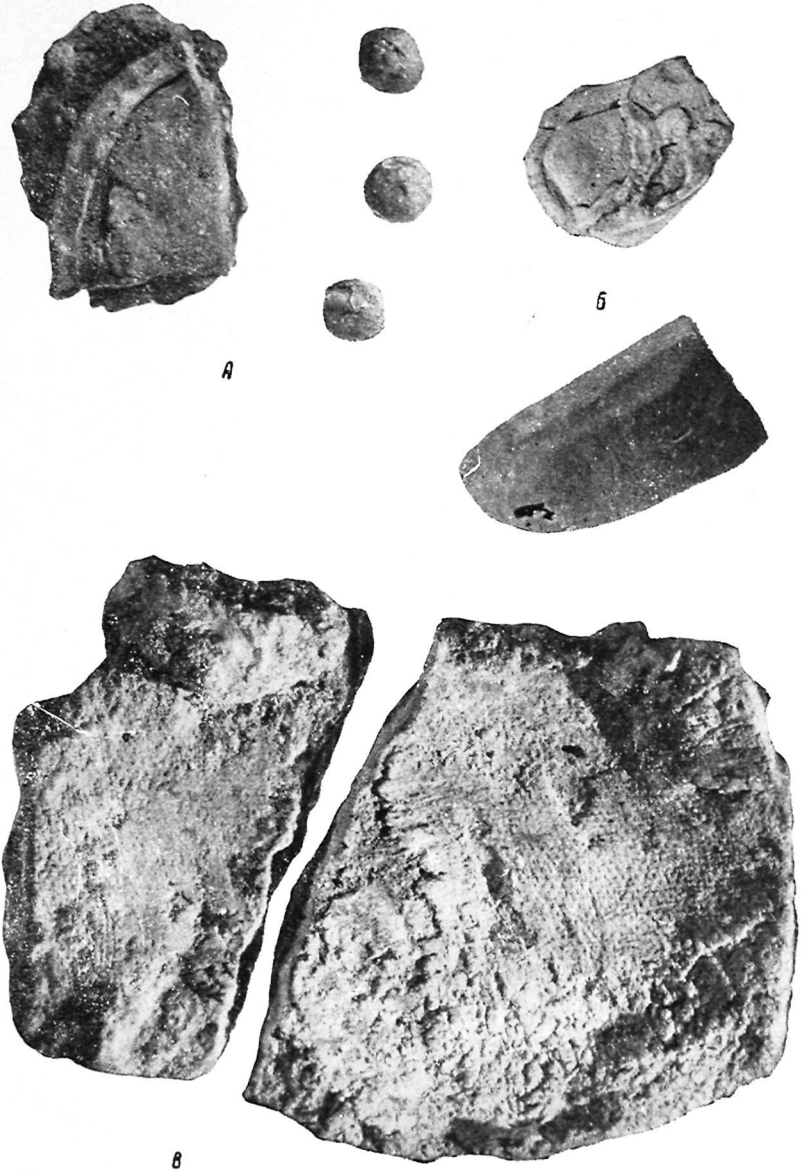

Рис. 25

Рис. 26

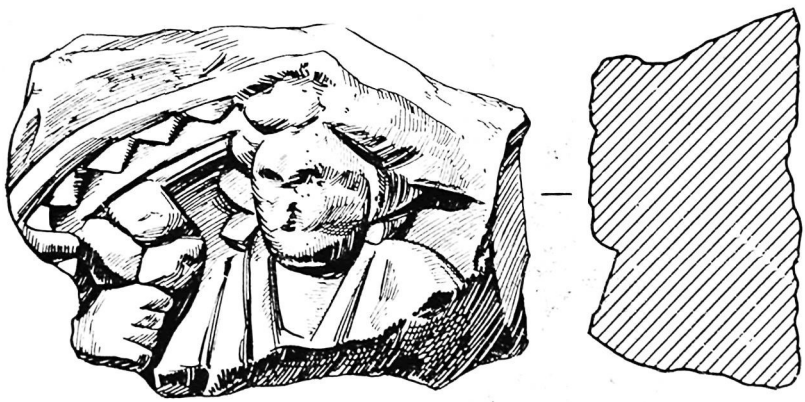

Рис. 27

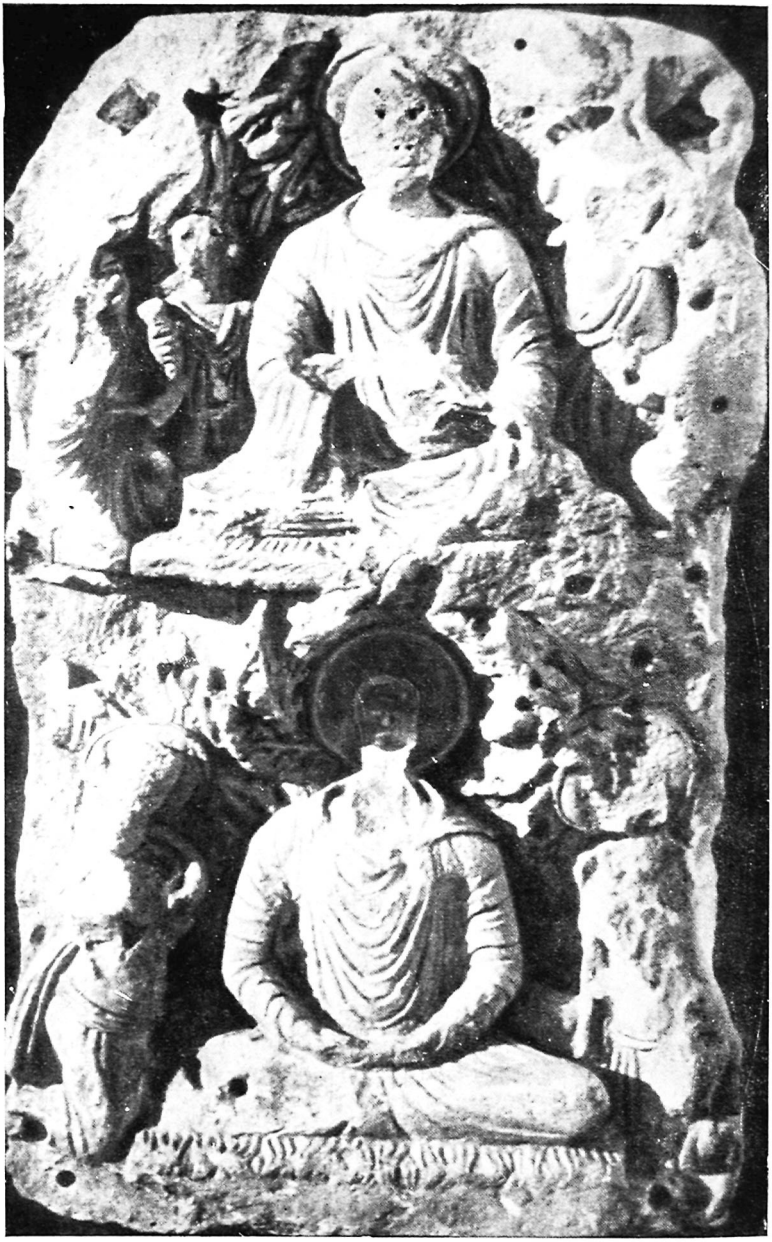

Рис. 28

Рис. 29

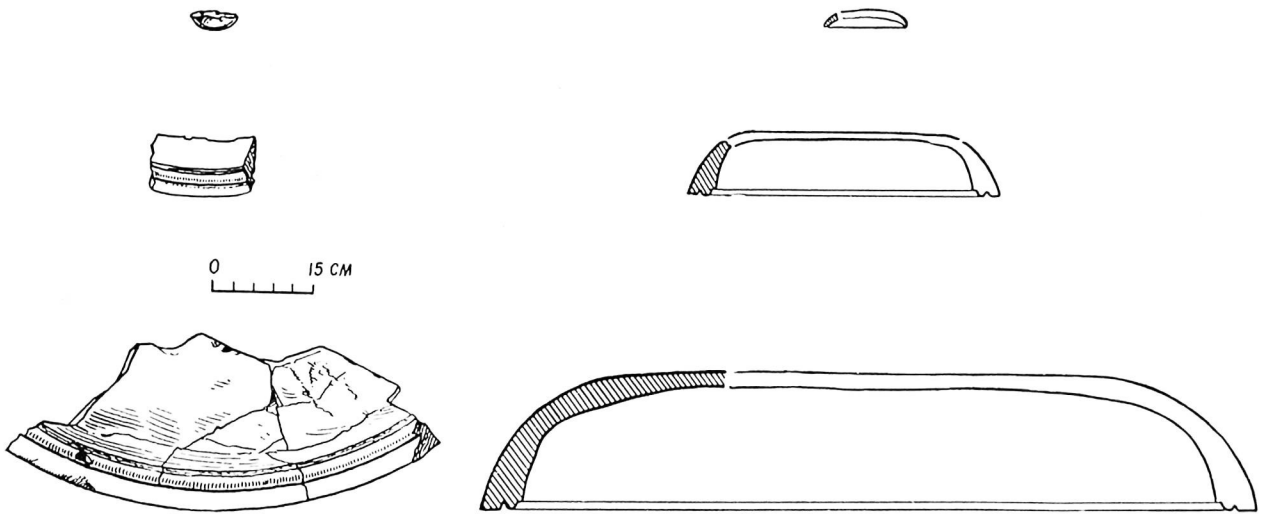

Рис. 30

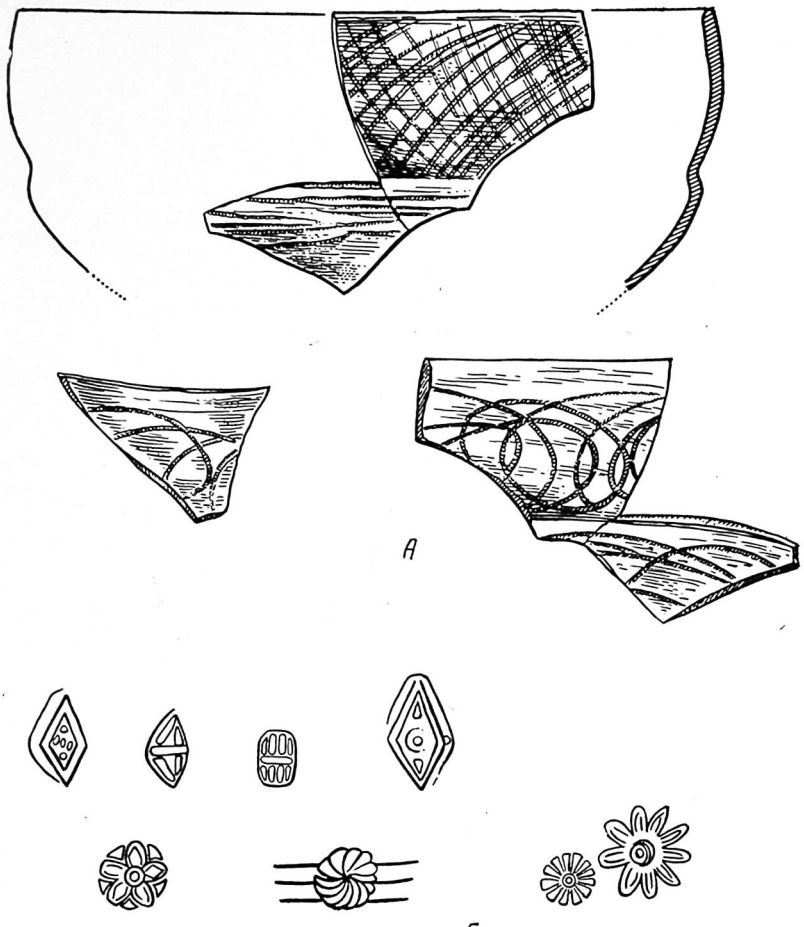

Рис. 31

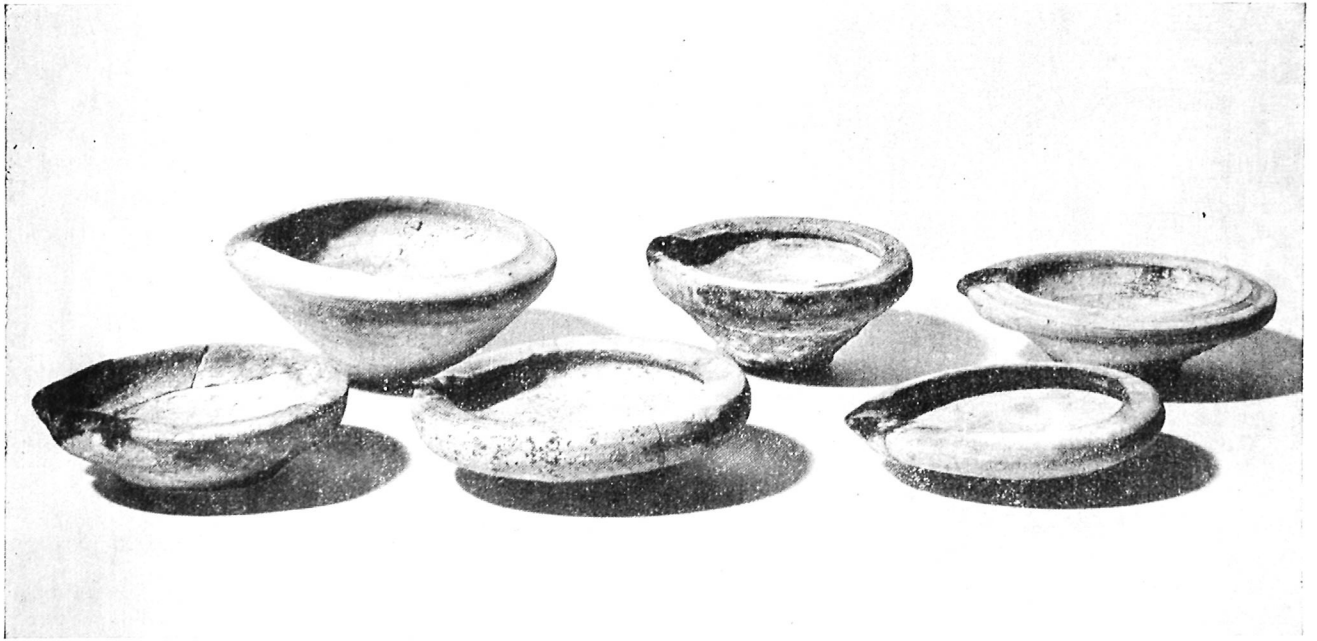
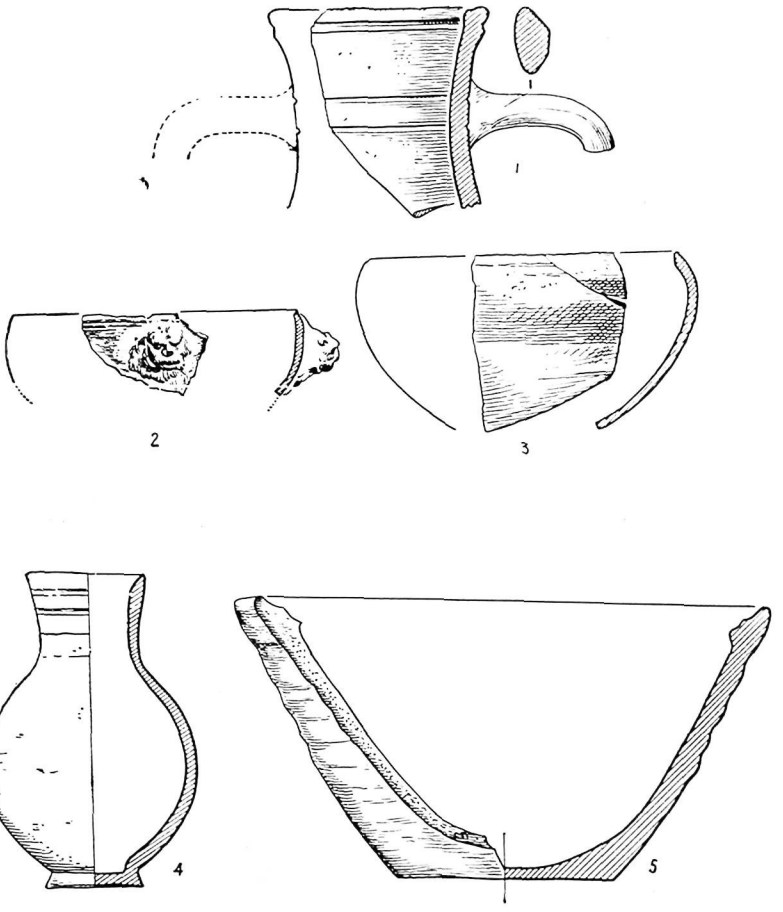

Рис. 32

10 Заказ 1147

Рис. 33

Puc. 34

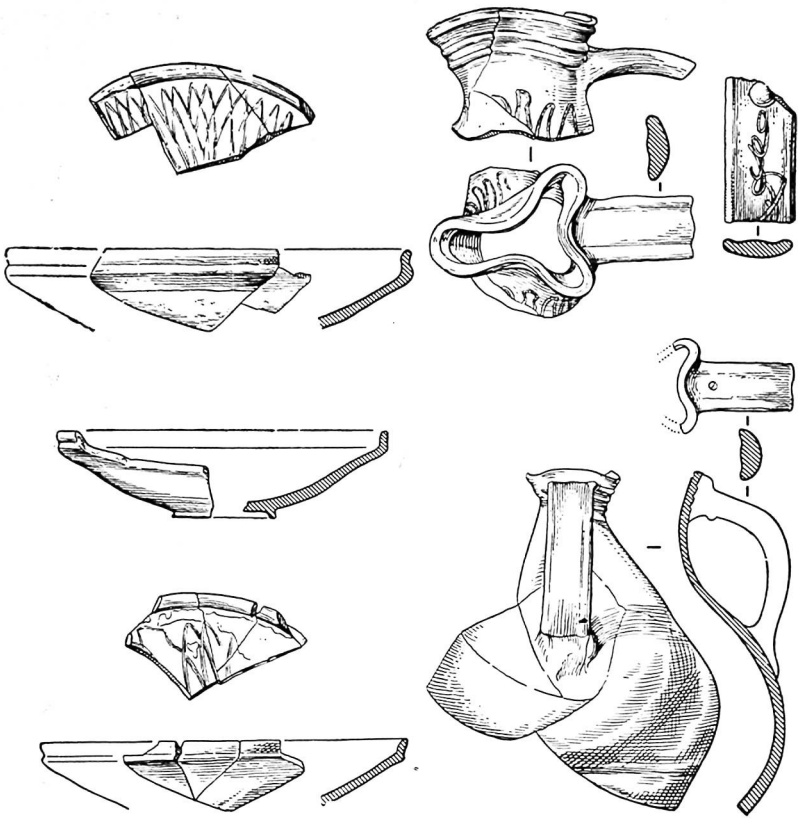
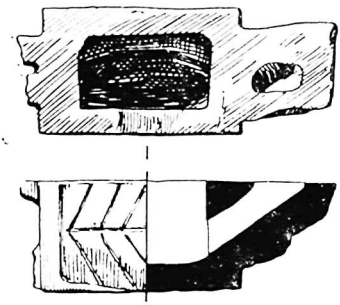
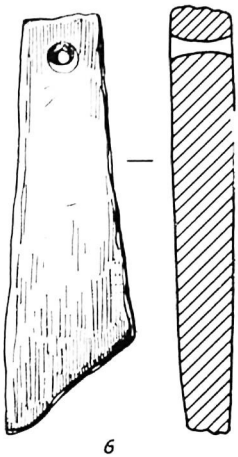
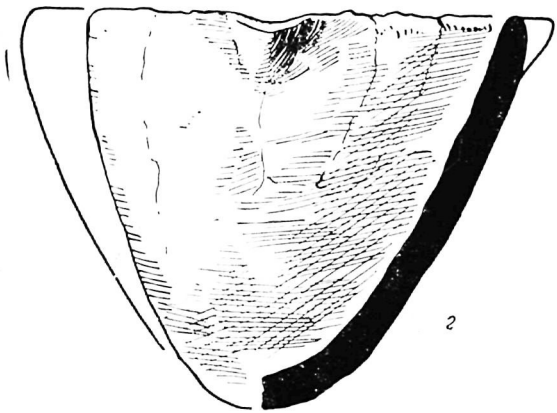

Рис. 35

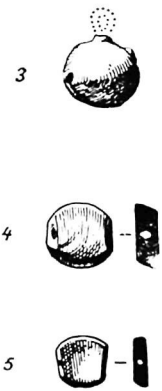
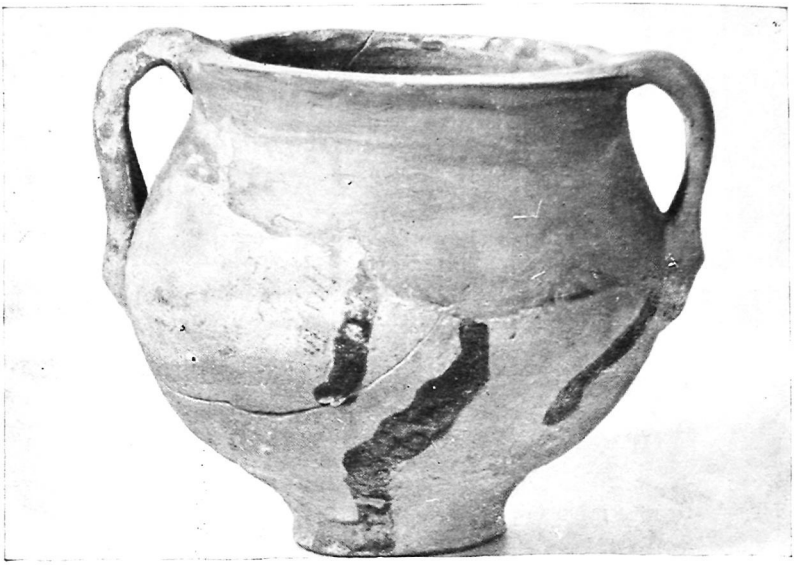

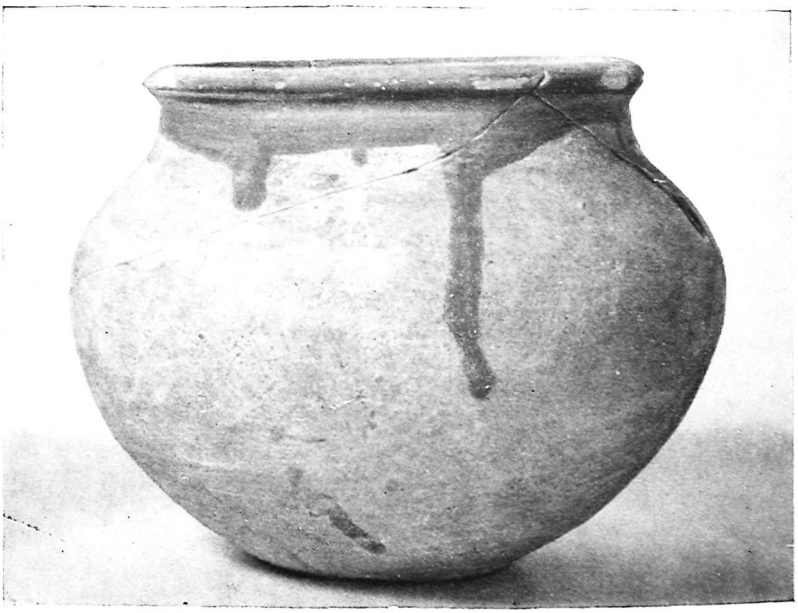
Рис. 36

Рис. 37

А

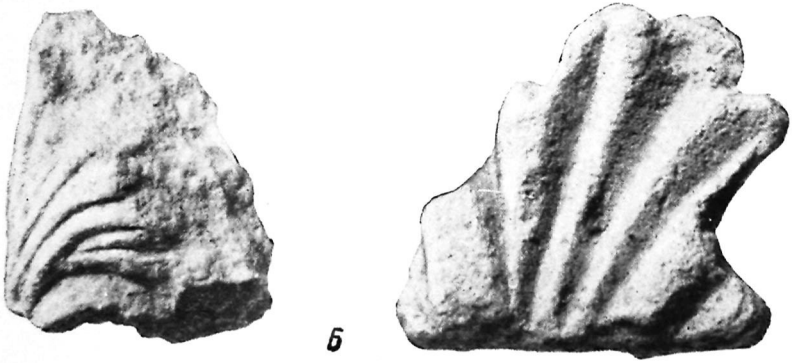

Б

Рис. 38

А

Б

Рис. 39

А

Б

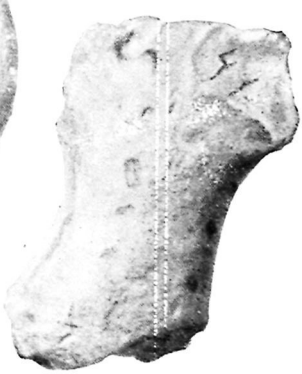
В

Д

Г

Е

Рис. 40

Рис. 41

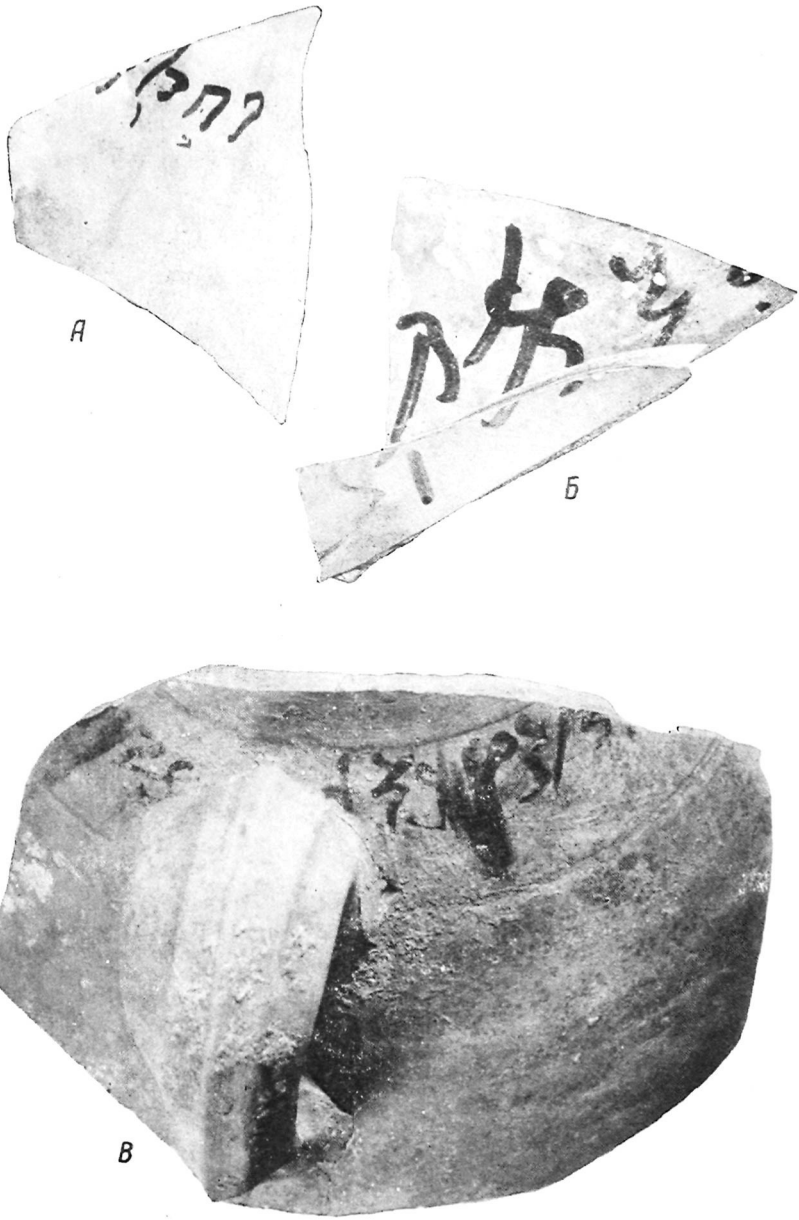

Рис. 42

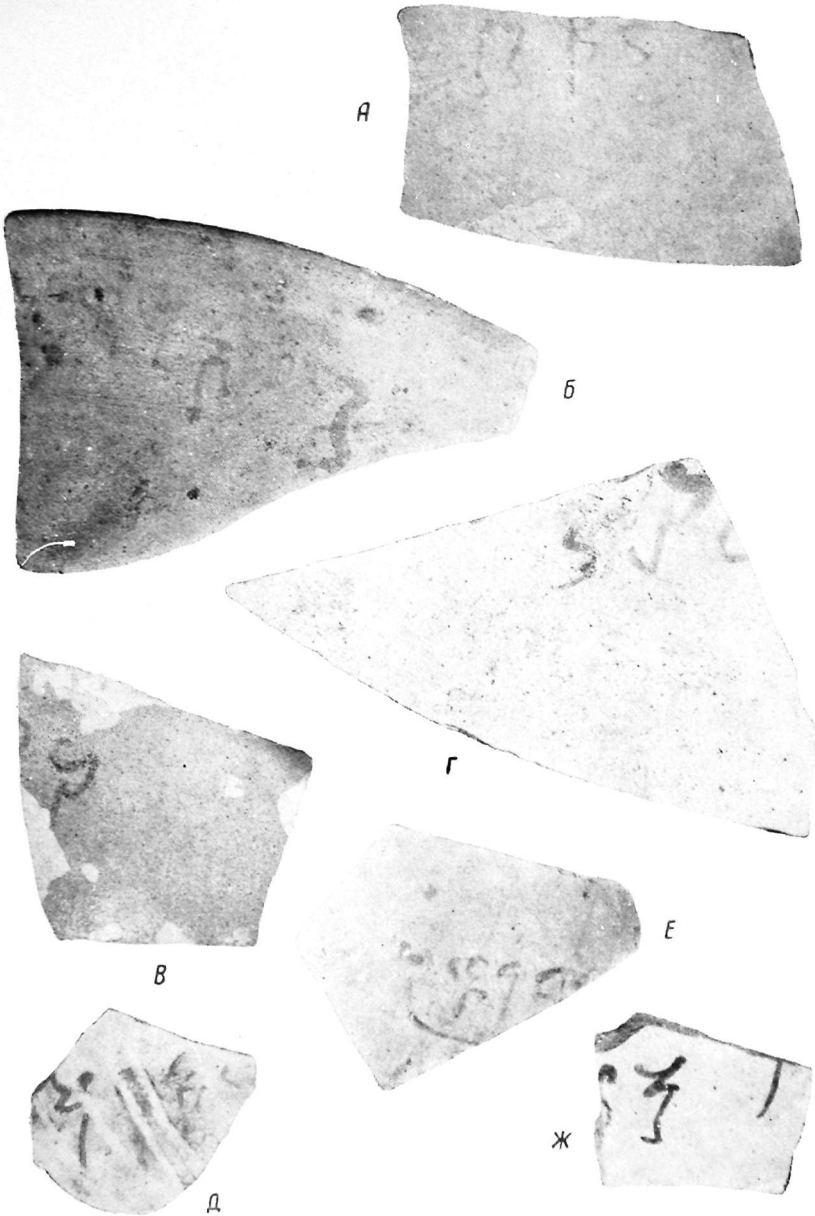

Рис. 43

А

Б

Рис. 44

Рис. 45

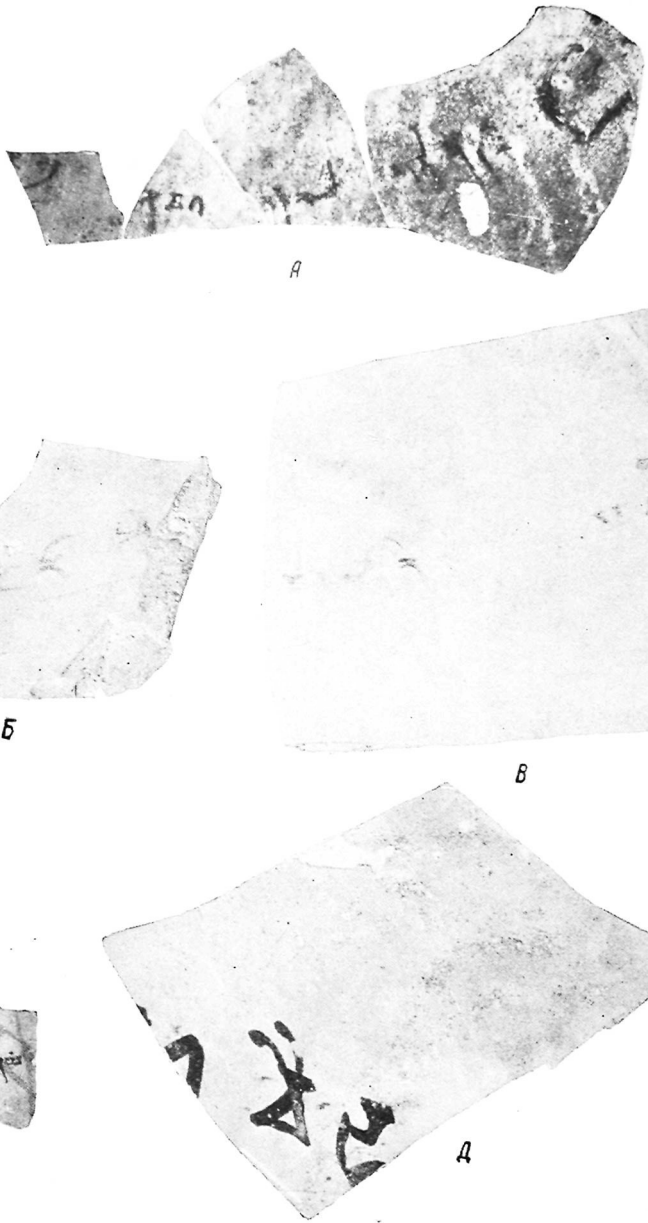

Рис. 46

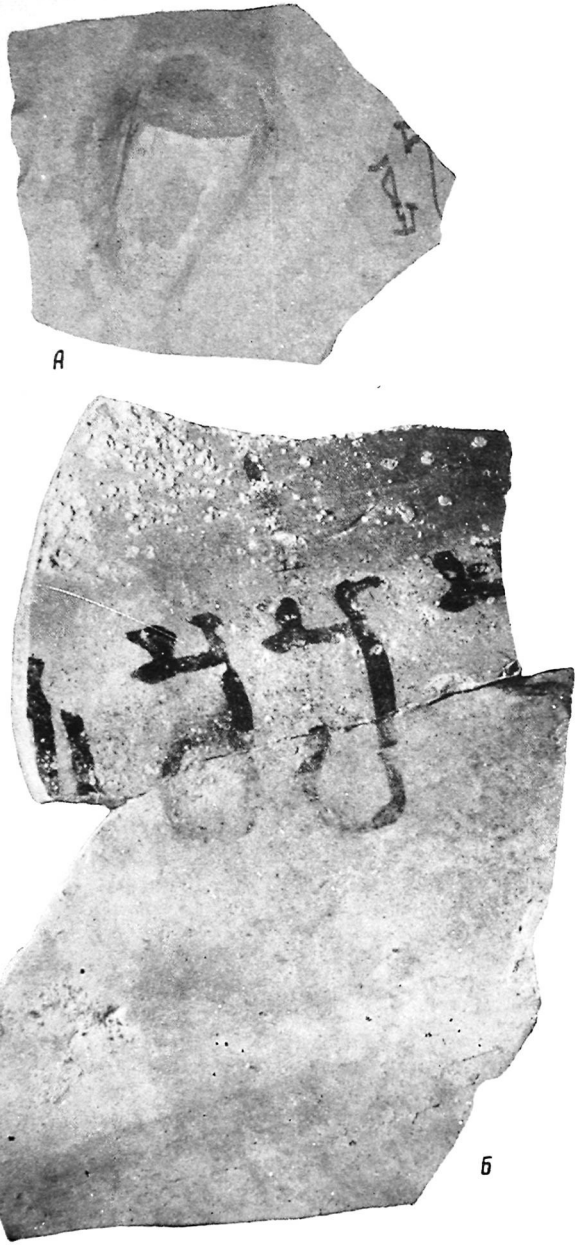

Рис. 47

Рис. 48

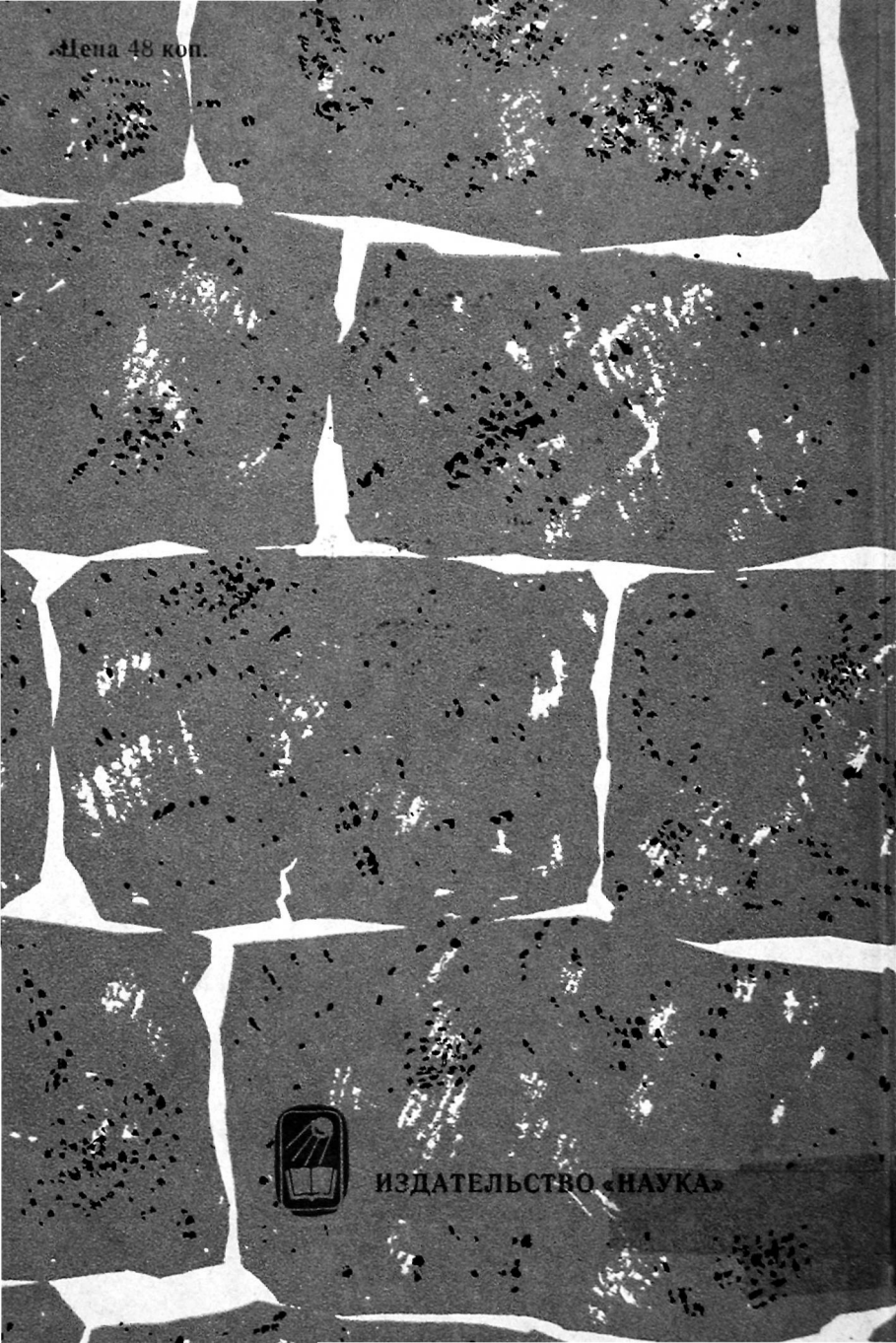
СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	18 сн.	входила	выходила
28	1 сн.	землевладельцев	земледельцев
47	14 сн.	в пещерном	и в пещерном
49	19 сн.	1964	1954
53	2 сн.	Силаньтев	Силаньтева
101	17 св.	II — III	П — III
109	4 сн.	102	103
109	3 сн.	103	105
109	2 сн.	105	107

Исправление к рис. 7: в легенде следует поменять местами условные обозначения основных и вторичных сырцовых кладок.

Зак. 2161

Цена 48 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»